

А. ВЕЛИЧКО
ФАГОЦИТ

Annotation

Шестидесятые годы двадцатого века, Советский Союз. Лучшие годы страны. Время, когда люди поверили в светлое будущее, когда жизнь с каждым годом становилась лучше... или время, когда окончательно сформировались основные факторы будущего развала СССР — полнейшая деградация партии, криминализация торговли, неповоротливость планового хозяйства, разочарование народа в коммунистических лозунгах и многое другое? Вопрос непростой, но нашему современнику придется в нем разобраться — ведь ему же теперь там жить.

- [Андрей Величко](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Эпилог](#)
-

Андрей Величко

Фагоцит

Пролог

У меня вообще-то довольно много профессий. Институт я окончил со специальностью «производство полупроводниковых приборов», но работать начал в НИИ, занимающимся авиационной радиоэлектроникой, которая в то время была исключительно ламповой. Однако режимное предприятие ни малейшего восторга у меня не вызывало, и, как только были отработаны три года по распределению, я перебрался в ФИАН. После чего сменил еще два места работы, оставаясь, однако, электронщиком-универсалом, тогда такие еще были. Сейчас их практически нет, но не потому, что люди стали глупее, а просто сама электроника неизмеримо усложнилась.

Впрочем, одной зарплаты мне всегда не хватало, причем независимо от ее величины. Хотелось как минимум полторы, а лучше даже две или вовсе две с половиной. Вопреки довольно распространенному сейчас мнению, в Советском Союзе никаких особых проблем с этим не было — если, конечно, не зарываться. Я ремонтировал магнитофоны, телевизоры, утюги и велосипеды, собирал на заказ звуковые усилители высшего класса, в том числе и на нелюбимых мной лампах, а после выхода ВАЗ-а на проектную мощность заметной статьей дохода стали автомобильные сигнализации. В общем, я не бедствовал ни при социализме, ни после. И сейчас не жалею. Пенсия, конечно, небольшая, так я и не пытаюсь жить только на эту нищенскую подачку от государства. Китайские сварочные инверторы, скажем прямо, это вещь. Схемно они все застыли на уровне девяностых годов прошлого века, го есть ремонтируются без особых проблем, зато горят хорошо, особенно дешевые, то есть самые массовые. Но, впрочем, не сварочниками едиными жив человек. Недавно появились гироскутеры и моноколеса, а это тоже не совсем образец надежности, особенно в малобюджетном секторе. В общем, я еще не настолько обнищал, чтобы брать деньги за то, что у меня получается чуть ли не хуже всего, что я умею, но все-таки получается. И что я считаю самым главным своим талантом. И случаев, когда мне удавалось достичь хоть какого-то успеха именно в таком качестве, было не один и не два. Как именно выглядел тот самый успех? А вот об этом, пожалуй, лучше рассказать немного погодя. Хотя... чего тут особенно скрывать-то... в общем, я слабый, не очень умелый, но все-таки экстрасенс.

Глава 1

Примерно полгода назад у меня появились небольшие неприятности, начавшиеся с визита участкового.

— Виктор Васильевич, — заявил он, — к нам пришел сигнал, что вы занимаетесь незаконной коммерческой деятельностью.

Блин, без особого расстройствa подумал я, кто же настучал-то? Сергеич, которому уже третий раз восстановил его безымянный сварочник? Да нет, скорее та нервная мамаша с гироскутером. Впрочем, хрен они что докажут, левых денег на карту я не принимаю принципиально, отговариваясь общей дремучестью. Интересно, у участкового хватит полномочий заблокировать мой счет или нет? Наверное, нет, ибо если бы он мог, то уже это сделал бы, а только потом пошел разговаривать. Или я о нем зря плохо думаю?

Дальнейшая беседа показала, что это скорее всего так.

— Вы лечили гражданина Ликина?

— Нет, — с чистой совестью ответил я. — Просто поговорил с ним, попытался успокоить. Он пришел ко мне сильно напуганный своей язвой, думал, что на самом деле у него рак. Откуда он взял, что я народный целитель и могу ему помочь, понятия не имею. Наверное, наплела соседка с третьего этажа, у нее с головой давно непорядок. Ну, чтобы его успокоить, я над ним помахал руками и сказал, что никакого рака у него нет, а язва скоро сама заживет. Никаких денег он не предлагал, да я бы и не взял.

— Вас не затруднит написать все, что вы сказали, в виде объяснительной?

— Разумеется.

Я быстро сочинил отписку, отдал ее участковому, а потом еще почти час расстраивался по поводу людской неблагодарности. Этот Ликин, когда я отказался от денег, похоже, решил, что я ему обязан по жизни. И, благо язва действительно зарубцевалась (кстати, не факт, что именно от моих усилий), явился чего-то требовать, да еще и пьяным. А пьяные мне противны, поэтому я не спустил его с лестницы только потому, что он мгновенно понял мои намерения и слинял сам. А теперь, значит, кляузы пишет? Да чтоб он сдох, зараза!

Весь остаток дня я злился, сам себе удивляясь, потом ночью снилось что-то, чего не удалось вспомнить, проснувшись. Зато встал в самом

радужном настроении. Ей-богу, так и хотелось вот прямо сейчас сделать хоть кому-нибудь что-то хорошее! И только к обеду настроение пришло в норму. Это что, уже старость? Как-то я себе ее влияние представлял немного не так.

Вот только вскоре я случайно узнал, что этот Ликин помер именно тем прекрасным утром. С вечера нажрался до свинского состояния, ну, а утром — острая сердечная недостаточность. М-даа... в принципе, конечно, это все скорее всего чисто случайно совпало. А если нет? Вот ведь не было б печали! Нет уж, экстра-киллером я подрабатывать не буду, даже не уговаривайте. Но если не брать денег, а действовать исключительно из высших гуманистических побуждений, это ведь совсем другое?

Тьфу, вот ведь гадость какая в голову лезет, попенял я сам себе. И напомнил себе же, что далеко не факт, будто мои способности являются моей личной заслугой. Не исключено, что здесь отметилась какая-то высшая сила из принципиально непознаваемых мной соображений. И, значит, ее лучше зря не злить всякими такими левыми мыслями, вдруг она действительно есть. А то ведь невзначай и ответка может прилететь.

Вот уж не знаю, была ли тут связь, но в течение трех с лишним месяцев после этой истории я ни к кому свои способности не применял.

А вот тут, пожалуй, не помешает кое-что уточнить.

Я не умею взглядом зажигать или гасить огонь, ко мне не липнут гвозди, вилки и прочие железные предметы. Телекинезом не владею, чужих мыслей не читаю. Предсказывать будущее даже не пытаюсь за полной бесполезностью этого занятия, равно как и искать пропавших людей по фотографии.

Мне удается только лечить. Людей, собак, кошек точно, это я делал, и довольно часто неплохо получалось. Голубей не пробовал и пробовать не буду, ибо не люблю этих летучих крыс. Не исключено, что могу прогнать тараканов, но наверняка утверждать этого не стану — было-то всего один раз, и, может, они тогда из квартиры сами ушли. Более того, и человека-то я способен вылечить не от всего и не всякого. И очень редко получается, чтобы сразу и до конца. Реальный результат — пациенту становится лучше, и дальше он потихоньку выздоравливает сам. А иногда бывает, что и не выздоравливает.

Если усреднить, то дело обстоит примерно так. Из десяти моих благотворному влиянию поддадутся двое, на остальных я вообще никак воздействовать не смогу. Причем это чувствуется сразу, с первых секунд общения.

Из оставшихся двоих одного будет лечить довольно трудно, а результат

окажется умеренным. Таким был не к ночи будь помянутым Ликин, например. Отчего я и сомневался, мое ли воздействие ему помогло или с язвой все-таки справились врачи в поликлинике.

И, наконец, последнего, десятого, я буду чувствовать как себя, и результат воздействия окажется соответствующий. Мне ведь не нужно знать, как медики называют его болезнь — язва желудка, рак поджелудочной железы или межреберная невралгия. Достаточно взять человека за руки, мысленно стать им и постараться справиться с его недугом, как со своим. Это действительно возможно, хотя иногда сеанс может длиться пару часов, да еще одного и не всегда хватает. А со своими болячками я справляться умею. В шестьдесят шесть лет я даже не знаю, где моя районная поликлиника, хотя живу в теперешней квартире уже девятый год после того, как снесли мою старую пятиэтажку. Во-первых, мне к врачам не надо. А во-вторых, если кто-то из них вдруг внимательно изучит мое здоровье (понимаю, что фантастика, но все же) да еще доложит результаты наверх, это станет мощным аргументом за повышение пенсионного возраста. Нет уж, перебьются.

Ладно, это я немного отвлекся. Есть и еще одно ограничение. Исцелив кого-то хоть от зубной боли, я на какое-то время теряю свои трансцендентные способности, даже себя в случае чего подлечить не могу. Иногда это продолжается пару дней, иногда неделю, а один раз затянулось на полтора месяца. Причем от тяжести состояния пациента это не зависит совершенно! А от чего — да хрен его знает.

Так вот, после контакта с безвременно откинувшим копыта гадом Ликиным я на целых три месяца впал в недееспособность. Даже начал беспокоиться, что это навсегда, но тут мои способности вернулись, причем резко и не совсем обычно.

Когда пациент рядом, особенно тот, который в моей классификации «десятый», я чувствую, что ему нужна помощь — иногда даже до того, как возьму его за руки. И, кстати, если эту самую помощь не оказать, то получается какой-то откат. Дерьмом я себя начинаю чувствовать, причем в буквальном смысле слова. Полная иллюзия, будто воняю, причем на редкость омерзительно, аж голова кружится. Было такое со мной один раз, в метро во время давки. Может, действительно, следовало наплевать на приличия и сказать «женщина, извините, но вы серьезно больны, и я могу вам помочь»? Так ведь небось послала бы. В общем, ощущения потом были весьма далеки от положительных.

И, значит, возвращение способностей началось с того, что я почувствовал — кому-то нужна моя помощь. Очень нужна, человек

умирает. На основании предыдущего опыта могу сказать — для столь сильного ощущения нужен установившийся тесный контакт. Но я в квартире один! И соседняя стоит пустая, ее жильцы на днях всей семьей уехали отдохнуть в Египет.

На всякий случай я вышел и позвонил в дверь соседям — мало ли, вдруг кто-там остался и ему нехорошо? Но никакой реакции на мой звонок не последовало. И вообще ощущения стали слабее, как будто я удалился от объекта.

Быстро выяснилось, что сильнее всего меня нахлобучивает около дивана. Да что же это такое, ко мне пробрался какой-то человек-невидимка, разлегся тут и заболел? Причем не только невидимка, но еще и неощутимка до кучи. Привидение взывает о помощи? Так оно хоть посветилось бы, что ли! Не умею я колдовать вслепую. Лечь, может, на этот диван, глядишь, ситуация немного прояснится?

Я так и сделал, и, что удивительно, вскоре задремал. Да ладно, чего уж тут выбирать осторожные эпитеты! Просто заснул, или даже задрях. Вплоть до того, что мне приснился сон. И не сказать, что такой уж приятный.

Я лежал и смотрел в потолок. Грязно-белый, в трещинах, а чуть в стороне от поля зрения на толстом перевитом шнуре висела лампа без абажура. Кстати, даже такое простое движение, как еле заметный поворот головы, мне удалось с большим трудом. Чувствовал я себя отвратительно, голова болела, а всего остального просто не ощущалось. И в этом сне подлечить себя у меня не было ни малейшей возможности. Причем я отчетливо понимал, что это именно сон.

Тут в помещение, где я валялся, зашли люди. Судя по шагам, не меньше трех человек, со слухом во сне все оказалось в порядке.

— Младший сержант Скворцов! — заговорил один из вошедших. — Несчастный случай на учениях! Контузия, черепно-мозговая травма, третьи сутки в коме...

Дальше он продолжал, похоже, на латыни.

— В коме? — переспросил другой голос. На слух — существенно старше первого. И по возрасту, и по положению — чувствовались этикие начальственные нотки.

— Кажется, из комы наш пациент уже вышел. Ну-с, товарищ сержант, как самочувствие?

Так как дело происходило во сне, то я собрался было ответить «гусь свинье не товарищ», однако вовремя понял, что столь длинной и сложной фразы мне в теперешнем состоянии не осилить. И просто просипел:

— Хре... ново...

А потом в глазах потемнело, и я проснулся.

Настроение было безоблачным, и вообще испытывалась легкая эйфория. Так со мной иногда бывало после удачно проведенного сеанса, но сейчас я вроде никого не лечил. Кроме того, все мои способности при мне, причем они практически на максимуме! Чудеса, да и только.

Я глянул на часы — проспал часа полтора, нормально. После чего сходил ополоснуть физиономию и, уже вытираясь, обратил внимание на еще одну странность.

У многих, не только у меня, запомнить сны получается редко и только по специальной методике. То есть, еще не до конца проснувшись, человек обычно хорошо помнит все произошедшее с ним во сне. Но стоит пошевелиться — и половины воспоминаний как не бывало. Встал — испарилась еще половина, уже от оставшегося. Прошелся до туалета и обратно — и хорошо, если помнишь, на какую тему был сон, но часто не остается даже этого.

Эту закономерность можно обойти. Надо всего лишь сразу прокрутить в памяти все произошедшее во сне — ну вроде как снять резервную копию. Сами воспоминания и в этом случае, как всегда, быстро исчезнут, но копия останется.

Вот только я давно подобным не занимался. Зачем? Емкость человеческой памяти не бездонна, и не стоит засорять ее не пойми чем, особенно в не таком уж юном возрасте. Поэтому я бы нисколько не удивился, не обнаружив почти никаких воспоминаний о недавнем сне. Однако удивляться пришлось другому — все они остались в полной неприкосновенности. При желании я мог восстановить чуть ли не каждую секунду! А уж каждую минуту — наверняка. Не забылись даже незнакомые слова, что произносились там в моем присутствии. Ну прямо какой-то день сюрпризов, право слово.

В общем, я решил считать, что мои способности вышли на новый уровень и теперь я могу воздействовать на страждущих дистанционно и не имея ни малейшего понятия о том, где они находятся и кто это вообще такие. Вон, похоже, помог какому-то солдатику, и это хорошо. А если мне все просто приснилось, то тоже неплохо, сил-то я на это не потратил.

Примерно через неделю я вновь почувствовал то смутное беспокойство, которое недавно заставило меня лечь и увидеть сон. Только теперь оно было гораздо слабее, если бы не прошлый раз, я бы вообще не понял, что это, и не обратил бы особого внимания. А так — лег, поворочался и, задремав, увидел продолжение.

Оно было довольно странным. Мне снилось, что я лежу в полной отключке, то есть без сознания. Своеобразное, доложу вам, ощущение! До сих пор со мной такого ни во сне, ни наяву не случалось — чтобы лежать без сознания и прекрасно это понимать. Вот только чем бы заняться, скучно же! Глаза не открываются, ничего не слышно и почти ничего не чувствуется.

Однако занятие быстро нашлось. Оказалось, что я могу немного помочь этому организму, неважно, порождение ли он моего сна или некто реально где-то существующий. Ну, я и начал помогать. Время в такой ситуации ощущалось так себе, но явно прошли не минуты и даже не десятки минут. Часов пять как минимум, а то и все десять. Наконец организму стало лучше, он уже совсем собрался прийти в сознание, и я проснулся.

Первым делом глянул на часы — вот те раз! Спал-то всего минут сорок пять. Но что на помощь потустороннему пациенту ушло намного больше времени, тут сомнений быть не может. Значит, это все-таки сон, только там за час-другой реального времени может пройти неделя. Жалко — выходит, примерить на себя роль великого гуманиста, без колебаний бросающегося на помощь ближнему, не получится. Ну да ладно, обойдусь, сон так сон. Зато можно не волноваться, что я там натворю чего-нибудь не того. Хотя, конечно, лучше особо не безобразить. Учиню-то какую-нибудь глупость я, может, и во сне, зато стыдно будет наяву.

Эти сны посещали меня еще несколько раз, хоть и не каждый день. Пациент потихоньку поправлялся, причем выяснилась интересная подробность.

Сначала я обратил внимание, что реальная продолжительность сна (не всякого, а только такого, в котором я переносюсь того контуженного парня) постоянно сокращается. То есть я ложился, засыпал, потом лежал уже в теле пациента, потихоньку лечил его, просто так пялился в потолок, слушал разговоры медперсонала, потом засыпал, и просыпался в своей квартире минут через пятнадцать. Причем спать мне не хотелось совершенно — как будто я продрях часов семь, если не вообще восемь. Что интересно, и по ту сторону сна было то же самое. Поэтому приходилось часов по пять подряд делать вид, что пациент спит, а то не дай бог его снотворными пичкать начнут.

Еще одним дополнительным аргументом за то, что это все-таки сон, было то, что о пациенте я почти ничего не знал. Почти — это потому, что за время лежания я из разговоров окружающих я узнал, что меня здесь, как и в реальности, зовут Виктор, зато фамилия Скворцов, а не Антонов. Звание

— младший сержант. На учениях что-то взорвалось, и мне хорошо прилетело. Все думали, что я вот-вот склею ласты, а я вдруг взял и ожил. Чудеса, да и только!

Впрочем, скоро выяснилось то, что лично на меня произвело куда более серьезное впечатление. Ну, что пациент не помер — это хорошо, но не так чтобы удивительно — я же его сам вытягивал. А вот заявление медсестры о том, что совсем недавно в космос летала Терешкова в компании с Быковским, меня сбило с толку.

— Э... а какой сейчас год?

— Бедненький, эк тебя приложило-то! Шестьдесят второй у нас год, какой же еще. Одиннадцатое октября сегодня.

— А где я?

— Даже этого не помнишь? Да ты не пугайся, тобой сам Максим Илларионович занялся, а к нему лечиться приезжают аж из Хабаровска и Читы. В Белогорске мы, это армейский госпиталь. Вылечит тебя наш доктор, ты не думай, он и не таких на ноги ставил.

Ага, подумал я, мне снится, что у меня амнезия. Да и ладно, настоящую-то свою жизнь я прекрасно помню, а что приснившуюся начисто забыл, это не страшно, мне ее небось скоро расскажут. А лежу я, значит, в том Белогорске, что в Амурской области, а не в том, что в Крыму. Там бы про Читу и Хабаровск не говорили. Вообще, конечно, сон увлекательный. Надо же, шестьдесят второй год! Это ж можно, например, вылечившись, съездить в Москву, улучшить момент и с чувством плюнуть Хрущеву на лысину. Сон же! Или все-таки не стоит?

На ближайшем обходе Максим Илларионович специально задержался у моей койки, дабы уточнить глубину постигшей меня амнезии. После вопроса об имени и фамилии он спросил год рождения, который я, естественно, не помнил. Оказалось, что пациент родился третьего мая сорок первого года.

Про учения, из-за которых я здесь оказался, ответ был стандартный — не помню.

Тогда доктор поинтересовался:

— В каком году было Бородинское сражение?

— В тысяча восемьсот двенадцатом.

— Сколько будет восемью восемь?

— Шестьдесят четыре.

Подумав, я добавил:

— Двадцать пять в квадрате — шестьсот двадцать пять. Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ, производная синуса равна косинусу того же

аргумента, лошадь... то есть тьфу, Волга впадает в Каспийское море, а лошадь зато относится к отряду непарнокопытных.

— Про косинус я не в курсе, а все остальное правильно. Значит, хотя бы часть школьной программы ты не забыл. Хотя, конечно, амнезия у тебя довольно обширная. По воинской специальности ты радист?

На всякий случай я ответил «да».

— Можешь назвать буквы в азбуке Морзе?

Так как телеграфную азбуку я выучил еще в юности реальной жизни и до сих пор не забыл, то с ответом у меня не задержалось.

— А — точка, тире. Бэ — тире, три точки. Вэ — точка, два тире. Гэ...

— Хватит, хватит, я записывать не успеваю, — махнул рукой доктор.

А потом он частично посвятил меня в интриги, сопутствующие моему ранению. Оказывается, мое состояние вполне тянуло на получение инвалидности, однако это стало бы как серпом по яйцам полковому начальству. Одно дело, когда на учениях возникла нештатная ситуация, но она благодаря самообладанию сержанта Скворцова и умелому руководству товарищей такого-то и такого-то обошлась без жертв, разрушений и ущерба чьему-то здоровью, и совсем другое, когда военный служащий чуть не погиб и стал инвалидом. Тут могут начать копать, и хорошо, если накопят только халатность. Понятно, что все постараются свалить на меня, но и начальству тоже может достаться.

Все это доктор поведал очень обтекаемо и даже местами иносказательно, но я его прекрасно понял.

— Вопрос встал на батальонном или полковом уровне?

— На полковом, а что?

— Не сочтите за наглость, но лично вы как считаете — я инвалид или нет?

— Нет. Но на инвалидность имеешь право, и, если будешь настаивать, получишь ее.

— Пусть ко мне командир роты зайдет, навестит раненого воина. А до того я сказать ничего не могу. Главврач покачал головой, пожелал мне скорейшего выздоровления и удалился. А я подумал — надо же, во сне уже и интрига закручивается! Может, это все-таки не сон, а нечто другое?

Глава 2

Сосед вышел в Чите, и я остался один в четырехместном купе. Впрочем, этот сосед мне и раньше не больно-то мешал. В основном он спал, распространяя аромат перегара, но не очень сильный, мне даже противно почти не было.

Увы, за все в жизни приходится платить. В детстве я был как все, и в юности тоже от большинства сверстников не особо отличался. Но где-то лет в двадцать пять потихоньку, почти незаметно, начали проявляться экстрасенсорные способности, а параллельно с ними появилось неприятие спиртного. И то, и другое помаленьку росло, так что годам к сорока простые человеческие радости — ну типа нажраться в сопли, поколобродить, потом заснуть мордой в салате, а с утра мучиться похмельем — стали мне недоступны. Причем все устроилось мягко, не как, например, у торпедированных алкашей. Я в принципе мог выпить граммов сто, даже сто пятьдесят, но никакого смысла в этом не видел. Водка для меня стала чем-то... ну, наподобие мочи для обычного человека. Пить-то, наверное, можно, если по чуть-чуть, авось и не стошнит, во всяком случае сразу. Но зачем? Противно же.

Во сне это свойство организма не только никуда не исчезло, но даже слегка усилилось, хотя здешнему мне был всего двадцать один год. Я это понял, когда мне делали уколы, а потом протирали кожу ваткой, смоченной в спирте.

Кстати, мои друзья-сослуживцы, что с подачи ротного навещали меня в госпитале, сочли именно это чуть ли не трагедией и искренне жалели. Подумаешь, забыл человек что-то! Во-первых, не все, во-вторых, не факт, что это вообще следовало помнить, а в-третьих — да и хрен с ним. Но вот что бедняга теперь пить не может, как все люди, это ужасно. Неужели передовая советская медицина тут бессильна или просто здесь, в госпитале, не врачи, а коновалы? Но ты, Вить, не падай духом. Ты же москвич, а у вас там в столице всяких академиков как собак нерезаных, авось кто и поможет.

С ротным мы договорились сразу. Он приносит мне мое личное дело, якобы чтобы я мог что-то из своего прошлого вспомнить, и организует визиты приятелей, с теми же целями. Я в ответ не лезу в бутылку и не настаиваю на инвалидности, а соглашаюсь с результатами расследования инцидента, после чего спокойно демобилизуюсь, благо все равно пора. Но

в Москву еду не в середине ноября эшелонном, а пораньше и литером.

Мне даже присвоили следующее звание, так что дембельнулся я сержантом. И денег дали не так уж мало, восемьдесят два рубля с копейками, так что я, доплатив двадцать рублей с мелочью, поехал не в плацкартном, а в купейном вагоне. Он, кстати, был почти пустой, в отличие от плацкартных. Общих вагонов, где поездка была бы для меня бесплатной, в поезде «Россия» не было.

Когда я первый раз вышел на улицу, у меня аж голова закружилась. А вы сами попробуйте полежать месяца полтора, не вставая — вас потом в помещении будет сквознячком шатать, не то что ветерком на улице.

Да уж, сон получается какой-то слишком реалистичный, так не бывает. Похоже, это все-таки не сон. Но тогда что? Подумаю в поезде, времени там хватит, решил я.

И вот сразу после того, как попутчик избавил купе от своего присутствия, меня осенила идея. Я ведь знаю свой теперешний адрес. Так почему бы не съездить туда в реальности и не посмотреть, насколько тамошняя обстановка отличается от того, что здесь я узнал из своего личного дела? Вторая улица Строителей, дом такой-то, квартира такая-то. Потом, кажется, это будет улица Инессы Арманд. Или Крупской? Ладно, дома разберусь, подумал я и лег на полку, не разбирая постель.

Проснувшись и мельком глянув на часы, я включил копм и, пока он грузился, в очередной раз прикинул, что я помню из последнего отрезка сна. Как всегда, практически все. Ничуть не хуже, чем здешний вчерашний день. Так, лезем в яндекс... ага, это все-таки улица Крупской. Недалеко, так что съезжу-ка я туда прямо сейчас.

Дом нашелся быстро, а квартира, похоже, была на первом этаже, довольно низком, пол этак примерно в полуметре над землей. На лавочке у подъезда сидела бабуля примерно моего возраста или чуть старше, и я решил, что вот она-то может знать все про всех и, если повести разговор правильно, с удовольствием расскажет. Поэтому я состроил мечтательное выражение лица и начал с интересом разглядывать ряды окон.

— Кхе, вы что-то ищете? — подала голос бабуля.

— Да, знаете, вот как-то мне вдруг моя первая любовь вспомнилась, вот и решил навестить двор, где она жила. Делать-то на пенсии все равно нечего... похоже, это вон та квартира, но точно припомнить не получается. Наверное, склероз.

— Наверное, — кивнула бабка, — потому что во времена нашей с вами молодости в этой квартире проживала всего одна девушка, и это была я. Но у меня такого ухажера точно было. Разве что сосед Витя, вы на него

немного похожи, но он за мной не ухаживал, я тогда совсем малой была. Да и погиб он в шестьдесят втором... неужели? Нет, вы не он. Он повыше был заметно, да и вообще... скажите, ведь вас зовут не Виктор Скворцов?

— Нет, то есть зовут действительно Виктором, но фамилия Антонов. И всегда такой была, — уточнил я, присаживаясь рядом. И вскоре мне была рассказана история о жильцах этой квартиры.

— Василий-то Николаевич подполковником был, когда попал под сокращение. Жена у него давно умерла, говорят, болела все время, совсем здоровье потеряла в эвакуации. Но ему все-таки повезло, ушел с неплохой пенсией, и комнату им с сыном дали. Пока они вместе жили, дядя Вася еще держался, хотя, конечно, иногда... того. Но как Виктор в армию ушел, запил его отец по-черному. И в сентябре шестьдесят второго скончался, болезный. Я так думаю, что это ему еще повезло. Не узнал он, что месяцем позже сын-то его единственный в армии погиб. Комната потом полтора года стояла опечатанной. Мы уж надеялись, что ее нам отдадут, но нет, вселили в нее какого-то анахорета, он ни с кем не знался и из комнаты-то вообще почти не выходил. А я в шестьдесят девятом году за Федю Мамонтова вышла вон из того дома. Так с тех пор там и живу. Здесь? А что здесь, уже лет двадцать никто не живет, конторы какие-то.

Я на автопилоте проводил бабушку до ее подъезда, на всякий случай записал телефон, и потом раза два прошелся вверх-вниз по скверу в середине улицы Крупской. Ну и ни хрена же себе! Ага, сон, держи карман шире. Получается, я и в самом деле не дал умереть Вите Скворцову. И теперь должен жить, как в песне — «за себя и за того парня». Блин, вот ведь дурак старый! Шикануть решил, просто так взял и выкинул двадцатник, чтобы с комфортом ехать. Для проезда в плацкартном вагоне нужно было доплатить всего червонец. А он на эти десять рублей разницы в своем шестьдесят втором году мог жить неделю! Хм, какой еще «он»? Это теперь тоже я, только тамошний. Ладно, но деньги все равно лучше побережь, они тамошнему мне еще понадобятся вне зависимости от того, я он или все-таки не совсем я. Памятник хоть какой-то отцу поставить, да мало ли еще какие понадобятся траты.

Дома я решил на всякий случай записать то, что сегодня узнал, и свои мысли по этому поводу. Мало ли, вдруг забуду, а в моем теперешнем положении не скажешь, какие сведения важные, а какие нет. Та что берем ручку, чистый листок бумаги... ладно, этот обрывок тоже сойдет.

Закончив записи, я решил прилечь — мало ли, а вдруг получится прямо сейчас перенестись сознанием туда, где Витя Скворцов едет в поезде. Действительно, получилось! И, что удивительно, не только

сознанием.

Я с изумлением таращился на кусок бумаги у себя в кулаке. Да, помнится, хотел положить его на столик рядом с диваном, но не успел, потому что сразу заснул. А теперь — вот он! Тот самый, из двадцать первого века, никаких сомнений в этом нет. Так что же, я, оказывается, могу перемещать туда-сюда и материальные предметы?

Стоп, притормозил я полет фантазии. Во-первых, пока известно только про «сюда». Во-вторых, неясно, будет ли такое явление повторяться. И даже если будет, то наверняка обнаружатся ограничения по размерам, массе или еще чему-нибудь.

Прямо сразу начать эксперименты не получилось — спать я не просто не хотел, а натуральным образом не мог. А тут еще в Иркутске в купе подсели два инженера. Они ехали в Пермь, в командировку, и, хотя беспокойства от них было немного, сменить время пребывания получилось только где-то в районе Кирова, когда я снова остался один в купе.

Вернувшись в двадцать первый век, я первым делом полез на антресоли за картонной коробкой, где были сложены совершенно бесполезные сейчас, но памятные мне вещи из юности, молодости и прочего.

Так, фотоаппарат «ФЭД-2» пока отложим, калькулятор «БЗ-18А» тоже... ага, вот он, конверт.

Я вытряхнул его содержимое на стол и начал внимательно рассматривать. Денег не так уж мало, но они не все годятся для шестидесят второго года. Насколько я помнил, где-то ближе к перестройке купюрам была усилена степень защиты, но как их отличить такому дилетанту, как я? Да по первой букве серии. С буквой «А» мне точно годятся, «Б», наверное, тоже. Для рублей и трешек, скорее всего, сойдет и «В» с «Д», вряд ли их будут внимательно рассматривать.

С такими граничными условиями удалось отобрать сто тридцать шесть рублей. Я свернул деньги, перетянул резинкой и положил на столик около дивана. Прямо сейчас отправиться в прошлое не получится, но ничего, я могу и подождать. Может, придет в голову идея, что зажать во второй кулак при отходе ко сну с перспективой перемещения.

Подумав, я решил пока ограничиться деньгами — в конце концов, они сейчас нужны Скворцову в первую очередь. Ну, а все остальное будет потом. После того, как я в его лице приеду в Москву.

Вот я и снова на улице Крупской, которая пока еще 2-я Строителей. Памятника в начале сквера между проезжими частями, ясное дело, нет. Слева вместо ухоженного мини-парка несколько больший по размеру

пустырь. Меня уже успели просветить, что он называется Собачьей площадкой. Деревьев в сквере меньше, чем я помнил, и они совсем молодые. Ну что ж, пора двигать к дому.

Я, честно говоря, немного волновался. Во время поездки в поезде как-то не особо чувствовалось, что вокруг далекое и, по мнению некоторых, прекрасное и навсегда утерянное прошлое. Да, что-то такое было, но за окном. А теперь — вот оно! И мне, ну по крайней мере половине меня, здесь жить. До родного дома осталось пройти метров триста. Как он меня встретит? Хорошо хоть семью соседей я более или менее знаю из описаний словоохотливой старушки Веры Михайловны. Если в квартире не будет гостей, то не ошибусь, как к кому обращаться. У меня даже есть два ключа, только я не уверен, что они именно от моего жилища. Хорошо хоть сегодня воскресенье, так что в квартире почти наверняка кто-то есть. Четвертое ноября, Карибский кризис уже кончился. Впрочем, вряд ли советские люди так уж в курсе про него — на остановках я покупал газеты и не нашел там об этом почти никаких упоминаний. Так, пара невнятных заметок про освободительную борьбу кубинского народа, и все.

Вот и знакомый двор. Почти такой же, как двадцать первым веке, только зелени существенно меньше и над окнами нет кондиционеров.

Я глубоко вздохнул и зашел в подъезд. Чуть задержался перед квартирной дверью и вдавил кнопку звонка.

Вопль, наверное, был слышен по всем этажам вплоть до последнего, девятого.

— Ви-и-тя-я-я! Мам, пап, Витя вернулся!!!

Верещала девчонка, хотя, пожалуй, уже почти девушка, лет этак тринадцати, в которой можно было узнать Веру Михайловну — пока еще, ясное дело, просто Веру. Или даже Верку.

Дальняя от входа дверь открылась, и из нее выглянул невысокий и тощий мужичок средних лет и средней небритости.

— Здравствуйте, дядя Миша, — я вошел в прихожую и поставил чемоданчик на пол. — Вер, ну не ори ты так, на последнее ведь ухо оглохну.

— А почему на последнее?

— Потому что меня недавно на учениях слегка контузило, и правое ухо пока слышит плохо.

Тут я, конечно, преувеличивал, слух уже практически полностью восстановился. Но про контузию нужно было упомянуть обязательно, чтобы потом мои провалы в памяти особого удивления не вызывали.

— Ох, бедненький...

Вышедшая из комнаты женщина явно была Вериной матерью, сходство несомненное.

— Витя... ты... уже знаешь?

— Про отца? Да, тетя Нина, знаю. От чего он умер?

— Доктора разные ученые слова про печень говорили, а я по-простому тебе скажу. От водки! Она, проклятушая, его в могилу свела. Ты уж, Витенька, не пей, ну зачем тебе это? Ой, да что ж ты в коридоре-то встал? Сейчас ключи твои принесу, и... это... я там в твоей комнате все протерла маленько. Больно уж там... э... не убрано было. А ты тут чего подмигиваешь?

Этот пассаж был адресован уже дяде Мише.

— Так ведь отметить бы...

— Дядя Миш, тетя Нин, мне после контузии еще и пить нельзя.

— Совсем? Ну...

Дядя Миша, похоже, был готов начать меня жалеть даже почище друзей-сослуживцев, но под многообещающим взглядом супруги сдулся и даже начал, как мог, делать вид, что он ничего такого сказать и не хотел.

— И правильно, ты, Витя, об этом не жалея. Сейчас сядем, чайку попьем... в бакалее небось еще вафельные тортики не кончились... Вер, сбегает?

— Давай лучше я, — вылез дядя Миша.

— Куда? Хотя... ладно, иди. Но чтоб мигом — одна нота здесь, другая там! Витя, да ты, наверное, с дороги голодный, борщ будешь?

«Глава семьи» действительно обернулся быстро, у меня только-только получилось умять приличных размеров тарелку борща.

Я присмотрелся и принял. Похоже, дядя Миша перехватил как минимум три кружки пива, а скорее и все четыре. Когда успел-то? Он ведь еще и торт принес. Впрочем, это его дела. В двадцать первом веке Вера Михайловна говорила, что ее отец, конечно, выпивал, но не так чтобы очень и к буйству по пьяни был совершенно не склонен.

Да уж, решил я, наконец-то оставшись один в своей комнате, с соседями мне, похоже, повезло. Вороньей слободкой в этой коммунальной квартире не пахнет совершенно. Нина Александровна, вон, тут не только все, как она сказала, протерла. В комнате вообще не было ни пылинки. Вся одежда выстирана и выглажена, холодильник «ЗИЛ» отмыт до блеска, прямо-таки ждет, когда я его включу и начну набивать продуктами.

Комната моя, по наспех проведенным измерениям, имела общую площадь двадцать два квадратных метра и состояла из четырехметрового тамбура, где стоял холодильник и к стене были привинчены вешалки для

одежды, а снизу стояла самодельная полка для обуви, и собственно жилого помещения три на шесть метров. В принципе между тамбуром и комнатой можно даже вставить дверь, но зачем? И так сойдет.

Мебели в комнате не очень много, но и не мало. В самый раз, только эту железную кровать с шарами лучше выкинуть, мне и дивана хватит. Из аппаратуры — радиола «Октава». Вполне, кстати, приличный аппарат для теперешних времен, причем, если понадобится, его смогу модернизировать. Приемную часть наверняка придется, имеющаяся для прослушивания вражеских голосов годится не очень. И, кстати, с деньгами у меня теперь очень даже неплохо. Помимо остатка дембельских и тех, что я переправил из двадцать первого века, Нина Александровна вручила мне еще триста двадцать рублей. Оказывается, отец с каждой пенсии отдавал ей по червонцу — чтоб, значит, она эти деньги сохранила для меня.

— Как чувствовал, что сам-то тебя не дождется, — всхлипнула женщина.

— Где он похоронен?

— На Востряковском, я тебе, Витенька, в следующее воскресенье покажу.

В общем, прикинул я, работу можно выбирать вдумчиво, хоть все три месяца, что мне даны по закону. Денег на жизнь хватит. Хотя чего тут выбирать-то? В ФИАНе я когда-то работал, и ничего плохого про это место сказать не могу. Тем более что сейчас я живу ближе к нему, чем тогда. Значит, в понедельник с утра в военкомат, а потом можно будет съездить в ФИАН. Деньгам же применение всегда найдется. Можно шикануть и купить мотоцикл. «Ковровец», например. Или он уже «Восход»? «Яву» мне не надо. Сопрут, если держать на улице, да и слишком это жирно для парня только из армии, может привлечь ненужное внимание. Кстати, надо будет спросить у дяди Миши, как сейчас получают права. Он может знать, ведь работает в гараже Академии Наук.

Глава 3

— Вить, к тебе можно?

— Да, Вер, конечно.

Я встал из-за стола, где паял новые внутренности для своей «Октавы». Горсть транзисторов удалось переправить в шестьдесят второй год без проблем, а вот фотоаппарат не пошел. Я три раза пытался, и все без толку, он упорно не желал покидать двадцать первый век. Не то чтобы он мне тут был так уж необходим, я просто пытался определить допустимые размеры того, что смогу перенести в шестьдесят второй год. Пока получалось, что они раза в полтора меньше фотоаппарата. В общем, с электронными элементами нормально, а вот с готовыми изделиями — не совсем. Смартфон, если понадобится, я сюда переправлю, а планшет — пока вряд ли.

Но и с местными радиодетальями было неплохо, я ведь уже работал лаборантом в ФИАНе. Кроме того, рядом нашелся магазин, который я в другой ипостаси помнил как «Электронику», но сейчас он назывался «Телевизоры». Продавалось там много чего, в том числе и радиодетали.

— Вить, у меня к тебе огромная просьба, — заявила девушка. Девчонкой я ее уже не считал. И вообще допускал, что, когда она подрастет, женюсь на ней. Если она не будет против, конечно.

Нет, никакой особо возвышенной любви я к ней не чувствовал. Я, по моему, вообще на это уже не способен в силу возраста. Но она мне нравилась, это да. А главное — по той классификации, про которую я уже упоминал, она была «десятой». Причем, что удивительно, только она! Вера Михайловна из двадцать первого века однозначно относилась к не поддающимся моему воздействию, я не поленился специально съездить к ней в гости и окончательно убедиться в этом. Видимо, способности Антонова и Скворцова в этом плане не совпадают.

Так вот, мне, наверное, до конца жизни не забыть то чувство тоскливого бессилия, когда у меня на глазах постепенно угасала жена, а я ничего не мог сделать! Потому что она не была ни «десятой», ни даже «девятой». Мы с ней поженились задолго до того, как у меня начали пробуждаться способности. И снова все это переживать я не хотел. Опять же не потребуется нигде бегать в поисках спутницы жизни, да потом еще не дай бог убеждаться, что опять нашел не то. К старости я, надо сказать, несколько обленился.

К тому же точно известно, что Вера к семидесяти годам не впадет в маразм, да и вообще будет себя чувствовать сравнительно неплохо. С ней даже интересно беседовать, я в этом уже убедился. Так что этот... как его там... Федька из соседнего дома перебьется. Такая невеста нужна самому.

— Ну так что у тебя там? — спросил я не подозревающую об уготованном ей будущему девушку. Хотя, может, она прекрасно все, что надо, подозревает, женщины — они такие.

— Скоро Новый год. И у меня день рождения первого января, ты, наверное, помнишь.

Разумеется, ничего такого я помнить не мог, но зато теперь узнал.

— Папа с мамой согласны подарить мне щеночка!

— Это прекрасно, но я-то тут при чем?

— Так ведь в коммунальной квартире животных можно держать только при согласии всех жильцов!

— А, ну тогда конечно, заводи хоть целую стаю.

— Спасибо. Так и бы и расцеловала, но только, боюсь, ты это поймешь неправильно.

Я подставил щеку.

— Целуй. Обещаю, что пойму исключительно как надо.

Когда процесс закончился, я заявил:

— У меня к тебе будет похожая просьба.

— Ты тоже хочешь завести собаку? — обрадовалась Вера.

— Нет.

— Кошку?

В голосе девушки явно появилось разочарование.

— Нет. Мотовелосипед. На улице его держать нельзя, придется в квартире.

— Я согласна, папа с мамой тоже, наверное, против не будут, а если что, я их все равно уговорю.

— Спасибо.

— Пожалуйста. А целовать кто будет?

— Мама поцелует.

— Считаешь меня маленькой? Джульетте вон тоже всего четырнадцать лет было, и ничего!

— А тебе пока тринадцать. Вот стукнет четырнадцать, тогда посмотрим. Но лучше, конечно, подождать до шестнадцати.

— Так и знала. Но хоть на велосипеде этом ты меня покатаешь?

— Конечно, покатаю, не волнуйся.

За пару дней до этого я зашел в спортивный магазин с целью

посмотреть, какая мототехника сейчас продается. «Ковровец» мне при ближайшем рассмотрении не понравился. Да и зачем он? Для поездок по Москве вполне хватит «Макаки», то есть минского М-103. На нем при желании можно будет и зимой ездить, он достаточно легкий для этого.

Но потом я прошел дальше, где стояли мопеды. Впрочем, меня не заинтересовали ни «Рига», ни чешский «Стадион». Но за ними стоял аппарат, который мне даже не удалось сразу идентифицировать.

С первого взгляда обычный велосипед с мотором, но, присмотревшись, можно увидеть разницу. Колеса чуть меньше по диаметру, чем у обычных взрослых великов, но обода и шины раза в полтора шире. Спереди телескопическая вилка и нормальный барабанный тормоз, правда, смешного диаметра. Сама рама на вид несколько мощнее, чем у безмоторных соседей.

— Что это? — спросил я у продавца.

— Мотовелосипед «Вэ-девятьсот два эм». Львовский завод, последняя модификация с телескопической вилкой. Раньше были рычажные.

Я задумался. У меня в молодости был львовский мопед, правда, более поздней модели. Большого дерьма я не встречал в жизни. Конструктивный дебилизм в нем на редкость органично сочетался с халтурной сборкой из безобразного качества деталей. Но этот-то вроде нормальный! Сзади жесткая подвеска, что в данном случае плюс, цепь слетать не будет. «Риги» с такой ездили начиная с номера пять и по тринадцатый, и ничего. Идиотского эксцентрика для натяжения педальной цепи нет, вместо него нормальный ролик. Видимо, бессовестно халтурить во Львове начали не сразу, поначалу работали как люди. В общем, а не взять ли это вместо мотоцикла на первое время? Тем более что его движок сделан не во Львове, а в Ленинграде. До работы на нем вполне можно ездить, тут всего километра три с небольшим, малая скорость не скажется. Да к тому же моторчик вполне можно будет форсировать, дело знакомое. Зато вес — всего тридцать два кило! Для зимы это важно, в заносах двухколесную технику приходится удерживать ногами. Решено — беру! Как раз до весны будет время привести аппарат в порядок, прямо из магазина зимой ничего нормально не поедет даже в двадцать первом веке, все равно придется готовить. Так что эту зиму перебыюсь, начну ездить летом. Заодно и с правами можно будет не спешить, на такую технику они не нужны.

В общем, на следующий после разговора с соседями вечер я, обеднев на сто тридцать пять рублей, приехал домой на велосипеде с мотором. Правда, на педалях, заливать бензин я не стал, успеет еще аппарат навоняться.

— Ух ты, почти как настоящий мотоцикл, даже с фарой, — восхитилась Вера. — А куда ты меня собрался сажать — на этот багажник?

— Сделаю съемное мягкое сиденье. И нормальные подножки для пассажира тоже, так что не волнуйся.

— Витя, а ты на нем ездить-то умеешь? — взволновалась Нина Александровна.

— Мда, подумал я, вот она, женская логика. Как бы я доехал из магазина до дома, если бы не умел? Но говорить это, и уж тем более то, что Виктор Антонов проехал на двух колесах более двухсот тысяч километров и в свое время даже участвовал в мотогонках, я, понятное дело, не стал. А просто успокоил соседку.

— Умею, тетя Нина. И неплохо умею. Армия, она и не такому научит.

Вообще, конечно, армия оказалась очень удобным объектом, на который можно было невозбранно сваливать умения Виктора Антонова, изначально не присущие Виктору Скворцову. Например, в ФИАНе я так объяснил свое знакомство с электроникой. Радист же, не хрен собачий! Мне сначала не очень поверили, но меньше чем за неделю убедились в моей полнейшей правдивости. И теперь начальство чесало репу — как бы меня там удержать? Платить больше девяноста рублей в месяц не позволяет штатное расписание, но ведь переманят же! На хорошем заводе я смогу получать и сто пятьдесят.

Впрочем, одна идея у завлаба уже родилась, ее ему даже подсказывать не пришлось. Но об этом лучше рассказать немного погодя.

Однако электроника востребована не только на работе. В частности, оказывается, у Веры скоро день рождения, и надо срочно озаботиться подарком. Что подарить? Разумеется, карманный транзисторный приемник! Такой подарок даже в конце шестидесятых выглядел круто, а сейчас вообще только начало.

Нечто подобное уже производилось — во всяком случае, приемник «Спутник» продавался в магазине телевизоров. Однако он был все же великоват и питался от аккумуляторов, что не очень удобно. Купить их было не так уж просто и не очень дешево, а заряда хватало от силы на час работы. А если вы его слушаете в лесу? Так что я слегка напряг мозги и быстро сочинил проект чуть покомпактней, по размеру немного не дотягивающий до пачки «Беломора», но с питанием от батареи «КБС». Это такая квадратная, на четыре с половиной вольта, они изредка встречаются и в двадцать первом веке, а сейчас это самый распространенный и довольно дешевый элемент питания.

Единственным инновационным элементом в приемнике был динамик, с

которого я стер все надписи. В таком виде он особых подозрений не вызывал. А в остальном — транзисторы П402, П13 и диоды Д2 — наше все.

С корпусом пришлось повозиться едва ли не больше, чем со схемой, однако я все же сделал его неплохо и вовремя. Именинница была в восторге.

И вообще Новый год, совмещенный с юбилеем самой юной жительницы квартиры, был встречен достойно.

Все слегка выпили. Ну, скажем прямо, дядя Миша и не совсем слегка, однако никаких репрессий в отношении него не последовало.

Щенок дворянской породы Джуля (то есть в полном варианте Джульбарс) выпил молока. Если бы дело происходило в двадцать первом веке, я бы постарался оградить столь юное и беспомощное существо от такой отравы, как молоко из магазина, но здесь и сейчас — пусть пьет на здоровье. Удешевлять производство продуктов до полной их несъедобности люди пока не научились.

Для тети Нины стояла бутылка советского шампанского. Она, правда, не смогла уговорить всю, но дядя Миша был начеку и вовремя пришел на помощь супруге.

Мы с Верой обошлись лимонадом.

Всем очень понравилось мое украшение для общей елки, водруженной в прихожей нашей квартиры, благо площадь позволяла — гирлянда из разноцветных лампочек. Я ее нашел в числе прочего, задвинутого в дальний угол шкафа, когда изучал, что же все-таки есть в моей комнате. И немного доработал, так что теперь она мигала, причем не просто, а выдавая морзянкой буквы «НГ». То есть длинная вспышка, короткая, пауза, две длинных, короткая, пауза и по новой. Зрители впечатлялись по самое дальше некуда, тетя Нина минут, наверное, пять ахала насчет моих золотых рук. Вера же шепнула мне, что такие шикарные Новый год и юбилей у нее впервые в жизни.

Вот только с музыкой было не очень. Пластинки имелись, и не в таком уж малом количестве, однако настолько запиленные, что слушать их можно было только в порядке мазохизма. Единственная более или менее приличная содержала «Болеро» Равеля, вот оно у нас и играло весь вечер. Я сделал заметку в памяти — пора подумать насчет приличного магнитофона. И купить гитару. Я, правда, не играл на ней уже лет сорок с гаком, однако это ничего, вспомнить недолго. Тем более что у Скворцова, кажется, есть голос, в отличие от Антонова, подобным талантом отродясь не обладавшего.

Сидели долго, часов до двух ночи, а потом Вера заявила, что Джуле надо погулять. Впрочем, ей быстро объяснили, что такому мелкому собачонку на двадцатиградусный мороз рановато, помрет еще ненароком. Тогда она вытащила на прогулку меня, мотивировав свой выбор тем, что я-то уж точно не помру.

Народу на улице было мало, значительно меньше, чем в мои зрелые годы. Никто не взрывал петарды, не орал по пьяни диким голосом и даже не бегал с бенгальскими огнями. Мы прошли по скверу улицы Крупской сначала наверх, к Ленинскому проспекту, потом спустились вниз, к проспекту Вернадского.

— Хорошо-о-то как! — протянула Вера. — И никому завтра на работу не надо, можно не волноваться, что проспийшь.

Так и есть, сейчас советские люди могли спокойно гулять в Новый год, ведь первого января — нерабочий день. Ну, а второго пожалуйста трудиться. Кстати, рабочий день сейчас был семичасовой, зато неделя шестидневная. Правда, в субботу работали на час меньше.

— Не завтра, а уже сегодня, — уточнил я. — Но, действительно, хорошо, что никуда не надо. Заботятся о нас партия и правительство. Даже жалко всяких французов, англичан и американцев, которые вот прямо с раннего утра после праздника вынуждены будут тащиться на работу и подвергаться там жестокой эксплуатации.

Вера кивнула — она, похоже, пока относилась к таким перлам с полной серьезностью. Со временем скорее всего разберется, что к чему, но форсировать этот процесс я не буду. Нехорошо рушить идеалы у ребенка.

Именно во время этой прогулки я окончательно почувствовал себя здесь своим. Раньше все-таки присутствовал какой-то элемент экскурсии, и в двадцать первый век я возвращался как домой. А теперь стало наоборот. Наверное, потому, что там я не имел никаких оснований смотреть в будущее с хоть сколько-нибудь оправданным оптимизмом. А здесь по крайней мере еще четверть века все будет хорошо. Потом, конечно, потихоньку начнется...

Но уж себе-то и близким я точно смогу помочь не сгинуть и не скатиться в нищету в девяностые. Может, смогу и заметно большему количеству народа, но пока просто не представляю, как именно. Впрочем, время на обдумывание еще есть.

Глава 4

Мотовелосипед я привел в желаемое состояние к середине марта. Вообще складывалось впечатление, что в шестидесятые годы двадцатого века климат был заметно холоднее, чем в начале двадцать первого. Я спросил у Веры, как тут было в прошлом и позапрошлом году — мол, в Амурской области, где шла моя служба, было не до изучения погоды в Москве. Она ответила — да примерно так же, как сейчас. А сейчас март был настоящим зимним месяцем! В середине марта на улице минус пятнадцать градусов днем и минус двадцать ночью. И метели как минимум раз в неделю. Из-за этого я пока не собирался выкатывать свой мопед — обкатывать его все-таки лучше при плюсовой температуре и по сухому асфальту, а не по снегу со льдом, сверху слегка присыпанным песочком.

Ходовую я почти не трогал, только привел в приемлемое состояние передний тормоз. А то, пока ехал из магазина, всю дорогу удивлялся — да как же можно было вполне нормальный с виду барабанный механизм довести до полнейшей неработоспособности?

Оказалось, всего двумя мелкими штрихами. Первый — это кулачок разжимания колодок. Он не был не только отполирован, но даже хоть как-то отшлифован и вообще имел какую-то странную форму.

Вторым штрихом, а точнее, косяком был трос. Он представлял собой простую навивку из круглой(!) проволоки, внутри которой без какой-либо промежуточной трубки ходила сердцевина. То есть потери на трение были весьма серьезными, а передаваемое усилие ограничивалось упругой деформацией оболочки на весьма незначительном уровне. Кроме того, такой трос принципиально не мог работать при отрицательных температурах. От любых, даже минимальных количеств влаги он замерзал.

В общем, я доработал кулачок и приволок тросы из двадцать первого века, ибо трос газа был точно таким же и ни малейшего доверия не внушал.

С мотором пришлось повозиться более основательно. Общие недостатки велодвигателей серии «Д» я знал давно. Их два. Первый — слишком маленькое сечение впускного тракта. У «Дэшек» впуск золотниковый при помощи полой цапфы коленвала, так вот, диаметр отверстия там уж больно мал. Но рассверлить недолго, в ФИАНе неплохой станочный парк, и я уже договорился, меня туда пускают.

Карбюратор тоже не вызывал ни малейшего восторга, пришлось в двадцать первом веке ехать в Сокольники и покупать карб от китайского

аналога «дэшки». Этот был куда приличнее.

Воздушный фильтр я выкинул сразу — при первом же взгляде на него ничего, кроме «горбатого могила исправит», в голову не приходило. И сам из фанеры и поролона соорудил новый, заодно дополнив его функцией глушителя шума впуска. Ну и заполировал и подогнал к посадочному месту в картере перепускные каналы цилиндра.

Вторым тормозом у «дэшек» была контактная система зажигания, не дававшая моторчикам раскручиваться выше пяти с половиной тысяч оборотов, хотя механика вполне позволяла и семь, если не семь с половиной. Ну, а уж спать тиристорное зажигание мне было совсем нетрудно.

Конкретно у этого «Д-4» был свой косяк, исправленный в последующих модификациях. Цилиндр не имел головки, сверху была просто плоскость с резьбовой втулкой для свечи. Это якобы не давало увеличить степень сжатия и не обеспечивало нормального охлаждения. Почему «якобы»? Да потому, что и такую конструкцию поджечь нетрудно. Достаточно выточить из дюраля шайбу-вставку, охладить ее на морозе, нагреть цилиндр и забить туда эту шайбу. Ну, а сверху я привинчиваю два черных радиатора, получилось довольно стильно. Все, мопед готов, осталось дожидаться настоящей, а не календарной весны.

Тук-тук-тук, тук!

Такой стук в дверь означал, что меня зовут ужинать.

Тетя Нина сразу предложила готовить и на меня тоже — мол, что на троих, что на четверых — разница небольшая. Это оказалось кстати, ибо поварское искусство в число моих достоинств не входило никогда. Я и в двадцать первом веке частенько питался «Ролтоном», причем не из-за нищеты, а оттого, что его легко готовить. Отчего предложение Нины Александровны я воспринял с энтузиазмом и предложил в качестве компенсации шестьдесят рублей в месяц. На меня тут же замахали конечностями все обитатели соседней комнаты, включая Джулю, и мне с трудом удалось уговорить тетю Нину на двадцать пять. Теперь у меня были маю того что гарантированные, так еще и вкусные ужины с завтраками, а по воскресеньям еще и обеды. По утрам пищу надо было только разогреть, а вечером и по выходным дням не требовалось даже этого.

А тетя Нина решила откладывать полученные от меня деньги на телевизор. Они давно хотели его купить, но денег на это до сих пор категорически не хватало. Я бы мог без проблем дать им всю сумму в долг, а вообще-то, конечно, и просто так, если бы речь шла о чем-нибудь действительно необходимом. Но отнести к этому телевизор я не мог, так

что пусть подождут, тем желаннее покажется наконец-то свершившаяся покупка. Да и ни к чему без нужды подчеркивать свою финансовую состоятельность, сейчас все-таки не двадцать первый век. Ценности немного другие.

То есть с деньгами у меня все устроилось не совсем так, как я поначалу шланировал. Мне-то мерещилась покупка советских денег и перенос их в шестьдесят третий год. Цены были вполне доступные — червонец в приличном состоянии стоил что-то около трехсот рублей двадцать первого века. Но сейчас выяснилось, что дело обстоит практически наоборот.

Завлаб, как я уже говорил, придумал, на каком поводке меня можно удерживать в ФИАНе. На рацпредложениях.

Итак, предположим, ученым понадобился какой-нибудь уникальный электронный прибор. Его разработку и изготовление можно заказать через Академию Наук. И всего-то лет за пять заказанное скорее всего сделают. А если есть пробивная сила или волосатая лапа, то и за три управятся.

Ученые могут попытаться что-то сварганить и сами. Как правило, они немного разбираются в электронике. Но именно немного, на уровне начинающего радиолюбителя.

То есть так получится заметно быстрее, может хватить и двух месяцев. Но мало того, что эти месяцы ученые заниматься научными исследованиями смогут только в свободное от рукоделия время, так и качество полученного прибора будет, мягко говоря, не совсем идеальным. Иногда выходило настолько не совсем, что это означало полную непригодность с трудом сляпанного на коленке девайса к работе.

А недавно у научных сотрудников появилась еще одна возможность. Можно было просто рассказать Виктору Скворцову, чего они хотят, потом изложить в письменном виде и завизировать свои желания у завлаба, и максимум через три недели получить желаемое. Причем это не обязательно должен быть электронный прибор, чисто механические изделия у меня тоже получались неплохо.

Так вот, завлаб предложил оформлять все подобные работы как рацпредложения. А за них, между прочим, платят.

Поначалу я, не зная механизма формирования вознаграждения, пару раз несколько продешевил. Однако меня быстро просветили, что сумма вознаграждения в случае несерийной продукции вычисляется как функция ее сложности. То есть, грубо говоря, количество элементов в изделии умножается на какой-то коэффициент, и получаются рубли к выдаче.

Я кивнул — понятно, дело знакомое. Правда, из другой жизни.

Вот как, казалось бы, кустарь-одиночка вроде меня мог конкурировать с мощной советской радиопромышленностью? Да запросто. После косыгинских реформ прибыль рассчитывалась как функция от себестоимости, сама являясь базой для фондов оплаты труда. То есть любой, предложивший выкинуть из разрабатываемого изделия хотя один паршивый диод, пусть это и приведет к повышению качества изделия, мгновенно становился врагом всего коллектива. Он же, гад, посягает на святое — на квартальную премию! И, наоборот, если кто сможет убедительно обосновать, почему в схеме не хватает десятка таких-то и таких-то элементов, он становится героем и спасителем.

В результате почти вся промышленная радиоаппаратура в СССР оказывалась переусложнена в разы, и конкурировать с ней в таких условиях было сплошным удовольствием.

Вот, значит, и выяснилось, что в оплате рацпредложений этот механизм использовался и до Косыгина.

Поэтому мои схемы сразу резко усложнились, заодно немного прибавив качества. Все-таки мне совесть не давала загромождать свои изделия совсем уж ненужными элементами.

Например, для задания тока через термодатчик хватит простого сопротивления, питание-то все равно стабильное. А я ставил генератор тока, это транзистор, три сопротивления, стабилитрон и два диода для компенсации температурного дрейфа. Точность измерения от этого несколько повышалась. Ну, а то, что на самом деле она нафиг никому не была нужна, требовалось только поймать момент начала нагрева образца, оно не важно. Это она сейчас не нужна. Мало ли, вдруг завтра понадобится.

И теперь при окладе девяносто рублей грязными я получал примерно сто восемьдесят чистыми. И это не считая премии, про которую мне обещали, что она будет каждый квартал. Тратить же, несмотря на то, что я не экономил, получалось рублей по сто в месяц, не больше. Плюс четвертной тете Нине и около трояка за комнату. То есть деньги постоянно прибывали. А так как выяснилось, что перенос материальных предметов возможен в обе стороны с одинаковым успехом, то я купил три банки черной икры и в три приема переправит ее в двадцать первый век. Ну надо же немного подкормить бедного пенсионера Витю Антонова! Он ведь мне не чужой. Тем более что на календаре там было тридцать первое декабря две тысячи семнадцатого года.

И вот, значит, перенеся последнюю банку, я ее открыл и в целях дегустации сожрал. А ничего так! Давненько не доводилось пробовать

настоящую черную икру. Наверное, лет этак двадцать пять. Содержимое же двух предыдущих я вывалил в небольшой пластиковый контейнер, потому как собирался угостить одну даму и не хотел смущать ее видом допотопных консервных банок. Она поди и есть откажется, прочитав дату изготовления.

Погода стояла не совсем зимняя и вовсе не новогодняя — плюс один градус и полное отсутствие снега на улице, так что я поехал на улицу академика Варги на моноколесе. Там жила одна моя знакомая, Светлана.

Когда-то мы с ней были соседями в позднехрущевской пятиэтажке. Потом у меня умерла жена, а от нее сбежал муж, и мы стали не только соседями. А потом нашу хрущевку снесли. Я переселился к метро Беляево, а она оказалась на улице Варги, километрах в полутора от метро Теплый Стан. Это недалеко, так что отношения наши потихоньку продолжались.

Одно время она, кажется, даже планировала затащить меня под венец, но быстро охладела к этой затее. Я тоже не рвался создавать новую семью. Во-первых, вряд ли муж от нее сбежал просто так. Наверняка были какие-то причины, и мне не хотелось на своем опыте выяснять, какие именно. А во-вторых, она не была ни «девятой», ни «десятой». Да и привыкли мы оба к одиночному существованию, это тоже сыграло свою роль.

— Шикуюешь? — спросила Света, когда я выставил икру на праздничный стол.

— Нет, мне это подарили.

— Женщина, небось?

— С чего это ты взяла?

— А с чего бы тебе вдруг мужик начал дарить такие подарки? Олигархов среди твоих знакомых нет, в гомосексуальных наклонностях ты тоже не замечен.

— Олигархов действительно нет, зато астраханцы есть. Недавно один приезжал в Москву, останавливался у меня, вот и отблагодарил.

У меня действительно имелся знакомый из Астрахани, но приезжал он ко мне полтора года назад и никакой икры с собой не привозил. Но ведь в принципе мог же? Так что я почти не соврал.

— Сколько он у тебя жил? — продолжала допрос Света.

— Три дня.

— Такса получается повыше, чем в бюджетной гостинице.

Я, честно говоря, теперешнюю цену черной икры не знал, поэтому поинтересовался у дамы.

— То, что ты принес, тянет тысяч на двенадцать, а может, и на пятнадцать, в зависимости от качества.

— Попробуй. Я пробовал, мне понравилось.

— М-м... я такой вкусной до сих пор вообще не ела.

— Ну так возьми нормальную ложку, чего ты тут по одной икринке вылавливаешь? На меня не смотри, я этой икры уже наелся.

— Говорят, черная икра благоприятно сказывается на потенции, — заявила Светлана, умяв примерно половину контейнера и облизнувшись. — Проверять начнем прямо сейчас?

— Давай все-таки боя курантов дождемся. Выпьем, еще чем-нибудь закусим, не одной же икрой все время питаться.

— Ты же не пьешь!

— Зато ты пьешь, и, если не увлекаешься сверх меры, становишься от этого более энергичной в горизонтальном положении. А для меня тут пепси-кола есть. Тоже, конечно, не подарок, но в малых дозах почти не наносит вреда организму.

Домой я покатил в десять утра первого января. За весь путь мне повстречались всего два пешехода и не то три, не то четыре машины, считая два автобуса. Красота!

По дороге я немного занялся прикладной арифметикой. Итак, берем триста рублей, покупаем на них советский червонец, тащим его в шестьдесят третий год. Там на все деньги затариваемся черной икрой, она хоть и не продается в каждом продмаге, но в Елисеевском есть всегда. Переправляем ее в двадцать первый век и тут продаем. Хм, даже если толкать за половину магазинной цены, маржа и то получается примерно тысяча процентов. Неплохо. Если смотреть на этот бизнес с той стороны, то доходность такая же, только порядок действий чуть меняется. Взять червонец, купить икры, продать ее в двадцать первом веке, на вырученные деньги закупить червонцев и перекинуть их в прошлое. И какой можно сделать вывод из подобных вычислений? Да очень простой — не буду я страдать такой фигней. Не нужно мне это ни тут, ни там. По крайней мере сейчас, пока у меня не появилось рабочих проектов спасения чего-нибудь такого, офигенного. Советского Союза, например. Или социалистического уклада. А может, сразу замахнуться на коммунистические идеалы? Как Евстигнеев на Внльяма нашего Шекспира.

В общем, не будем пока засорять голову, сначала надо разобраться в обстановке. А в процессе этого Скворцов слегка подкормит Антонова красной и черной икоркой, крабами там, ну и еще чем-нибудь. Тот в ответ перекинет Скворцову радиодеталей по списку, ну и прочего потребного по мелочи. Ни тому, ни другому это не принесет особой прибыли, но и хоть сколько-нибудь заметного финансового ущерба тоже не причинит. Кстати,

надо узнать, когда начинают работать магазины, Скворцов ведь собирался приобрести магнитофон, а его придется модернизировать, в исходном состоянии он меня не устроит. Значит, надо искать приличные головки, причем желательно стеклоферритовые, пермаллоевые пленка «тип два» за полгода запилит до упора. Правда, там уже появилась «тип шесть», но она немногим лучше. Интересно, сейчас можно купить приличную пленку для катушечного магнитофона? Скорее всего да, она небось сейчас считается умеренным антиквариатом. Вот только, наверное, все это надо искать не в магазинах, а на «Авито» и тому подобных барахолках.

Ах да, чуть не забыл, спохватился я, когда проезжал мимо метро Коньково. Струны! Гитару-то я там купил, правда семиструнную. Шестиструнных не было даже в самом главном московском музыкальном магазине неподалеку от Савеловского вокзала. Но это не страшно, семиструнку на шесть струн переделать недолго, но сами струны должны быть, во-первых, штатными. А во-вторых, приличными. Те, что стоят на гитаре, таким словом назвать трудно.

Гитара действительно получилась очень хорошая, я даже не ожидал от советского инструмента такого звука. Правда, она стоила довольно дорого — тридцать два рубля, я выбрал лучшую. Остальные укладывались в ценовой диапазон от шести с полтиной до червонца. А с новыми струнами «Эликсир» она вообще зазвучала так, что я даже слегка удивился, а Вера вообще пришла в полный восторг. Правда, она не могла понять, зачем я убрал одну струну, так что пришлось снова сослаться на армию. Мол, меня научил играть один сослуживец, а он почему-то музицировал именно на шестиструнной.

В общем, как и у радиолы «Октава», имплантация капиталистических элементов в социалистическое изделие типа «гитара» прошла вполне успешно. И теперь оставалось только понять — возможно ли нечто подобное, но в более широких масштабах? Всего общества, например. У Горбачева не получилось, ну так, насколько я понял, его настоящей целью было не повышение эффективности экономики, а низвержение социалистической идеи, он это сам говорил. Кроме того, у меня ни в одной из ипостасей нет ни лысины, ни пятна на ней, так что, наверное, немного погодя можно будет попробовать. Вот только пойму, что и как надо сделать, и сразу потихоньку начну. Но не раньше. Не следует уподобляться Хрущеву, который всегда сначала делал, а думал только потом, да и то не каждый раз. Наверное, ему это было трудно. Мысли небось неудержимо разбегались из-под ушастой лысины.

Глава 5

Второго января две тысячи восемнадцатого года и в конце марта тысяча девятьсот шестьдесят третьего я сделал немаловажное открытие, несколько скорректировавшее мои планы относительно финансов. То есть выяснилось, что денег Вите Скворцову пока хоть и хватает, но уже впритык. А получилось так из-за недомыслия Виктора Антонова.

Я точно знал, что пыльные бури, и, как следствие, катастрофический неурожай на целине произошли в шестьдесят втором году. И решил, что продовольственные трудности, которые я помнил с детства своей первой жизни, были тогда же, начавшись летом шестьдесят второго и более или менее завершившись к лету шестьдесят третьего. А в ипостаси Скворцова я не обратил внимания, что хлеб продается почти без очередей и вкусный, без добавления кукурузной муки. Что макароны почти белые, а не серые, да еще хрустывающие на зубах даже в разваренном виде, как будто в муку досыпали извешки. И, наконец, что сама мука хоть и не каждый день, но появляется в продаже, и за ней не собираются очереди длиной в десятки метров.

А объяснялось все очень просто — неурожай был действительно в шестьдесят втором, но перебои в снабжении начнутся летом шестьдесят третьего, это я узнал в интернете, когда догадался туда заглянуть. И, значит, теперь Вите Скворцову предстояло срочно поработать хомяком, то есть натащить в нору запасы муки и макарон. С крупами, насколько я помнил из детства Антонова, серьезных трудностей не было. Да и вообще особого голода не припоминалось. За хлебом предстояло стоять в очередях, это да. И примерно год не видеть пирожков и обжаренной в муке рыбы из-за отсутствия той самой муки. Но если я про это знаю, то грех заранее не подготовиться к грядущим трудностям.

Тут, правда, сразу встал вопрос — а в чем хранить запасы? Пластиковых контейнеров тут еще не продавалось, а из двадцать первого века в шестьдесят третий год они не проходили из-за габаритов. В общем, пришлось покупать жестяные банки для круп. Кстати, у многих они дожили не только до перестройки с ускорением, но даже до разгула стабильности, это в свое время был весьма распространенный элемент кухонной посуды.

На всякий случай я предупредил Нину Александровну, сославшись на то, что один мой армейский друг родом из Казахстана недавно прислал мне

письмо. Это было чистойшей правдой. А вот то, что он там якобы рассказывал о бурях и неурожае, уже нет, но проверить это было затруднительно.

— Наверное, возможны перебои с продуктами, — закончил я и почти сразу понял, что Кассандра из меня получилась довольно-таки хреноватая. Скажем прямо, неубедительная. Не то чтобы тетя Нина мне совсем не поверила, но вкладывать все свободные средства в закупки муки она не стала.

Собственно, моя заготовительная активность во многом была связана с тем, что Антонов в детстве любил макароны и не любил ни картошку, ни гречку. Вот только Скворцов подобной привередливостью не страдал и с одинаковым удовольствием уписывал за обе щеки все, что готовила тетя Нина. Даже манную кашу.

Наверное, это было настоящее, а не придуманное влияние армии — уж там-то за три года должны были приучить организм не выпендриваться, а жрать что дают.

Все это вынудило меня несколько задержаться с реализацией одного плана, но, как говорится, не хлебом единым жив человек. Так что сразу после первой я отпросился у начальства и утром вместо работы поехал на Четвертую Черемушкинскую улицу. С таким названием ей оставалось существовать недолго, летом ее должны были переименовать в Новочеремушкинскую. Как и нашу Вторую Строителей в улицу Крупской, кстати.

Так вот, эта самая четвертая улица была примечательна тем, что там сейчас проживала семья Антоновых. И Вите Скворцову было интересно — они же с Виктором Антоновым уж всяко не чужие люди! Однако лично до сих пор ни разу не встречались.

В семь тридцать я занял заранее выбранную позицию, с которой хорошо просматривался подъезд.

В семь сорок вышел и двинулся в сторону метро отец, затем примерно через полчаса мать. Вот уж не думал Виктор Антонов, что когда-то снова увидит их живыми!

В двадцать минут девятого отправилась в институт старшая сестра Тома. Я в это время учился во вторую смену и, значит, скоро должен выйти гулять — ну не сидеть же дома в такую погоду!

Хм, а вот это уже интересно. Из подъезда выскочил мой друг детства Сережка Азаров, но почему-то один. Хотя обычно он на пути со своего четвертого этажа останавливался на втором, звонил в мою дверь, и мы выходили вместе. Что тут со мной случилось — заболел, что ли? Как-то

подобного не припоминается. Я рос довольно здоровым ребенком и точно помню, что в четвертом классе не болел ни разу. Так, а это еще что?

К Сереге, уже минут пять ошивающемуся перед соседним подъездом, вышел какой-то смутно знакомый мальчишка, и они вместе куда-то ускакали. Кажется, он из параллельного класса, я просто забыл, как его зовут.

То есть картина заметно отличалась от той, что я ожидал увидеть. Кое-какие мысли по этому поводу у меня были, но они нуждались в подтверждении.

До половины второго я прогулялся по району, в котором прошло мое детство, и к началу занятий второй смены был у школы. Оpoznать удалось практически всех учеников моего класса, кроме меня. Я здесь почему-то так и не появился. Ладно, пора домой, а то что-то аппетит разыгрался не на шутку.

В шесть часов вечера я снова появился в бывшем своем дворе, но уже на мопеде. Пацаны, естественно, сразу им заинтересовались, и я не стал обламывать их любопытство и подробно рассказал, что это такое, а потом даже покатал желающих. Причем Сережку Азарова не сзади, а спереди, и за школой дал ему покрутить ручку газа.

Что интересно, картина — взрослый парень с мотовелосипедом, а вокруг вьется детвора — никакого удивления у окружающих не вызвала. В двадцать первом веке меня, пожалуй, могли бы заподозрить в педофилии или киднеппинге.

Ну, а здесь я уже через полчаса узнал, что у Антоновых из третьего подъезда никакого сына нет и никогда не было. Есть дочь, Тома, она уже взрослая, в прошлом году в институт поступила.

Домой я ехал не спеша, ибо было о чем подумать.

В общем-то отсутствие здесь Витьки Антонова меня не очень удивило. Ведь если сейчас идет прошлое моего мира, то почему в будущем Вера Михайловна до сих пор считает, что сосед Витя погиб в шестьдесят втором? И ее дети, внуки никуда не делись. Тут они тоже скорее всего будут, но уж явно не те же самые. В общем, миры явно не тождественные. И между ними возможно какое-то взаимопроникновение, в результате чего я смог здесь оказаться. Кстати, про нечто похожее я читал в двадцать первом веке. Если кому интересно, то он тоже может почитать. Тема называется «Парадокс Нельсона Манделы». А это значит, что Антонову надо залезть в интернет и записать как можно больше мелких и мало кому интересных исторических фактов, а Скворцову — проверить, все ли они имели место здесь. Хотя и так видно, что основные события повторяются

точно как по факту, так и во времени. То есть вполне возможно, что отличий одного слоя мироздания от другого всего два. Здесь не родился Виктор Антонов и идет тысяча девятьсот шестьдесят третий год, а там две тысячи восемнадцатый. Ну, а что никакие мои действия здесь не приводят к изменениям там, я уже заметил. У этого мира свое будущее, и оно еще не определено.

Вера закончила седьмой класс без троек, в честь чего я наконец-то выполнил свое обещание и покатал ее на мопеде. Нет, по двору мы с ней ездили и раньше, она не утерпела, но сейчас поехали на Ленинские горы. Причем не вдвоем, а втроем — в специально для него сделанной корзинке перед рулем сидел Джуля и радостно тьякал на обгоняющие нас автомобили. Впрочем, движение было таким, что, облаяв один, он потом вынужден был минутку, а то и две ждать, пока появится следующий.

В общем, покатались мы хорошо, и я на обратном пути окончательно решил, что от добра добра не ищут и надо начинать как-то ухаживать за Верой уже сейчас, дабы не увели. А как ей стукнет восемнадцать — делать предложение.

Однако этим же вечером выяснилось, что подобные планы вынашиваю не один я.

Как я уже говорил, наша квартира была на первом этаже, а под окнами был газон, на котором росли кусты и деревья. Зимой они не перекрывали обзор во двор, но, когда распустились листья, вид из окна стал напоминать настоящий лес, хотя посадили все от силы лет пять назад. Я, естественно, часто настезь открывал окно. И, как выяснилось этим вечером, не только я, соседи тоже.

Тетя Нина беседовала с Верой, причем, похоже, они сидели не очень далеко от окна, мне было почти все слышно.

— Нет, дочь, ну что ты такое задумала, из школы уходить?

— Так ведь не сейчас же! А после восьмого класса. Пойду в педагогический техникум.

— Знаешь, а ведь у Антонины, нашей заведующей, муж в том самом ФИАНе в кадрах работает. И я ее попросила, чтобы он про нашего Витю разузнал, как он там. Так Антонина рассказала, что на него все нарадоваться не могут, руки золотые, а знает даже побольше иных кандидатов. Там вокруг него, говорит, одна лаборантка увивалась, вся из себя писаная красавица.

— Ой...

Я, честно говоря, впал в некоторое недоумение. Вот как-то не припоминалось, чтобы вокруг меня кто-то увивался. Да и среди

лаборанток, конечно, встречались такие, каких можно было назвать красавицами. Но, во-первых, исключительно в порядке комплимента. А во-вторых, смотреть при этом желательно куда-нибудь в сторону во избежание когнитивного диссонанса.

— Что «ой»? Отшил он ее. Потому что дура.

Я, кажется, начал понимать, о ком идет речь. Наверняка имеется в виду Маргарита. Она недавно вздумала протереть влажной тряпкой включенный блок питания. А там, между прочим, на выходе полтора киловольты! Правда, максимальный ток всего тридцать миллиампер, но этой дуре хватило бы. Ну, я ей и высказал почти все, что о ней думаю. Почти — это потому, что наиболее экспрессивные и наименее цензурные эпитеты я все-таки придержал при себе. Может, зря? И вообще, кто додумался назвать эту корову красавицей? Ладно бы такое сказали про Наташу, но она уже замужем и вообще не в моем вкусе.

— Так ты-то такой не будь! — продолжала натаскивать дочь Нина Александровна. — На что ты ему будешь нужна с восемью классами и занюханым техникумом? Он с докторами наук на равных разговаривает! Как не зайдешь к нему, так или мастерит что-то, или книжки ученые читает, толстые такие.

Все правильно, недавно я решил более основательно, чем в свое время в институте, изучить «Капитал». Книга действительно весьма весома.

— Он в двух библиотеках записан! В институтской и в той, что у метро «Академическая». И не пьет вообще ни капли, где сейчас такого найдешь? Так что и не думай уходить из школы после восьмого класса, учись до десятого, а потом в институт. Например, в медицинский. Сама ты еще не понимаешь, как тебе повезло, что у нас такой сосед.

— Мам, да все я понимаю, но ведь до восемнадцати лет мне еще три с половиной года. Уведут же!

— А чтобы не увели, тебе надо за собой следить и выглядеть как нормальная девушка, а не как замухрышка. Вот что у тебя на голове за копна? Знаешь, а давай-ка на Кравченко в парикмахерскую сходим, там у меня мастерица знакомая, она тебе сможет хорошую прическу сделать.

Так, подумал я, надо срочно что-то делать, а то ведь, действительно, могут и догадаться соорудить вместо очень идущей Вере прически как у Алисы, которая «Гостья из будущего», какой-нибудь модный кошмар.

Тут Вера выдала такое, что я липший раз убедился в правильности своих далеко идущих планов.

— Нет, лучше сначала спросить у Вити, какие ему прически больше нравятся. А потом уже куда-то идти.

Умница, подумал я. А то ведь та же Света, даром что красивая баба, несмотря на свои пятьдесят три года, иногда так намажется да такой кошмар на голове соорудит, что временами я в самый ответственный момент с трудом удерживался от искушения прикрыть ей физиономию трусами. Причем своими, ибо ее и нос толком не прикрыли бы. И, главное, мое мнение по поводу всего этого ее никогда не интересовало.

— Да, дочка, ты, наверное, права, спроси, хуже не будет. И не волнуйся, ты ему нравишься, это видно. Если сама какой дурости не учудишь, никто его у тебя не уведет.

Согласен, подумал я, пусть только какая-нибудь попробует увести, сразу пошлю. Но, выходит, все мои хитрые планы по завоеванию сердца ничего не подозревающей девушки окончательно потеряли актуальность. У нее свои есть, небось еще хитрее. И не надо ломать голову, как бы найти повод подарить ей что-нибудь еще до дня рождения. И что именно — французские духи, бальное платье из натурального шелка или золотые сережки? Нет, не будем проявлять купеческий размах, когда он совсем не нужен. Недавно я в ГУМе видел довольно красивые женские часики, вот их и надо подарить. В честь окончания седьмого класса без троек. И хорошо, что матери, скорее всего, удастся сподвигнуть ее на учебу в мединституте.

Вера Михайловна из двадцать первого века, как и ее мать, всю жизнь проработала воспитательницей в детском саду, хотя сама призналась мне, что мечтала стать врачом. Ну так пусть у этой Веры мечты сбудутся!

Когда следующим вечером я вручил подарок и объяснил, в честь чего он, Вера аж ненадолго потеряла дар речи, а потом неуверенно спросила:

— Витя, я даже не знаю... они, наверное, очень дорогие?

— Не очень, — пожал плечами я, — тем более что мне неделю назад премию дали. И вообще, мне для друзей и родных денег не жалко. Могу и подороже что-нибудь подарить, если хочешь. Мопед как у меня, например.

— Нет, мопед не надо... Вить, ты лучше скажи, я тебе друг или родная?

— И то, и то. А что, были сомнения?

— Да... то есть нет... ой...

Вера покраснела, быстро чмокнула меня в щеку и убежала в свою комнату, я же, глянув в зеркало, убедился, что у меня на физиономии до сих пор так и светится глупая улыбка. Виктор Васильевич Антонов, наверное, удивился бы — да что это с ним такое? Но Витя Скворцов удивляться не стал. Ему все было ясно.

Глава 6

Девятнадцатого июня я остался один в квартире. Соседи всей семьей уехали отдыхать — дяде Мише дали льготную семейную путевку в Крым. Вот только Джульку с собой они взять не смогли и он, собака, остался со мной.

Такая щедрость профкома не была чем-то исключительным, но все-таки подобные путевки раздавали не всегда и не всем. Поэтому соседи решили, что пусть лучше телевизор у них появится на пару месяцев позже, но к морю они съезжают, тем более что никто из них его до сих пор ни разу не видел.

А так как у меня наконец-то получилось перенести в шестьдесят третий год фотоаппарат, я, купив пленок и книжку «Справочник фотографа-любителя», вручил все это Вере с наказом наснимать как можно больше, а то, мол, я тоже море видел только на картинках.

Применительно к Вите Скворцову это скорее всего было правдой, но Антонов уже не раз бывал на Черном, Средиземном и Красном морях, так что я Вере не очень завидовал, хотя, конечно, показывать старался обратное. А она, ясное дело, меня жалела.

— Да ерунда, — отмахнулся я, — мне все равно отпуск пока не положен, слишком мало работаю. Зато права уже получил, так что сейчас могу купить настоящий мотоцикл, за зиму его привести в порядок и на следующий год съездить на море уже на нем.

— И меня возьмешь? — заинтересовалась девушка.

— Посмотрим на твою успеваемость. А пока иди чемодан собирай, а то не одно, так другое забудешь, и придется тебе сокращаться на берегу моря из-за отсутствия чего-нибудь нужного. Например, купальника.

— Ой, а я не помню, положила его или нет...

— Вот именно, так что иди.

И, значит, соседи в конце концов собрались и уехали, а мы с Джулькой остались. Первые два дня он потерянно бродил по квартире, заглядывая в темные углы и не понимая, куда же почти все делись, но потом потихоньку ожил. Теперь по утрам я отчаливал на работу не сразу, а после пятнадцатиминутной прогулки с собакой, а вечером мы гуляли уже полчаса. Заодно я понял, отчего пустырь между Второй и Третьей улицами Строителей назывался Собачьей площадкой. Таких гуляющих, как мы с Джулькой, по утрам и вечерам там было куда больше, чем обычных людей,

без собак.

Перед отъездом тетя Нина набила мой холодильник продуктами, так что на первую неделю мне точно хватит, а вторую как-нибудь перекантуюсь, не совсем же я безрукий в кулинарном смысле. Вон, макарон почти полшкафа, вари — не хочу. И перловки там тоже немало.

А вообще, похоже, без денег из двадцать первого века мне не обойтись, подумал я. Заготовительные операции уже слегка облегчили карман, а тут ведь пора покупать магнитофон, да и мотоцикл, если честно, тоже не помешает. Что-то одно я еще осилил бы, но оба предмета роскоши сразу — уже нет. Тем более что на работе, узнав о моих намерениях относительно мотоцикла, все стали наперебой советовать не связываться с «Ковровцем», а купить «Яву». И долго расписывали мне ее несравненные достоинства.

Я слушал вполуха, ибо прекрасно знал, что такое «Ява». У Антонова когда-то она была, причем именно такая, как сейчас продается, то есть шестнадцатисильная двухцилиндровая «старушка». Действительно, у этого мотоцикла хороший мотор и довольно удачная передняя вилка. Задний маятник уже не очень, его портят слишком узко расположенные крепления, из-за чего он быстро разбалтывается. Рама так себе, но ездить можно. Седло отличное, куда удобнее в дальних поездках, чем на последующих моделях. Но вот свет — полный отстой. Даже хуже, чем на «Восходе». Лучше бы его вовсе не было, я бы тогда и не пытался ездить ночью. А так — пытался, но получалось плохо, особенно на серпантинах по пути к Сочи. Но я даже тогда смог его улучшить, неужели сейчас не смогу?

Вскоре оказалось, что и с деньгами я поторопился. Ну вот откуда, интересно, у меня взялись такие мелкоуголовные наклонности? Чуть возникают трудности, сразу задумываюсь о контрабанде, пусть даже и межвременной. А все решается гораздо проще.

Выяснилось, что у нас в институте есть такая интересная организация, называется касса взаимопомощи, и я как-то незаметно для себя ухитрился стать ее членом с первого дня в ФИАНе. Даже, оказывается, взносы туда регулярно платил. Так вот, она мне, как передовику производства и активному рационализатору, была готова ссудить пятьсот рублей на полтора года и под два процента годовых. А двухгоршковая «Ява» стояла семьсот тридцать, так что у меня после ее покупки еще и на магнитофон останется. Довольно неплохая «Астра» стоит сто сорок пять рублей. Электроника там, конечно, так себе, но ее в любом случае менять, зато протяжка очень даже ничего.

Ну и оттого, что дома даже поговорить было не с кем, Джуля все-таки

был хоть и внимательным, но не очень словоохотливым собеседником, я стал чаще задумываться и даже пришел к определенным выводам.

Итак, то, что через четверть с небольшим века случится с Советским Союзом, мне не нравится, и я хочу если не полностью предотвратить, то хотя откорректировать процесс. С чего надо начать? Разумеется, с подбора единомышленников, один я много не навоюю. Какие к ним предъявляются требования? В идеале следующие.

Первое — кандидат должен иметь возможность понять глубину грядущей катастрофы и поверить в нее.

Второе — он должен хотеть что-то исправить.

Третье — он должен обладать такими умственными и моральными данными, чтобы это смочь.

И, наконец, четвертое. Этот самый кандидат должен иметь административные возможности для влияния на политику советского руководства. Или достаточно реальные перспективы приобретения таковых.

Понятно, что идеала в природе не бывает, вряд ли я найду человека, подходящего по всем четырем пунктам. Но можно рассмотреть паллиативные варианты. Начнем, пожалуй, с самого заметного, без портретов которого не обходится ни одна газета, который постоянно маячит в телевизоре и занимает заметную часть времени в сетке радиовещания. То есть с нашего дорогого Никиты Сергеевича. С четвертым пунктом у него все в порядке. А с остальными?

По первому — полный ноль. Он и гораздо более простые вещи понять не в состоянии. Бежать к нему со смартфоном наперевес бессмысленно. Этого придурка хоть вообще завали смартфонами по самую лысину, он все равно не поумнеет.

Второй пункт чуть оптимистичней. Захотеть-то он, конечно, захочет, узнав, какую бяку ему готовят товарищи по партии в шестьдесят четвертом году. Нет сомнений, что Брежнев, Подгорный, Шелепин и их прихлебатели вылетят из власти впереди собственного визга. Косыгину небось тоже достанется. Зато потом Никита будет сидеть в первых секретарях до самой своей кончины в семьдесят первом, и что он успеет натворить, лично мне даже представить трудно. Нет, это не вариант.

Шелепин? Вроде так ничего. Но то, что я про него знаю, наводит на подозрение, что он идеалист. А идеалист во власти даже опаснее придурка, так что пока примем, что на него тоже ставить не нужно. По крайней мере, сразу. Лучше сначала повнимательней присмотреться.

Подгорный? Это даже не смешно.

Брежнев? Особенно после того, как он сядет на место Никиты. Возможно, но весьма сомнительно. Ну не поверит он, что развал Союза был прямым следствием его политики! Максимум, чего от него можно ждать, так это того, что он, узнав о судьбе дочери и зятя после своей смерти, задвинет Андропова третьим секретарем куда-нибудь в самую отдаленную область. Или послом в Гондурас. Тоже неплохо, ведь Горбачев был креатурой именно Андропова. Но мало.

Косыгин? Пожалуй, самый реальный кандидат из верхнего эшелона, но я про него очень мало знаю. То есть надо собрать побольше сведений, и только потом начинать обдумывать реальность выхода на него.

Это те, кто во власти уже сейчас. А как с теми, кто туда пройдет потом?

Стоп, одернул я себя. Нельзя так сужать область поиска. Интересны не только те, кто в известном мне будущем займет достаточно высокое положение, но и те, кто теоретически смогут подняться, но не сделают этого. Например, потому, что им противно. Или просто обстоятельства так сложатся.

Тут я мысленно усмехнулся. Один такой уже есть. Он, наверное, сможет подняться, но не делает этого именно по уже озвученной причине. Ему не просто противно — омерзительно. По своей воле лезть в такой гадюшник, как руководство сначала комсомола, а потом, не приведи господи, еще и партии... брр. Мерзко. Но если надо? Ну, типа, собрать волю в кулак, глубоко вздохнуть, потом задержать дыхание и вступить в это дерьмо?

Думаю, многие уже догадались, что я имел в виду себя. В восемьдесят пятом Вите Скворцову будет сорок четыре года. Тот же Шелепин был на год младше, когда стал секретарем ЦК, да и сейчас ему всего сорок пять. Но все же возраст будет еще не совсем тот, чтобы устроить старших товарищей. Да, но если я такой буду не один? Заранее сколотить команду карьеристов, сразу занять в ней место лидера и двигаться вверх толпой. Даже если по дороге кто и отсеется, это не так страшно. Как говорится, отряд не заметил потери бойца. Да, но вот только этим бойцом скорее всего стану я. Стая карьеристов, она ведь не задумываясь разорвет вожака, как только увидит, что он ведет ее куда-то не туда, не к сияющим высотам личного благополучия. То есть снова тупик, и надо возвращаться к началу. Где найти людей, которые захотят и смогут сделать хоть что-то, дабы помочь своей стране?

Кстати, многие, если подробно узнают о будущем, могут задать в какой-то мере оправданный вопрос — а от чего спасать-то? Ведь если

смотреть с точки зрения Маркса с Энгельсом, то в брежневские времена народ жил, считай, при коммунизме. Никто особо не голодает, у всех есть где жить, причем у многих жилищные условия не хуже, чем у самих упомянутых бородатых классиков. Теплого-то ватерклозета у них небось не было, как и кранов с горячей и холодной водой да множества электроприборов от утюга до пылесоса и стиральной машины. Оборванцев нет, хотя бы один комплект приличной одежды есть у каждого. Образование и медицина бесплатные. Чем не высшая стадия общественного развития?

А с точки зрения того же Хрущева при коммунизме живу уже я, в смысле Виктор Васильевич Антонов. Ведь как его представлял себе лысый теоретик?

— Исчезнет тяжелый физический труд.

Ну так лично для меня он исчез еще лет за десять до пенсии, этот пункт выполнен.

— Значительно поднимется материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся.

С этим тоже все в порядке! Благосостояние у Антонова терпимое, больше ему все равно не надо. И культурный уровень с шестидесятых годов вырос вообще неимоверно. Тогда он мог послать только на русском языке, да и то недалеко и неуверенно в силу юного возраста. А сейчас — на четырех языках, кроме родного! И куда виртуозней, чем тогда. Куда еще расти-то?

— У советских трудящихся будет самый короткий рабочий день в мире.

У меня его продолжительность вообще равна нулю, я пенсионер.

— И, наконец, общественный транспорт станет бесплатным.

Смотрим предыдущий пункт и принимаем во внимание, что я московский пенсионер и транспортом пользуюсь на халяву.

То есть получается, что я давно живу при самом что ни на есть настоящем коммунизме. И чего мне тогда не хватает? Автомобиля? Так у меня его нет не потому, что не могу купить — взять кредит недолго, и кататься на здоровье. А потому, что он мне нафиг не нужен.

В чем-то, я, кстати, живу лучше, чем герои Стругацких и Ефремова в коммунистическом будущем. Те, чтобы пообщаться, шли в будки видеосвязи, это вроде уже почти забытых телефонных, только с экраном. А я могу достать смартфон и говорить с кем угодно с показом своей небритой и вообще не фотогеничной физиологии. Просто это почти никому не нужно, поэтому такой режим редко используется, но вообще-то он доступен

каждому.

То есть на самом деле общеизвестная формула коммунизма не совсем правильная. Она должна выглядеть так — «от каждого по способностям, каждому по РАЗУМНОЙ потребности». И коммунизм наступит не тогда, когда материальных благ будет произведено столько, что хватит каждому. Козлам все равно не хватит. А когда большинстве поймет, что хапать больше, чем тебе действительно необходимо — аморально. Разумеется, быстро такое благолепие наступить не может. Вот именно эта идея и была тем самым ребенком, которого выплеснули вместе с водой в процессе демонтажа брежневского развитого социализма.

Хорошо хоть я понимаю, что моя подкованность в данных темах хромает на все четыре лапы и хвост до кучи. И «Капитал» тут почему-то не очень помогает. Значит, что? Первым делом надо искать человека, который силен именно в теории затронутых вопросов. И, ясное, дело, поиск надо вести как можно дальше от института марксизма-ленинизма. Плюс, разумеется, от идеологического отдела ЦК КПСС. И от Суслова, который один сделал для дискредитации коммунистической идеи намного больше, чем все диссиденты вместе взятые.

Так вот, я почти понял, где искать этого человека. Почти — это потому, что для выяснения его адреса нужно отправляться в двадцать первый век, так это нетрудно. Вот только время... не так уж долго ему осталось жить. Да, но я-то на что? Даже если он не окажется ни «десятым», ни «девятым», я смогу ему помочь. У меня есть знакомые в медицинских кругах двадцать первого века, приходилось кое-кому оказывать услуги. И будут — здесь, как только они понадобятся!

Наконец-то я почувствовал себя в своей тарелке. До сих пор мне было не очень понятно, зачем вообще я живу не только там, но и здесь. Ну не только же для того, чтобы Вера Астахова через три года сменила фамилию на Скворцова и обрела семейное счастье. А теперь появилась цель. Пусть пока одна из многих других, еще неясных, промежуточная, но она есть! А уж переть к цели, как раненый носорог, невзирая ни на что, я умею. Приходилось и раньше.

— Тяф! Тяф! — подтвердил Джуля. Ну типа хоть ты мне и не обожаемая хозяйка, но я все равно с тобой. Не бойсь, прорвемся.

Я потрепал подросшего собачонка по холке.

— Джуль, мне пора. Хотя ты, наверное, моего временного отсутствия все равно не заметишь...

То ли у меня просто повысилась квалификация межвременных скачков, то ли сказалось возбужденное состояние, но для перехода в

двадцать первый век не потребовалось даже ложиться. Я сел, прикрыл глаза, представил себе, что засыпаю... и вот я уже не Витя Скворцов, а Виктор Антонов. Так, какое у нас здесь число, не помню? Третье января, утро. Народ еще в синей яме, но интернет все равно работает. И, будем надеяться, хоть некоторые магазины тоже. Что бы такое взять с собой туда для укрепления взаимопонимания? Кроме смартфона. В первую очередь букридер с аудиоплеером такого размера, чтобы пролез в прошлое. К нему, естественно, приличные наушники. И, наверное, маленький квадрокоптер с режимом ТРУ, то есть полета от первого лица, тоже будет к месту. Наконец, надо узнать адрес, но это совсем просто.

Глава 7

Двор был довольно похож на тот, где я теперь жил, да и дом был той же самой серии. Только тут он стоял на ровном месте и поэтому весь был восьмиэтажным, а у нашего, стоящего на уклоне, два подъезда имели по девять этажей.

Я вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Постоял, чтобы немного собраться с мыслями — волновался я если и меньше, чем когда с поезда явился на улицу Строителей, то ненамного. И, решив, что хватит отстаиваться, нажал кнопку звонка.

Открыла мне среднего роста черноволосая женщина на вид лет тридцати с небольшим, довольно миловидная. Так как я готовился к визиту и просмотрел немало фотографий, то опознать ее удалось сразу.

— Здравствуйте, Таисия Иосифовна. У меня очень важное дело к вам и вашему мужу, Ивану Антоновичу.

— Проходите, — не очень уверенно предложила она, — но Ивана Антоновича нет, он будет ближе к вечеру.

— Если вы не возражаете, то тогда я сначала изложу это дело вам.

— Хорошо. Проходите вот сюда и начинайте.

Квартира была почти такая же, как наша, только вывернутая зеркально. И меня пригласили в комнату, аналогичную той, где жили Астаховы.

— Вот, — я выложил на стол смартфон и нажал кнопку сбоку. Так как он уже был включен, то экран сразу засветился.

— Это электронная вычислительная машина, по быстродействию превосходящая лучшие современные примерно в сто тысяч раз. Объем ее памяти где-то раз в сто превосходит таковой суммарный у всех ЭВМ мира, вместе взятых. Она умеет не только считать, но и выполняет множество иных функций.

После чего я быстро продемонстрировал калькулятор, набивку текста, несколько фотографий Джульки, запись видео с последующим воспроизведением, а потом запустил фильм «Туманность Андромеды».

— Да, вы все правильно поняли. В настоящее время таких ЭВМ нет и даже ничего отдаленно похожего быть не может. Я из будущего. Из две тысячи восемнадцатого года. Вот, читайте. Это про вашего мужа, статья в электронной энциклопедии.

Я убрал фильм, вывел на экран статью из Вики и протянул смартфон

женщине.

— Текст можно двигать вот так, пальцем.

Она быстро пролистала статью примерно до середины, потом вернулась к началу и долго, минут пять, смотрела в экран.

— Так и знала, — прошептала она. — Всего девять лет...

Но потом подняла глаза и с надеждой спросила:

— Скажите, но ведь вы здесь затем, чтобы это исправить? Да? Вы сможете?

— Да, — подтвердил я. — Смогу. Но вот насколько это получится эффективно, можно будет сказать только после личной встречи с Иваном Антоновичем.

— Значит, его еще помнят...

Женщина помаленьку приходила в себя.

— Не то слово. Иван Ефремов по праву считается классиком советской фантастики.

— Ох, извините, сразу не спросила. Вы не голодны? И это трудно — перемещаться по времени?

Все-таки с женой фантаста проще разговаривать, чем, например, с супругой завмага, подумал я. Как только убедилась в весомости моих доказательств, поверила тут же. И явно не подозревает меня ни в какой афере.

— Нет, для меня не трудно. И я не голоден, но чаю бы попил. И вот к чаю.

Я достал из рюкзака торт в яркой коробке, час с небольшим назад купленный в Елисеевском. Очередь, кстати, пришлось отстоять довольно приличную.

— А это уже из двадцать первого века.

На стол легли два плода киви.

— Что это?

— Киви. Новозеландцы скоро искусственно выведут этот фрукт из какого-то китайского крыжовника и назовут в честь птицы, которая является символом их страны. Попробуйте.

— Нет, я, если можно, подожду Ивана Антоновича. Но чего мы здесь-то сидим, пошли на кухню!

В процессе дегустации торта и запивания его чаем я в качестве ответа на вопрос «Как там у вас живут» начал просто показывать фото из телефона, иногда их комментируя.

— Это Москва? — удивилась Таисия, глянув на фото Москва-Сити. — И много в ней стало таких мест?

— Всего одно.

— Ну, тогда ладно...

Потом, глянув на фото храма Христа-Спасителя, женщина спросила:

— Вы были и в более далеком прошлом?

Но потом пригляделась и уточнила:

— Нет, это, похоже, ваше время.

— Да, храм построили заново на месте бассейна.

— Ну, может, и правильно... бассейн-то там точно не к месту.

Я ждал, когда же она начнет спрашивать про коммунизм, и был готов начать оправдываться — мол, увы, это оказалось далеко не так просто, как вам обещал Никита... но, похоже, Таисии на этот самый коммунизм было начхать. Зато ее почему-то заинтересовали снимки Виктора Антонова на моноколесе.

— На чем это он?

Я кратко объяснил.

— И трудно на таком ездить?

— Не очень. Примерно как на велосипеде, и учиться столько же.

— Вы тоже умеете?

— Да.

— Нравится?

— Ага, первое время вообще было впечатление, что я не еду, а лечу над дорогой. Потом, правда, привык. И вообще, это же очень удобный индивидуальный транспорт, полностью совместимый с общественным. Доехал до метро, взял его с собой, как чемоданчик, а потом вышел и снова едешь куда надо.

— У вас метро в каждом поселке?

— Нет, но поселках такая штука и не нужна, разве что как спортивный снаряд. Она для мегаполисов.

— Простите, чего?

— Очень крупных городов.

Таисия глянула на часы и заметила:

— Иван скоро уже должен прийти.

Я кивнул и начал еще раз прокручивать в памяти то, что придумал к сегодняшнему визиту. Дело было в том, что у меня, разумеется, имелся ответ на вопрос «а как вообще осуществляются межвременные переходы?». Но, к сожалению, он, хоть и был абсолютно точным, даже меня не совсем удовлетворял. И уж тем более он вряд ли удовлетворит Ефремова. Этот ответ — «да хрен же его знает!». Да, но ведь у меня могут быть гипотезы о сути происходящего, и я вполне смогу их изложить, уточнив, что это

именно гипотезы. Все хорошо, но вот только в чем они могут заключаться? То, что это господняя воля, конечно, может быть, но никаких конкретных выводов не подразумевает. А от если то же самое изложить несколько по-другому?

Я читал про ноосферу Вернадского и самого начала считал, что его теория может быть немного расширена. С моей точки зрения, ноосфера имеет все шансы обрести разум. Более того, вполне возможно, что она его уже давно обрела.

В микропроцессоре порядка двух миллиардов логических элементов. Каждый их прост до примитивности как схемно, так и по алгоритму работы, но вместе они образуют мощную систему. Искусственный интеллект уже не чистая фантастика.

В мозгу человека около восьмидесяти миллиардов нейронов. Алгоритм взаимодействия нейронов между собой неизмеримо сложнее, чем между ячейками в процессоре. Поэтому человеческий мозг способен на значительно большее, чем самый навороченный искусственный интеллект. Правда, работает он куда медленнее.

Сколько на Земле живых организмов, никто, по-моему, не знает. Но их уж всяко не миллиарды, а как минимум триллиарды — или что там после них. И взаимодействуют они между собой по более сложным алгоритмам, чем нейроны в мозгу человека. И, значит, потенциальный разум ноосферы может оказаться настолько же мощнее человеческого, насколько наш интеллект мощнее искусственного. Увы, и настолько же медленнее.

Человек живет в трех измерениях, где может сравнительно свободно перемещаться. В четвертом — времени — ему доступно только равномерное прямолинейное движение. Но почему ноосфера не может выйти за эти ограничения? С таким-то интеллектшцем! Что ей мешает существовать, например, сразу в пяти измерениях — три пространственных координаты, время, слои мироздания. И более или менее свободно перемещаться по ним, примерно как мы в пространстве.

И тогда мы — Антонов и Скворцов — вполне можем быть эмиссарами ноосферы внутри ее самой. Кстати, есть и ответ, почему именно мы.

И тот, и другой экстрасенсы. Наверное, это очень редкий вид. Во всяком случае, ни один из нас ни разу не встречал себе подобных. Вот ноосфера нас и связала. Зачем? И тут мы возвращаемся к исходному постулату, с которого и стартовали рассуждения. Да хрен же ее, ноосферу, знает!

Кстати, это вполне соответствует принципам диалектики. В своих логических построениях я прошел по спирали и вернулся к тому, с чего

начал, но на более высоком уровне.

В общем, как только я убедился, что помню основные положения своей не то гипотезы, не то ахинеи, из прихожей раздался звук открываемой двери, а за ним вопрос:

— У нас гости?

То есть пришел хозяин и увидел мои кеды.

Мы вышли в прихожую. Таисия попыталась что-то сказать, но получилось у нее только:

— Вань... к нам... э...

Ефремов шагнул вперед и, протянув руку, представился.

— Виктор Васильевич Скворцов, — сообщил в ответ я и, пожимая протянутую руку, почувствовал, что ее обладатель почти наверняка «девятый». Что ж, это упрощает. Правда, такого скоротечного контакта маловато для уверенной идентификации, но, с другой стороны, это по опыту Антонова. А Скворцов как экстрасенс все же сильнее.

— Я прибыл к вам из будущего, из две тысячи восемнадцатого года. Вашей супруге я уже представил необходимые доказательства, сейчас и вам представляю. Это займет всяко меньше времени, чем решение вопроса — жулик я или просто псих — который вы наверняка себе уже задали.

— Нет, еще не успел, — усмехнулся Ефремов, — так что давайте, показывайте.

— Хорошо, тогда пошли на кухню, там еще и торт есть, помимо нескольких артефактов.

— Убедительно, — хмыкнул Иван Антонович по завершению краткого показа возможностей смартфона. — Я вам верю, на мистификацию это не похоже.

Кстати, дата собственной смерти в статье из Вики его не заинтересовала совершенно. Или он смог это очень хорошо скрыть. Первый вопрос, который он задал, был для меня совершенно неожиданным.

— Вам есть где остановиться в этом времени?

Несколько секунд я хлопал глазами, но потом сообразил, что, явись сюда Антонов в своем материальном воплощении прямиком из двадцать первого века, это, действительно, был бы самый актуальный вопрос.

— Спасибо за участие, но я тут нормально устроился. У меня есть все необходимое — паспорт, комната в коммуналке, велосипед с мотором и даже невеста. И, кстати, я несколько старше, чем выгляжу. Мне шестьдесят шесть или шестьдесят семь лет, это смотря как считать.

— Вы неплохо сохранились, — усмехнулся Ефремов. — В будущем

все так или вы — исключение?

— Второе.

Я решил сразу не говорить, что вообще-то Скворцов и Антонов — это разные люди, хоть и тезки. Они же мысленно вместе, так что это не только не ложь, но и не такое уж серьезное умолчание.

Иван Антонович тем временем продолжил расспросы:

— Вы употребили слово «артефакты» во множественном числе. Один мы видели, это ваша ЭВМ. А остальные?

— Еще два — вот.

Я показал на два плода киви и еще раз объяснил, что это такое.

— Ой, мужчины, да вы садитесь к столу, торт же остался! И чай еще горячий, — спохватилась Таисия. — Вот только хлеба нет, в магазин на Губкина не завезли, а в «Москву» я не ходила.

Все правильно, подумал я, уже потихоньку начались перебои с продуктами.

Ефремов откусил киви.

— А ничего, на вкус довольно приятно у новозеландцев получилось. Но все же, если вы не против, мы с Таей еще бы вас послушали. Про то, сбылось ли обещание Никиты построить коммунизм к восьмидесятому году, я даже и спрашивать не буду, тут все очевидно. Наверняка и у вас его не только нет, но и непонятно, когда же он наступит. Но вот что вместо него — мне, честно говоря, интересно, во что мог развиваться социализм по Хрущеву.

— Не успеет он ни во что развиваться, или, если точнее, выродиться, через год с небольшим лысого придурка отправят на пенсию верные соратники. Достанут их его постоянные закидоны. Социализм будет брежневский, он же развитой. И вот ему уже хватит времени выродиться по полной.

— Похоже, у вас Никиту не очень уважают? Возможно, зря, все-таки он сделал немало полезного.

— Но наворотил фигни намного больше. И теперь я, как вы и хотели, расскажу, что произошло в нашей стране и в мире в последующие полвека с хвостиком...

— Интересно, — задумчиво сказал Ефремов, — явный реакционный переворот, но внешние проявления — как у французской революции. Сначала — энтузиазм широких масс, полное отрицание «темного прошлого», там разрушили Бастилию, у вас низвергали памятники. Потом — неспособность новых властей навести порядок и, как следствие, разгул преступности. Но это всем надоело, и создались условия для прихода к

власти представителей нарождающейся крупной буржуазии, во Франции это называлось Директория. Мелкую преступность быстро прижали, она мешала воровать по крупному. Ну, а потом пришел Бонапарт. Как там у вас с кандидатами в Наполеоны?

— Да так себе. Есть, конечно, и не один, но все какие-то больно уж мелкие и неубедительные.

— Значит, у вас все еще впереди.

— Возможно. Во всяком случае, за последние годы популярность Сталина в народе сильно выросла. И, кстати, я вам не показал еще один артефакт. Захватил его на всякий случай, если смартфон покажется вам не слишком убедительным, но вы мне и без того поверили.

— А вдруг не до конца? — потер ладони Ефремов. — Доставайте, чего уж там.

Я вытащил из рюкзака замотанный в упаковочную пленку квадрокоптер. Хотя он был и маленький, но в исходном виде в прошлое все равно не проходил, его пришлось разобрать и переправлять в четыре захода, а здесь снова собрать.

— Детская игрушка, к тому же недорогая, — пояснил я, включив приложение и укрепив смартфон в зажиме пульта управления, — летать может минут пятнадцать, дальность связи пятьдесят метров.

Дрон с негромким воем взлетел, и я, ориентируясь на картинку в телефоне, сначала вывел его в прихожую, потом в ту комнату, куда меня сначала пригласила Таисия, затем вернул на кухню и после двух кругов над супругами посадил его на стол.

— Настоящие дроны-разведчики способны держаться в воздухе часами, а некоторые — и десятками часов. И передавать изображение на сотни километров. Самые крупные из них могут нести оружие.

— Вы собираетесь выйти на связь еще и с военными? Вот их такая игрушка действительно впечатлит сильнее смартфона.

— Сейчас — нет. До четырнадцатого октября следующего года я точно не собираюсь контактировать ни с кем, кроме вас. Ну, а потом посмотрим.

— А чем связана именно эта дата?

— Хрущева скинут в тот день, и мешать этому я совершенно не желаю. Если же проявить активность, то можно случайно и помешать, там ведь все будет висеть на волоске.

— Ваше право. Но все же не можете ли вы рассказать о технических деталях путешествия во времени?

— Они не технические, во всяком случае в общепринятом значении этого слова. И более того — до конца мне самому непонятны. Но себе все

это я представляю так...

Где-то минут за пятнадцать я изложил Ефремовым то, что придумал про ноосферу. Под конец меня осенило, и я в порядке импровизации выдал:

— Вот только сейчас подумал — ведь придуманное вами Великое Кольцо, оно ведь трагически медленное только для людей, а для сущностей, живущих как минимум сотни тысяч лет с способных перемещаться во времени не только равномерно и прямолинейно, это не критично. Вдруг оно действительно есть, только связь по нему осуществляется между ноосферами?

— Да уж, фантазии вам не занимать. Значит, говорите, Земля как организм, а мы в нем выполняем функции клеток? Но вы тогда скорее не эмиссар, а фагоцит.

Глава 8

В ридере, который я оставил Ефремову вместе с зарядкой и наушниками, были написанные позднее его романы «Час быка» и «Тайс Афинская». Раз уж он это однажды написал, то зачем ему сейчас тратить время на то же самое? Пусть лучше сочинит что-нибудь еще, чего он не успел в прошлом времени Виктора Антонова. Или улучшит эти книги, что тоже неплохо.

Кроме ефремовских романов, там был еще «Незнайка на луне» — с моей точки зрения, прямо-таки провидческое произведение. Кстати, многие ли помнят, чем оно закончилось? Я, например, помню. Скинув власть всяких там Скуперфильдов, лунные коротышки пошли практически по пути Китая в конце двадцатого — начале двадцать первого веков! Даже и не подумав отменять деньги или ограничить их функции, а просто кое-где, но не везде, заменив индивидуальную частную собственность на средства производства кооперативной и акционерной. Вот такой финал у меня вызывает сильное подозрение, что на самом деле это ни фига не детская книга. Как и «Солнечный город», в котором блестяще показана принципиальная неустойчивость классического коммунизма. Чуть его толкни — рухнет и развалится, если не случится чуда. Просто удивительно, что такое пропустила цензура. Ну и подборка фантастики из двадцать первого века. Как лучшей, так и худшей (с моей точки зрения худшей, но почему-то пользующаяся устойчивым спросом), и кое-что из музыки.

Мы договорились, что следующая встреча будет через две недели, примерно столько Ивану Антоновичу понадобится на изучение содержимого букридера. Ну, а если у кого-нибудь возникнет надобность во встрече раньше, то я дал Ефремовым свой адрес и рабочий телефон. Домашнего у меня, ясное дело, не было, но, что меня удивило, у Ефремовых тоже.

— Мы же недавно сюда переехали, еще и года не прошло, — объяснила Таисия. — Обещали поставить в начале шестьдесят четвертого.

А вообще-то их дом стоял на противоположной от ФИАНа стороне тихой, коротенькой и неширокой улицы Губкина, еще недавно называвшейся Второй Академической. Так что я к ним при необходимости мог заскочить в любое время и быстро.

Ну, а вернувшись домой после знакомства с писателем и его супругой, я от избытка энергии взял лопату, позвал Джульку, и мы с ним пошли

копать яму под окном.

Дело было в том, что я все-таки решил — покупать буду именно «Яву». Однако не знаю как в начале шестидесятых, но в начале семидесятых бросить такой мотоцикл на улице столицы означало высокий риск быстро лишиться аккумулятора, генератора и еще чего-нибудь по мелочи, это в лучшем случае. Но мог исчезнуть и весь мотоцикл. Причем это касалось только «Яв»! Ту же «Макаку» можно было оставлять где угодно, она никого не интересовала. Ни по частям, ни целиком.

Помнится, один мой знакомый решил пересест с в хлам убитого М-104 на «Яву». Продавать свое убище он не стал, а пошел в госстрах. И там вполне официально его застраховал от угона. Никакого криминала — у них были формулы, где в зависимости от года выпуска и пробега можно было получить вилку страховой суммы. Знакомому ее установили ближе к нижнему пределу, но даже так получалось раза в полтора больше, чем дал бы за эту «Макаку» самый щедрый покупатель.

И, значит, она месяц торчала на самом видном месте двора, причем так, что ее можно было заметить и с улицы, но никто на нее не покусился.

Тогда парень ранним утром сел в седло и смог хоть и за целый световой день, с двумя ремонтами в дороге, но все же доехать до Загорска, где у него жита бабка — и бросил свой транспорт уже там. В Загорске народ оказался попроще, не такие снобы, как в Москве, и мотоцикл был украден на шестую ночь.

Поэтому я на всякий случай еще неделю назад съездил туда, где скоро будет открыто метро «Проспект Вернадского», но пока там еще стройка, и, быстро договорившись с рабочими, заказал им сварную конструкцию из толстой арматуры, напоминающую корзину, только с длинной, почти метровой ручкой. А позавчера настало время забирать заказанное. Я отдал оговоренную пятерку и добавил за качество и скорость исполнения бутылку водки, причем «Столичной», а не «Московской». В ответ мне принесли треть мешка сухого цемента, сказав, что так получится надежней, чем просто закопать этот якорь для мотоцикла в землю. Хоть и с трудом, но мне удалось увезти все это домой на мопеде, но все равно пришлось ехать на стройку еще раз — за битыми кирпичами.

И вот яма выкопана. Я засунул туда «корзину», накидал кирпичей, плюхнул раствора из специально для этого найденного на помойке детского оцинкованного корыта. Кстати, я его еле нашел, пришлось объехать все помойки нашего квартала и половину — соседнего.

Потом настала очередь еще одного слоя кирпичей, снова раствор, и так до самого верха. И, наконец, кладем на место аккуратно срезанный перед

началом раскопок дерн. Все, теперь есть куда приковывать мотоцикл — прямо под моим окном у самого края узкой, сантиметров восьмидесяти шириной асфальтовой полосы вдоль стены дома из земли торчала большая перевернутая буква «О». Порядок, теперь можно брать деньги и ехать в магазин за «Явой».

Набор инструментов, причем большей частью из двадцать первого века, у меня уже был. И кроме него — полуторалитровая дюралевая фляга со смесью бензина и масла и пузырек с электролитом для аккумулятора. А как иначе? Это вам не двадцать первый век, где вы, оплатив покупку, можете садиться в седло и ехать. Кстати, даже там такое бывает не всегда. Нет, сейчас рабочие вытащат во двор заколоченный ящик, в который запакован мотоцикл отдельно, переднее колесо отдельно, аккумулятор, причем сухой — отдельно. И делай с этим что хочешь, хоть волоком домой тащи, имея в виду, что ни капли бензина в баке нет, а вызвать грузовое такси — это о-о-очень большая проблема. За неделю нужно заказывать, и совершенно не факт, что оно приедет вовремя.

Между прочим, в этом что-то есть. Если человек не умеет держать в руках молоток и гаечный ключ или не может залить раствор серной кислоты в три дырки, то зачем ему тогда мотоцикл? Пусть на автобусе ездит, пока не научится.

Кроме «Явы», я купил еще два шлема. «Кавказскую пленницу» помните? Вот примерно таких, в каком там щеголял Моргунов, только черно-белой расцветки. Хотя сейчас шлем для мотоциклистов еще не обязателен, мне моя голова все-таки дорога вне зависимости от того, что написано в официальных документах. И Верина тоже.

Разумеется, противоугонку я спаял заранее.

С посещениями двадцать первого века я пока решил немного повременить. Во-первых, по большому счету мне там сейчас ничего не нужно. А во-вторых, Антонов обнаружил, что вроде бы экстрасенсорные способности после каждого перехода слегка проседают и восстанавливаются полностью хорошо если через несколько дней. Правда, Скворцов пока ничего такого не замечал, но он молодой, неопытный, мог и не обратить внимания. В общем, не будем рисковать, мне еще приводить в порядок здоровье Ефремова, а это, между прочим, вовсе не какой-то ползучий гад Ликин из не очень светлого будущего.

За всеми этими заботами две недели пролетели быстро, и в один прекрасный вечер, возвратившись с работы, я увидел, что форточка в комнате соседей открыта, и услышал доносящееся оттуда восторженное, с привизгом, тявканье Джульки. Все это однозначно указывало, что соседи

вернулись с югов, и я, закатив «Яву» под свое окно, приковал ее к арматурине, но активировать противоугонку не стал.

— Здравствуй, Вить, мы вернулись! — встретила меня Вера. — А чего это ты сегодня на работу ездил без мопеда? Ой, а почему ты со шлемом? Мотоцикл купил, да? Пошли скорее смотреть!

— Вер, ну хоть дай мне с тетей Ниной и дядей Мишей поздороваться.

— Так чего ты тогда стоишь? Здравойся быстрее, и пошли.

Увидев «Яву», девушка пришла в щенячий восторг — заметалась вокруг нее, подпрыгивая, приседая и повизгивая. В общем, вела себя как Джулька, разве что хвостом не виляла ввиду его отсутствия.

Наконец она слегка уgomонилась и спросила:

— Вить, а чего ты на меня так смотришь? Я стала ужасно некрасивая?

Дело было в том, что ее родители в Крыму просто загорели, хоть и довольно интенсивно. А она явно успела загореть, обгореть, облезть и местами начать загорать по новой.

— Нет, ну что ты, такая... э-э-э... благородная пятнистость в облике тебе очень идет.

— Опять издеваешься, — попыталась надуться Вера, но у нее не получилось. — Лучше скажи, когда мы кататься поедем?

— Завтра.

— А почему не сегодня?

— Потому что сегодня ты будешь мне рассказывать, как оно там, на море.

— Так я это могу и на ходу!

— Ага, и мы во что-нибудь врежемся, так как я заслушаюсь и не справлюсь с управлением. Нет уж, сказал завтра — значит, завтра. Пошли домой.

Я активировал противоугонку, она пискнула.

— Ой, Вить, а что это ты сделал?

— Включил противоугонную систему, теперь мотоцикл никто не сможет украсть. Ладно, пошли, а то твои родители того и гляди начнут волноваться, не уехали ли мы куда-нибудь.

За ужином Вера непрерывно тараторила, и не только Скворцов, но даже Антонов смог узнать про отдых на море кое-что новое. Но наконец она устала, уgomонилась, и мы разошлись по своим комнатам. Однако где-то в одиннадцатом часу вечера я почувствовал смутное беспокойство, а в мою дверь начал царапаться Джуля.

Я открыл ее и предложил:

— Ну, заходи, собака. Что у тебя случилось?

— Вить, извини, пожалуйста, чего это он тебе спать не дает, — вмешалась тетя Нина. — Джулька, домой!

Однако пес не стал реагировать на команду, которую прекрасно знал, а, поскуливая, начал теревить меня за штанину, чтоб, значит, я пошел с ним.

— Тетя Нина, у вас все в порядке?

— Да Вера слегка приболела. В вагоне было больно уж жарко и душно, а из форточек — сквозняки. Да и тут она набегалась и напрыгалась, а сейчас слегла. Завтра, наверное, врача вызовем.

— Ясно, можно мне к вам?

Не дожидаясь ответа, я прошел в соседскую комнату. Вера лежала, укрытая одеялом до самого носа. Но даже так вид ее не производил впечатления совсем уж здорового.

— Рассказывай, что болит.

— Вить, а ты разве доктор?

— Еще какой. Так что с тобой? Голова, говоришь, болит? И знобит? Подташнивает? Ладно, доставай руки из-под одеяла и клади их вдоль тела, вот так.

Я накрыл ее ладони своими и сосредоточился. Так, вроде ничего серьезного. Девочка слегка простудилась, переволновалась и, кажется, недавно съела что-то не очень свежее. За ужином на столе точно ничего такого не было, значит, перехватила раньше.

— Ты в поезде или на вокзале ничего не ела?

— Пирожки с рыбой, мы их на какой-то станции днем купили...

— Понятно. Теть Нин, нужно примерно пол-литра теплой кипяченой воды, немного соды и тазик.

— Ой, что ты со мной собираешься делать? Может, не надо?

— Ничего я не собираюсь. Ты сейчас сама выпьешь воду, а потом тебя вырвет. Тазик нужен, чтобы не на пол. Да чего ты трясешься? Голова-то болеть перестала?

— Да... только... Вить, неудобно, я же там под одеялом голая...

— Ладно, я выйду. А ты делай, что сказано, потом накинь что-нибудь и позови меня.

В общем, на этом лечение практически завершилось. Вера благополучно проблевалась, потом ее пронесло, и уже к одиннадцати часам вечера она была в полном порядке, о чем тут же сообщила мне. Я, снова взяв ее за руки, убедился, что так оно есть.

— Все, можешь ложиться спать.

— Вить, а что это было? Доктора вроде должны таблетки давать или уколы делать, а ты так...

— Тебе уколов не хватает? Могу устроить, шприц у меня есть. А называется это мануальная активация латентных возможностей организма, — «объяснил» я. — Твоего, между прочим. Выздоровела ты сама, а я просто помог.

— Ух ты, и как здорово помог-то! А где такому учат?

— В армии, — по привычке отбрехнулся я, но на всякий случай добавил:

— Правда, не всех. Далеко не всех, способности иметь надо.

— Интересно, у меня они есть?

— Это еще неизвестно, они, как правило, проявляются не в детском возрасте, а позже.

— Я уже не ребенок! — возмутилась пигалица.

— Ага, ты это еще кому-нибудь расскажи, может, кто и поверит. И вообще уже двенадцатый час. Тебе давно спать пора, да и мне тоже, завтра-то на работу.

Вернувшись к себе, я задумался — а правильным ли было мое слепое следование душевному порыву? С одной стороны, я вроде знаю, что и без всяких моих вмешательств Вера доживет как минимум до две тысячи восемнадцатого года, зато теперь помощь Ефремову откладывается — как целитель я сейчас полный ноль, и неизвестно, насколько это затянется. С другой — это она в том варианте судьбы, где не было меня, дожила до семидесяти лет. Так не факт, что она там вообще ездила в Крым! То есть та ее жизнь уже давно стала не безусловной колеей, а всего лишь ориентиром. Мол, как оно могло быть, если бы не я.

И, наконец, в-третьих — если бы Ефремов узнал, что я в целях ускорения его лечения не оказал помощь больной девочке, вряд ли он это одобрил бы. Скорее наоборот. В общем, ладно, решил я, что сделано, то сделано. И вообще пора спать.

Утром я смог лишний раз убедиться, что Скворцов — это не Антонов. У меня уже потихоньку начали восстанавливаться способности! До максимума им, разумеется, было еще далеко, но для Антонова и такое было практически за гранью возможного. Да, здешний Витя могуч! Ладно, славословия самому себе оставим на потом, пора на работу, хотя до половины десятого, когда официально начинался мой рабочий день, еще два с половиной часа, а дорога занимает от двенадцати до четырнадцати минут. Но мне некогда лениться, надо побыстрее заканчивать очередной прибор, а то денег после покупки «Явы» осталось впритык на жратву, однако желание купить еще и магнитофон никуда не пропало.

Глава 9

Вскоре я пришел к выводу, что Скворцов не только сильнее Антонова как экстрасенс, у него еще и зрение лучше. Случилось это после того, как я ночью выехал на «Яве» за город, чтобы посмотреть, насколько катастрофична ситуация с ее светом. Оказалось, что далеко не настолько, как я боялся. До идеала, конечно, было далеко, но фара все-таки позволяла уверенно ехать в темноте со скоростью пятьдесят — шестьдесят километров в час. По воспоминаниям же Антонова выходило, что быстрее сорока в таких условиях ездить уже опасно. А это означало, что Скворцов видит лучше — по крайней мере, в темноте.

Да и восстановиться после сеанса воздействия у него получилось быстрее, уже через шесть дней я смог приступить к поправке здоровья Ефремова. М-да... мне, вообще-то, три раза в жизни встречались пациенты и потяжелее. Выжил один из них, оставшимся двоим удалось только немного оттянуть конец — примерно на месяц.

Сердце, как я и ожидал, работало совсем плохо. А как оно могло иначе, с такими-то почками? Одна вообще почти не функционирует. Да и с печенью тоже далеко не идеал. И со спиной-то у него что? Я этого пока просто не понял.

В общем, за три часа с двумя перерывами я смог всего лишь немного помочь той почке, что хоть как-то работала, и прекратит сеанс, потому что выложился весь, досуха.

— Вы в порядке? — с беспокойством в голосе поинтересовался Иван Антонович.

— Это нормально, так всегда бывает, — почти правдиво буркнул я, вытирая пот со лба. — Мне бы теперь часок посидеть, не вставая, и попить-поесть чего-нибудь сладкого. А вы как?

— Вроде немного получше, привкус во рту пропал, даже как-то непривычно. А в остальном...

— А в остальном потребуется не меньше десятка сеансов, если не все двадцать, — вздохнул я. — И то пока неясно, удастся ли достичь хоть сколько-нибудь полного успеха.

— Да вы не расстраивайтесь, я к своему состоянию отношусь как к неизбежной данности. Даже странные какие-то аналогии приходят в голову — чувствую себя торпедированным броненосцем. Огромная пробоина, вода прибывает, но ход еще есть, причем он пока не падает, и орудия

стреляют даже точнее и чаще, чем до попадания. Ибо весь экипаж понимает, что терять уже нечего и надо просто успеть выполнить все ему назначенное до того, как волны сомкнутся над кораблем. Я, прочитав про себя в вашем смартфоне, даже слегка удивился — надо же, как много мне осталось! Примерно на уровне самых оптимистичных предположений.

— Вот-вот, а мы вашему броненосцу заведем на пробойну пластырь, откачаем воду из отсеков, и он, глядишь, все-таки доберется до базы, где ему сделают уже настоящий ремонт. Главное, чтобы экипаж не расслабился раньше времени, опасность еще далеко не миновала.

На столике перед креслом, где в позе помирающей медузы слабо шевелился я, усилиями Таисии уже материализовалась здоровенная фарфоровая кружка с чаем и внушительных размеров блюдо с пирожными.

— У нас прямо как во Франции времен Людовика Шестнадцатого, — улыбнулась она. — И я в роли Марии-Антуанетты. Как там она сказала — «У народа нет хлеба? Пусть ест пирожные!». Вот так, а хлеба действительно нет уже третий день подряд. Говорят, надо в шесть утра занимать очередь, тогда, может, и достанется.

— Народ в моем лице не против, — ухитрился вставить я с набитым ртом. После тяжелого сеанса у меня всегда возникала потребность в сахаре, но сейчас тех конфет, что я напихал в карман еще дома, не хватило. — Не хлебом единым жив человек, это когда еще было сказано. К тому же скоро введут талоны, и вероятность, что и вам начнет доставаться, слегка повысится. Или талоны будут только на муку и макароны? Честно говоря, уже не помню.

— Да ладно, — пожала плечами Таисия, — переживем. Меня вот больше интересует — а как вы все это делаете, в смысле лечите? Если не секрет, конечно.

— Никаких секретов, — помотал головой я, — вот сейчас еще одно пирожное употреблю и расскажу.

— Значит, так, — сообщил я, выполнив свой наполеоновский план (ибо слопанное мной было именно «наполеоном», насколько я вообще разбираюсь в кондитерских изделиях). — Все происходит исключительно по методикам Ивана Антоновича, описанным им в «Лезвии бритвы». Возможности человеческого организма пока еще слабо изучены, но они гораздо шире, чем считает большинство. Просто мало кто умеет их использовать по-настоящему, то есть сознательно. Я умею. И, кроме того, умею помогать делать это другим. Не всем, только некоторым. К счастью, оказалось, что Иван Антонович входит в их число. Если продолжить аналогию с кораблем, то я не зарастил каким-то волшебным образом

пробоину в борту, и даже не заменил экипаж. Просто рядом с командиром появился советник, который точно знает, что необходимо сделать для реализации шансов на спасение, они еще есть. Ну, или почти точно. Могут вылезти какие-нибудь непредусмотренные осложнения.

— Это точно, — усмехнулся Ефремов, — могут. Я вот у вас прочитал, что на меня, оказывается, посмертно завели дело. Хорошо хоть не посадили, тоже посмертно. А теперь, выходит, они это смогут организовать и более традиционно, если я подольше задержусь на этом свете.

— Если будете хлопать ушами — конечно, смогут. Но я над этим уже думал и более или менее представляю, как подобное развитие событий предотвратить. Впрочем, оно пока не горит, органы вами заинтересуются только после начата публикации «Часа быка».

— Да нет, власти ко мне проявили интерес еще до выхода в свет «Туманности Андромеды».

— А там-то к чему можно придраться? — удивился я. — Ну разве что кроме сроков наступления коммунизма, так вы оттуда конкретные цифры — кажется, поначалу было две тысячи лет? — сами убрали.

— Разумеется, сам. После того, как меня вызвали в Министерство культуры и сообщили, что роман, в котором коммунизм наступит не в ближайшие годы, а через тысячелетия, опубликован быть не может. На это я пошел, хорошо хоть от требований понатыкать памятники Марксу и Ленину по всей галактике удалось отбиться.

— Даже такое требовали? — удивился я.

— Конечно, а что вы хотели от чиновников? Если памятников не будет, то тот же Хрущев, в очередной раз попади ему вожжа под хвост, может спросить — а вы-то куда смотрели? И сделать выводы. А если их вставить, никто ничего сказать не сможет. Ну, а что роман тогда превратится в фарс, это не их дело. Так что я, наверное, слегка подозрителен властям еще с тех времен. Пишу хоть и о коммунизме, но не в свете руководящих указаний, да еще и не член партии.

— Что? — вот тут я по-настоящему охренел. В процессе просмотра материалов о Ефремове мне и в голову не пришло поинтересоваться его партийностью — все казалось изначально ясным. А тут вон оно что! — Как же это вас угораздило?

— Происхождением не вышел, отец был сначала арендатором, а потом владельцем небольшого лесопильного завода. Отказали в приеме.

Да уж, подумал я. Как в свое время сказал товарищ Сталин — «Это будет посильнее «Фауста» Гете!». Если раньше я допускал, что, может, партия в нынешнем виде все же имеет какие-то, пусть и минимальные,

права на существование, то теперь последние сомнения испарились. Давить, только давить! Иначе какой там в дулу коммунизм — социализм и то получится только «развитой», то есть до предела выродившийся и ублюдочный.

— А вы в партию не собираетесь? — подколот меня Иван Антонович.

— Сначала надо определить цель, уточнить путь, потом выбрать средства, и, если одним из них будет партийность, придется. В дерьмо я уже вступал, ночью в деревне не видно, куда ноги ставишь. И в партию, наверное, тоже смогу, особенно если заранее зажму нос и зажмурюсь.

— И как у вас уточнением пути? У меня вот пока не очень, хоть я и пытался обдумать этот вопрос.

— Мне проще, я дилетант, а не ученый, поэтому мнение уже есть. Оно состоит в том, что классики совершили огромную, прямо-таки эпическую ошибку, заявив, что победа коммунизма возможна только в мировом масштабе. Ну ясно же, что дело обстоит как раз наоборот! Чем меньше коллектив, тем проще в нем построить коммунизм — естественно, если моральные качества членов позволяют. Вот нас сейчас в квартире трое, и, если понадобится, коммунизм тут можно построить очень быстро. Пятнадцати минут должно хватить, только это никому из нас не нужно. Листок бумаги и карандаш у вас найдется? Попробуем изобразить процесс графически.

Я нарисовал несколько маленьких кружков и объяснил:

— Вот, значит, весь лист — это исходный строй. Пусть он называется социализмом, это не очень принципиально. И вот, значит, мы в нем организуем ма-а-аленькие такие очаги коммунизма. Естественно, огородив их и обеспечив невозможность проникновения посторонних, а то ведь все растащат, а оставшееся загадят. Со временем эти анклавов разовьются, укрепятся и начнут расти. Сначала так...

Я увеличил диаметры кружков раза в три.

— А потом и вот так!

Новый прирост был раз в десять от исходного, и многие круги сомкнулись.

— Видите? Теперь уже не коммунизм огорожен, а, наоборот, исходный строй оказался разбит на очаги, со всех сторон обнесенные забором! Вот он, путь, на котором я вижу хоть какую-то перспективу. Только надо помнить, что анклавов предыдущих формаций совсем исчезнуть не могут, и такую цель ставить нельзя. Козлы будут рождаться всегда, и им необходимо оставить место, где они будут пастись без вреда для окружающих.

— Себя вы, конечно, к козлам не относите.

— Ну да, я же хоть иногда человек несдержанный и склонный к поспешным решениям, но в общем, наверное, положительный. К тому идеологически подкованный и материально... э-э-э... то есть морально устойчивый. Понятно, что не идеал, но для начала хоть таких бы найти достаточное количество! А когда все станут лучше, добрее там, идейнее, то и я под влиянием коллектива подтянусь. Если не помру раньше, процесс-то будет длительный.

— Хм, — чуть не подавился чаем Ефремов, — наверное, обсуждать личности все-таки рановато. Тот строй, что сейчас наличествует в Советском Союзе, создать внутри себя анклавы коммунизма не способен. Если, конечно, не причислять к нему дачные поселки ЦК и правительства.

— Согласен, вот уж их-то точно причислять нельзя — обитатели там не те, хотя с материальной базой все в порядке. Но вот в остальной стране даже с ней не очень, так что в любом случае начать придется именно с этого пункта. Мне кажется, в принятой сейчас трактовке марксизма есть и еще одна серьезная ошибка, кроме той, о которой я уже говорил. Почему-то считается, что социализм — это строй, в котором всего лишь отсутствует частная собственность на средства производства. Все правильно, Маркс доказал, что она является основным инструментом эксплуатации. Но ведь столовый нож часто становится орудием убийства! Хотя он предназначен вовсе не для этого. То есть любой инструмент можно применить по-разному, и частную собственность тоже. У вас, вон, пишущая машинка стоит — она именно частная, потому как средство производства. И вообще, смысл социализма, как более справедливого общественного устройства, выражается формулой «от каждого по способностям, каждому... нет, не по труду, а по результатам труда». Суслов, вон, тоже трудится, но деньги ему за это дают совершенно зря. В правильном социализме он бы при таких результатах поехал остров Новая Земля от снега чистить и не вернулся бы, пока весь не очистил. И частная собственность тут ни при чем, важны результаты ее использования. Если они приводят к увеличению имущественного неравенства сверх социально допустимого предела, то государство... или даже партия, как в Китае двадцать первого века, обязано вмешаться и укоротить зарвавшегося владельца. Кстати, китайский подход дал и довольно интересные результаты в плане формирования нового человека, что вы, насколько мне известно, считаете даже более важным, чем достижение материального достатка.

— Считаю, — подтвердит Ефремов. — Вы это все сами придумали?

— Нет, что вы, это все Дэн Сяопин, я только более или менее связно изложил самое начало его теории. Это человек, вытащивший Китай из

глубокой задницы середины восьмидесятых, где он пребывал после правления Мао, на второе, а то и первое место в мире по промышленному производству в десятых годах двадцать первого века. Это смотря как считать. Если в плюс записывать и прибыль от чисто спекулятивных сделок, где никакие товары вообще не участвуют, то тогда на первом месте Штаты. Ну, а если их во внимание не принимать, то однозначно Китай.

— Очень интересно. Можно у вас попросить более подробные материалы об этом?

— Да, конечно. Я завтра собираюсь в двадцать первый век, так что послезавтра с утра могу завезти, как раз воскресенье будет.

— Заранее благодарю. Но, наверное, на два вопроса по этой теме вас ответить не затруднит и сейчас.

Я попытался встать, но убедился, что ноги меня держат еще не сказать чтобы очень хорошо, и плюхнулся обратно в кресло.

— Конечно, не затруднит, и задавать можете не два вопроса, а все, что у вас появились, постараюсь ответить.

— Вы что-то говорили о китайских результатах формирования нового человека. Пример можно?

— Пожалуйста. Что такое русский купеческий загул, вы знаете? Но вообще-то это явление интернациональное. Добившись финансового успеха, многие испытывают потребность показать его самыми дикими способами. Купцы в прошлом веке венецианские зеркала в ресторанах били, но это по нынешним нашим меркам вообще детский сад, так в грядущей России развлекаются разве что на районном уровне. А на действительно высоком масштабы совсем другие. Там строят роскошнейшие дворцы в заповедных зонах, покупают огромные яхты, самолеты и потом без всякого стеснения, публично выясняют, у кого что круче. Один вон вообще воздушный лайнер для двух своих собак купил, чтобы им было на чем в Швейцарию летать на случки. Ничего тут не поделаешь, человек еще совсем недавно слез с дерева и лишился хвоста, его поведение все еще описывается по дедушке Фрейду. Так вот, в Китае за подобный купеческий размах можно и запросто вылететь из партии, а это для миллиардера куда неприятнее, чем для простого рабочего. Хорошо если потом удастся остаться хотя бы миллионером, но даже это не гарантируется. Но размах-то продемонстрировать хочется! Если попростому нельзя, то можно что-нибудь придумать. Например, вот такое.

Как-то раз один весьма небедный китаец в ознаменование своего юбилея решил устроить лучшим рабочим со своих заводов недельный отдых на Мальдивах. Мол, он такой, он может! А это все-таки не Египет и

даже не Таиланд, там отдыхают более состоятельные люди. И вот, значит, в один прекрасный день прилетает в Мале широкофюзеляжный Боинг 747. В такой самолет даже американцев влезает более пятисот голов, а китайцев, наверное, можно напихать и раза в полтора больше. И все эти нищие китайцы сотнями лезут из самолета в рай для богатых! Получилось что-то вроде скандала, но его быстро замяли.

Это, конечно, тоже не идеал, но лично мне все же нравится больше, чем самолет для собак.

— Оригинально, — усмехнулся Ефремов. — Но меня больше интересует другое — а как вообще этому вашему Дэну удалось повернуть партию на столь неестественный для нее курс? Если тот же Хрущев задумает что-то хоть отдаленно похожее, его общими усилиями скинут сразу, не дожидаясь октября будущего года.

— Так ему Мао помог! Он же пересажал и перестрелял почти все руководство компартии, только немногие успели разбежаться и попрятаться. Поэтому Дэн имел возможность сам формировать новое руководство партии под новые задачи. У нас перед Горбачевым тоже встала похожая задача, но она была все-таки проще. Он же собирался улучшать жизнь не всего народа, а лишь отдельных его представителей. Под такие задачи найти кадры было проще, и он смог чисто аппаратными методами, то есть интригами и подсиживанием, заменить почти весь состав Политбюро и более половины ЦК. Кстати, и здесь обязательно потребуются нечто подобное, причем одни горбачевские методы тут не сработают, наверняка придется обращаться и к опыту товарища Мао тоже. Разумеется, творчески его переосмыслив.

— Это как?

— Ну зачем нам устраивать всякие культурные революции, от которых потом экономика не может оправиться десятилетиями? Нет, мы пойдем другим путем. Целительство, оно же, как и почти все на свете, может иметь знаки как плюс, так и минус. Причем в минусе работать проще, даже не нужен непосредственный контакт. Как говорится, ломать не строить, душа не болит. Правда, сейчас мне не то что весь ЦК — и четверти не осилить, ну так мы вроде особо и не спешим. А там, глядишь, от регулярных тренировок и квалификация повысится.

— Вы серьезно? — ошарашенно спросил Ефремов.

— Почти. Немного преувеличил для большего эффекта, но основную идею передал верно. И что вы на меня так смотрите? Сами же предположили, что я фагоцит. А как, по-вашему, фагоцит должен реагировать на угрожающую родному организму опасность?

— Ох, ну и каша у вас голове, — вздохнул Иван Антонович.

— Не буду спорить, но, по-моему, даже каша все-таки лучше, нежели продукт ее переработки кишечником.

Столь свободно я говорил потому, что в двадцать первом веке специально выяснил — прослушка была проведена Ефремовым только в семидесятом году, да и то осуществлялась она через телефон. А пока у них даже телефона нет, можно особо не беспокоиться.

Хотя, конечно, индикатор скрытой проводки я уже собрал и проверил им квартиру Ефремовых, а сейчас заканчивал сборку чувствительного радиосканера.

Глава 10

При очередном путешествии в будущее выяснилось, что целительские усилия одной ипостаси на способности другой не влияют никак. Скворцов, засыпая, был почти на нуле, а Антонов, проснувшись, обнаружил примерно такой запас сил, какой у него был до засыпания.

Но вообще я почему-то именно сейчас ясно почувствовал, что от возраста не помогают никакие паранормальные способности. И дело даже не в том, что Антонов, несмотря на отличное для своего возраста здоровье, все же чувствовал себя заметно хуже Скворцова. Здешнему Виктору почти все уже порядком надоело, и он смотрел на жизнь именно с этой точки зрения. А тот, несмотря на то, что вроде был тем же самым мной, умел радоваться каждому дню, воспринимая его как неожиданный подарок судьбы. К чему бы это?

Я вздохнул и подошел к окну. Увиденное никакого восторга не вызывало. И это зима? Снег-то где? Где он, я вас спрашиваю? Тьфу.

Еще раз вздохнув, я включил компьютер. Надо было сначала выполнить обещание, данное Ивану Антоновичу, а потом уж можно отвлечься на что-нибудь иное.

Например, на покупку неодимовых магнитов, решил я, загрузив последний из выбранных документов в папку «Китай» и скопировав ее на флешку. Магниты же мне были нужны для улучшения света «Явы».

Сейчас, конечно, вопрос этот может решиться просто — установкой двенадцативольтового генератора от «Ижа» на место штатного. Почему не явского от более поздних моделей? Да потому, что он, во-первых, хуже ижевского. А во-вторых, его гораздо труднее поставить, у него даже конус другой.

Однако генератор все же слишком велик и в прошлое не пролезает. Причем и у Антонова в свое время возникли похожие трудности — правда, оттого, что тогда ни явских, ни ижевских генераторов на двенадцать вольт вообще не было.

Что такое электрическая мощность, причем не только генератора? Это произведение тока на напряжение. Максимальный ток, если я собираюсь оставить родной ротор (а никакого другого подходящего нет), определяется диаметром провода его обмотки, то есть увеличивать его нельзя. А напряжение — оборотами двигателя (их тоже не повысишь) и напряженностью магнитного поля, создаваемого обмотками статора, и вот

тут уже есть простор для маневра.

В семидесятых Антонов насверлил в корпусе статора дырок и вставил туда мощные магниты, сами обмотки все же сохранив, так как магниты были мощными только для того времени. Скворцову, наверное, можно будет эти самые обмотки вообще ампутировать, ибо неодимовые магниты намного сильнее. Ну и, разумеется, выкинуть штатный реле-регулятор, вставить на его место самодельный электронный и заменить аккумулятор с лампочками.

В начале января две тысячи восемнадцатого года мое сознание покинуло двадцать первый век и вместе с зажатыми в одном кулаке магнитами, транзисторами и галогенной лампой для фары, а в другом — флешкой переселилось в конец июля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

Скворцов зевнул, встал с дивана и, мимоходом посочувствовав Антонову (тяжело быть старым брюзгой, которому все не так), выложил посылку из будущего на стол. Прямо сейчас я ее пускать в дело не собирался, «Явой» займусь зимой, а пока и так обойдусь. Для поездки к Ефремовым или на работу мощная фара не нужна. Туда вообще-то и пешком дойти недолго.

Так как продолжать лечение было еще рановато, то, когда я в воскресенье заехал к Ефремовым отдать флешку, мы с Иваном Антоновичем просто побеседовали.

— По-моему, нам пора потихоньку вылезать из тени, — предположил я. — С тем, чтобы к октябрю шестьдесят четвертого у нас был хоть какой-то выход в верхи.

— Хм, — усомнился Ефремов. — Нам?

— Совершенно верно. И вам, и мне. Вот чем вы, например, хуже Аграновского?

— А кто это такой?

— Журналист, будущий автор воспоминаний Брежнева. Но уж вы-то их сможете написать даже лучше! Не захотите лучше — напишете так же, тексты я вам принесу.

— Да, но откуда о таких моих планах узнает Брежнев?

— Из вашего письма, в котором вы с восторгом сообщите, что трудовой подвиг советской молодежи на целине под мудрым руководством дорогого Леонида Ильича кроет любую фантастику, как бык овцу. И вы, значит, видите свой долг писателя в том, чтобы достойно осветить все это, для чего просите уделить толику драгоценного времени и поделиться воспоминаниям, кои априори достойны занесения на скрижали истории.

Золотыми, блин, буквами.

— Не умею я писать такие письма.

— Ладно, я напишу. Не волнуйтесь, у меня получится, и без всяких приколов. Вы потом только подредактируете, если появится такое желание, и поставите подпись с датой. Леня скорее всего клюнет, он почти наверняка знает, кто такой Ефремов, а не знает, так ему скажут. Лесть же он любил всегда. Просто, когда Ильич впал в маразм, это вылезло наружу, но внутри-то оно наверняка и сейчас есть. И вот, значит, вы, получив согласие, удалитесь для творчества в поселок Архангельское. Дачу там снимете. Но перед этим надо решить, как залегендировать наше знакомство.

— Ну, например, меня заинтересовали ваши способности, подтверждающие то, что я писал в «Лезвии бритвы».

— Ни в коем случае! — покачал головой я. — Про них вообще лучше промолчать.

— Почему?

— Да потому, что Брежнев, как уже показала история, может покинуть пост генсека только ногами вперед! А если перед этим он познакомится с каким-то экстрасенсом, сложить два и два сможет любой дурак, а ни Семичастный, ни Андропов таковыми не являются.

— Значит, вы все же тогда говорили серьезно?

— Предложите другой вариант со сравнимой эффективностью, и я тут же признаю, что неудачно пошутил.

— Я подумаю. А что это за Архангельское и где оно?

— Поселок километрах в пяти на запад от кольцевой.

— Вообще-то, наверное, писать о целине надо поближе к месту действия?

— У вас какие-то старорежимные понятия. О трудовом подвиге советского народа на целине лучше всего писать в кремлевском санатории в Крыму, Аграновский это доказал железно. Ну, а вам и Архангельского хватит. Просто потому, что там рядом дача Косыгина, а в самом поселке есть школа, над которой он шефствует. Причем всерьез, не для галочки. Ну и вы, наверное, тоже там встретитесь с учениками, уж вам-то найдется что им рассказать. Если получится, то и меня потом туда привлечете — например, вести радиотехнический и авиамодельный кружки. И то, и то я смогу на высшем уровне. Кстати, как вам такая легенда — я перспективный молодой изобретатель, которого вы решили поддержать. Или использовать в качестве прототипа какого-нибудь героя. Или все вместе.

— И что же вы изобретете?

— Два авторских в ФИАНе уже оформляются, но это так, семечки. Ну, например, я смогу изобрести квадрокоптер. И даже его построить.

— Без деталей из будущего?

— Да. Передавать изображение он, конечно, не сможет — нечем и не на что. Но просто летать и управляться по радио — запросто. Четыре авиамодельных моторчика МК-12 в качестве силовой установки, а винты изменяемого шага и примитивный контроллер управления из местных деталей я сделаю, причем быстро.

— У вашего дрона винты с постоянным шагом.

— Это потому, что электромоторами можно управлять с достаточной точностью и скоростью, но авиамодельными движками — далеко не факт. Шагом винтов будет проще.

— Да, и возвращаясь к Архангельскому... надеюсь, Косыгина-то вы не собираетесь?..

— Нет, что вы, скорее наоборот. Не исключено, что ему придется хотя бы частично открыть, откуда я. И просветить насчет дальнейшей судьбы СССР. Но это пока так, одно из предположений.

Дома, куда я вернулся как раз к обеду, было непривычно тихо, несмотря на почти полный комплект населения. То есть меня ждали к столу на кухне тетя Нина, дядя Миша и Джулька. Но главный источник шума — Вера — отсутствовал. Она еще неделю назад уехала в пионерлагерь на третью смену. Лагерь назывался «Мирный» и находился неподалеку от поселка Верея километрах в ста от Москвы, точно я не смотрел. Веру уже два года подряд отправляли в этот лагерь на все лето, ну, а в этот год получилось только на третью смену.

— Мать, — подал голос дядя Миша, отобедав, — тут такое дело. Говорят, на родительский день в этом году выделяют только один автобус, да и то наш. Туда все желающие не влезут, уже запись началась. А я, мля, эту колымагу знаю. Как бы она, это самое, не встала по дороге. Может, лучше на электричке?

— Ну, не знаю, — засомневалась тетя Нина. — Туда разве электрички ходят?

— До Можайска ходят, а оттуда полчаса на автобусе. Хотя его ждать часа полтора, если не два.

Что такое родительский день, я помнил, Антонов в детстве тоже отдыхал в пионерлагере. Поэтому предложил:

— Мне туда и на мотоцикле нетрудно будет съездить, но у него только одно пассажирское место. Теть Нин, поедете?

— Правда, мать, езжай! — оживился дядя Миша, бросив в мою

сторону благодарный взгляд. — Чего тебе по электричкам да автобусам маяться? А мы уж тут с Джулькой... как-нибудь...

— Знаю я, как ты тут, — вздохнула тетя Нина. — Да и не ездила я на мотоцикле ни разу. С него ведь и упасть можно. Опять же неудобно Витю напрягать.

— Теть Нин, какое тут напряжение? К Вере я и сам с удовольствием съезжу. А падают с мотоциклов в основном по пьяной лавочке, так мы с вами этим не грешим.

— Мы-то да, — усмехнулась соседка, — зато некоторые...

Тут она многозначительно глянула на своего супруга, но потом махнула рукой:

— А, ладно, если к следующему воскресенью, это когда родительский день будет, ничего не изменится, то поехали. Хотя узнаю на старости лет, каково оно, на мотоцикле-то да с ветерком.

— Теть Нин, да какая же вы старая? — совершенно искренне удивился я. Ну да, по меркам Антонова она вообще была почти девчонкой. Разве это возраст для женщины — тридцать пять лет? Хотя, пожалуй, выглядит она постарше. Или это просто Скворцову так кажется, двадцатидвухлетнему недорослю?

К следующему воскресенью ничего не изменилось за исключением того, что Нина Александровна капитально подготовилась к поездке, то есть купила джинсы. Не у спекулянтов, а в ГУМе, где они продавались практически всегда и почти без очереди, скромно именуясь «рабочими брюками». Я помнил, что и в начале семидесятых в магазинах иногда появлялось нечто похожее, но на джинсы оно походило гораздо меньше. Все-таки шить их из какой-то тряпки наподобие ситца — странная идея. Сейчас же материалом был легкий брезент, да и фасон более или менее соответствовал каноническому, на вещевых рынках в двадцать первом веке часто продавались ничуть не лучшие. Правда, цвет можно было найти почти любой, кроме синего. У меня уже давно были две пары грязно-зеленых и одна коричневая, а тетя Нина приобрела темно-серые.

С собой она взяла всего лишь одну не очень большую сумку, хотя моя «Ява» уже обзавелась серьезным туристическим багажником с боковыми площадками снизу. Это изделие я сварил на работе из нержавеющей трубок с неофициального, то есть устного разрешения завлаба, и потом он сам вывез мое творение за проходную.

Дядя Миша, наверное, всю неделю предвкушал, как плодотворно он проведет грядущее воскресенье, отчего чувствовал ко мне благодарность и нашел способ ее выразить.

— Это самое, Вить, — как-то раз сообщил он мне, — ты вроде магнитофон хотел купить? Так у нас один инженер продает, правда, горелый. У него на старой квартире сто двадцать семь было, а он недавно в новую переехал, а там, мля, двести двадцать. Ну и не уследил, как жена его магнитофон-то в двести двадцать воткнула. Наши электрики посмотрели, говорят, в нем не только трансформатор сгорел, но и еще что-то. Не взялись, короче, ремонтировать. Сорок рублей хозяин хочет, но я гадом буду, коли не уболтаю его на тридцать.

— Какой магнитофон-то?

— Комета. Номер... э... кажись, триста один.

— Может, двести один?

— Точно! Большой такой, серый и совсем новый, на нем муха не... не того.

Все правильно, «Комета» сейчас старой быть не может, ее только в прошлом году начали выпускать. Она, пожалуй, даже получше присмотренной мной «Астры». Единственный недостаток — на нее восемнадцатые катушки не лезут, максимум пятнадцатые. Ну так из будущего восемнадцатые все равно не проходят, я уже пытался, и ничего не вышло, а для здешних пленок типов «два» и «шесть» чем меньше катушка, тем лучше.

— Годится, такой я и за сорок возьму.

— Не, ну я же вижу, что ты после покупки мотоцикла аж экономить начал! Раз сказал — сделаю.

И вот, значит, в пятницу вечером я всего за тридцать рублей приобрел вполне приличный магнитофон «Комета МГ-201», причем с доставкой, дядя Миша привез его на служебной «Победе».

Мы выехали в восемь утра. Тетя Нина вообще хотела в шесть, но я поинтересовался, что мы там будем делать в половине восьмого, если в лагере подъем в восемь, и время выезда было перенесено.

Дорога заняла два часа из-за того, что Нина Александровна была неопытным пассажиром, быстро уставала, и мне пришлось делать по пути две остановки. И, наконец, в десять с минутами мы подъехали ко входу в пионерлагерь.

На воротах, которые так и хотелось назвать калиткой, два юных пионера изображали из себя вахтеров. Узнав, кто нам нужен, один тут же умчался звать Веру, а второй начал нарезать круги вокруг «Явы», явно пытаясь набраться смелости и попросить прокатить его хоть немного. Я молча показал ему на сиденье, он мгновенно там оказался, и мы успели до прихода Веры сделать два небольших круга перед воротами.

Вера прибежала не одна, а в сопровождении стайки девушек примерно ее возраста. Сначала она повисла на шее у матери, а затем, победно оглянувшись на свою свиту, повторила ту же операцию со мной. Потом, видимо, чтобы добить и без того пораженных завистью подруг, она начала степенно объяснять, что такое «Ява» и как здорово на ней ездить. Впрочем, одна из девчонок не осталась в долгу и, воровато оглядываясь, наябедничала мне, что к Вере усиленно подбивает клинья какой-то Толик из первого отряда. Я зевнул и ответил, что бить его не пойду, мне лень. Вот если сам сюда придет, тогда посмотрим.

В общем, поездка получилась замечательной, и тетя Нина, и Вера остались довольны. Я тоже. Домой мы вернулись в восемь вечера, причем дядя Миша встретил нас не только почти не качаясь, но даже сохранив способность к более или менее связной речи. Тетя Нина махнула рукой и не стала устраивать скандал, шепнув мне:

— Я опасалась худшего... так что пусть ему.

Глава 11

В начале шестидесятых годов пьянка на работе — ну, разумеется, не на такой, где она могла иметь серьезные последствия — была хоть и не частым, но вполне допустимым явлением. Мало ли, какой у людей повод собраться и злоупотребить алкоголем!

Так вот, в середине сентября у нашей лаборатории повод появился более чем уважительный — защитился аспирант Саша Кравцов. В просторном подвале часть оборудования была отодвинута к стенам, четыре стола выстроены в линию и уставлены бутылками и закусками. Более того, звуковое сопровождение праздника заранее возложили на меня, и я привез недавно не просто реанимированную, но радикально улучшенную «Комету», мне на нее вполне официально выписали пропуск и на внос, и на вынос.

В процессе модернизации «Комета» стала стереофонической. Это не было чем-то совсем уж исключительным, в продаже уже имелась «Яуза-10», тоже стерео. Но мое изделие звучало все-таки лучше. И громче.

Разумеется, новая электроника была собрана на транзисторах, причем с первого взгляда казалось, что все элементы родом из этого времени. Просто на нижней стороне плат были кое-где наляпаны мазки застывшей непрозрачной эпоксидки, под которыми скрывались планарные транзисторы и микросхемы из двадцать первого века.

Для праздника я записал три катушки — одну с советскими песнями, другую с импортным джазом пятидесятых годов, ну а третьей собирался немного рассеять музыкальную дремучесть коллег по работе, познакомив их с творчеством «Битлз». Правда, я записал только один альбом — «Плиз плиз ми», так как никакими другими битлы своих поклонников порадовать еще не успели, да и этот вышел сравнительно недавно.

Вообще-то я к ним в обоих ипостасях относился с прохладцей, считая, что главное их достоинство состоит в том, что они были первыми. Хоть и любители, но именно по их следам потом пошли профессионалы. Из всего их первого диска мне более или менее нравилась только одна песня — «Э тэйст оф хони», да и то они ее не сами сочинили, она из какого-то мюзикла. Но, конечно, еще одно, и весьма немаловажное достоинство битлов я никогда не отрицал. Оно состояло в том, что и Леннон, и Маккартни имели отличную дикцию и классическое произношение, не жевали и не искажали слова, в отличие от многих. А их тексты были просты до примитивности,

хоть сколько-нибудь редких слов там не встречалось. В общем, для изучения английского языка — самое то. Во всяком случае, Антонов использовал их творчество именно так.

И, значит, теперь я собрался просветить коллектив лаборатории, но оказалось, что многие уже прекрасно знают, кто такие «Битлз», радиоприемники-то есть у всех, а средний возраст сотрудников был даже чуть меньше тридцати лет. И единственное, чем мне все-таки удалось слегка потрясти народ — это качество записи. Почему бы и нет, если я писал со смартфона, а это по нынешним временам был сверхкачественный источник сигнала. Никакой здешний проигрыватель пластинок такого обеспечить не мог, по крайней мере советский. И, значит, возник массовый вопрос — а как бы это переписать? Кто-то даже предложил принести сюда еще и свой магнитофон, но завлаб быстро обломал этот возвышенный порыв.

— Во-первых, — сказал он, — нас за организацию студии звукозаписи на рабочем месте по голове не погладят. Мне так точно влепят выговор. А во-вторых, Илья Сергеевич, у вас же, насколько я помню, «Днепр-9»? Как вы сюда собирались протащить этот комод? Да и качество записи у него среднее. У меня другое предложение. Я привезу Виктору домой свой магнитофон, это «Мелодия», самый, пожалуй, качественный аппарат из двухдорожечных. И Виктор спокойно, не торопясь перепишет эту пленку всем желающим. Есть возражения?

Ни у кого, в том числе и у меня, их не было. Я примерно на такой эффект и рассчитывал. Более того, у него, у этого эффекта, по плану должно быть еще одно следствие, которое проявилось ближе к концу пьянки. Ко мне подседа Наташа — ну то есть та лаборантка, которую можно было считать пусть и не бесспорной красавицей, но все же вполне симпатичной.

— Вить, — начала она, — но ведь у «Кометы» совсем не такой звук, я слышала! Гораздо хуже. И колонок у нее нет. Трудно было сделать?

— Если иметь голову, руки и деньги на детали, то не очень.

— Да уж, — вздохнула девушка, — у тебя со всем этим полный порядок...

Вскоре выяснилось, что и Наташа, и ее муж любят современную музыку, и у них есть магнитофон «Гинтарас», которому, к сожалению, по качеству звучания далеко до моей модифицированной «Кометы».

— Вить, ты сможешь из него сделать такой же, как твой? Ну или почти такой же.

— Смогу.

— И сколько это будет стоить?

— Тебе с колонками?

— Да, если можно.

— Точно такой, или почти такой тоже сойдет? Вряд ли вы заметите разницу.

— Согласна.

— Тогда сто восемьдесят.

— Идет, делай! Тебе какой-нибудь аванс нужен? И сколько это займет времени?

— Нет, отдашь все сразу, когда заберешь готовый магнитофон, я его доработаю месяца за полтора.

Я взял лист бумаги, два раза написал там свой адрес, потом разорвал лист надвое и отдал одну половинку завлабу, а вторую — Наташе.

Но, как оказалось, последствия презентации моей «Кометы» на этом еще не закончились.

На следующей неделе после праздника в подвале завлаб привез на улицу Крупской свою «Мелодию» — кстати, действительно очень хороший магнитофон. И не уехал сразу, а принял приглашение тети Нины поужинать с нами, причем она, узнав, что он доктор физико-математических наук, оробела почти до потери дара речи. Впрочем, этого никто толком не заметил, потому как Вера ничем подобным не страдала и со звуковым сопровождением ужина все было в порядке.

Ну, а потом мы прошли в мою комнату, и завлаб перешел к делу.

— Знаете, Виктор, я ведь тоже увлекаюсь музыкой, причем серьезно. На момент покупки эта «Мелодия» была лучшим из того, что имелось в продаже. Сейчас лучшая — это десятая «Яуза», если не считать гораздо более дорогих, да еще и редко появляющихся импортных из комисионок. Причем звучание вашего магнитофона с ними вполне соизмеримо, я в этом понимаю. Скажите, ваша «Комета» — это лучшее, что вы можете сделать?

— Разумеется, нет. У нее хоть и импортная, но универсальная головка. Если же брать комплект, то есть отдельная головка для записи, отдельная...

— Спасибо, Виктор, я знаю, что такое сквозной канал и каковы его преимущества. Как вы оцениваете возможность изготовления магнитофона высшего класса на базе этой «Мелодии»? И по деньгам, и по времени.

— Яков Наумович, что вы подразумеваете под высшим классом?

— Частотная характеристика по звуковому давлению от шестидесяти герц до пятнадцати килогерц, отношение сигнал-шум не хуже сорока пяти децибел...

— У моей «Кометы» и то порядка пятидесяти, так что это у вас

заниженная цифра. Значит, по срокам. Тут все зависит от того, как быстро мне привезут головки. Кстати, вам же потребуется два комплекта, если вы хотите сохранить возможность реверса. У меня есть знакомый, который ездит за границу, как раз сейчас он собирается, вернется в начале декабря. Но деньги ему придется дать сейчас.

— Я понимаю. Сколько?

— На два комплекта — рублей триста пятьдесят.

— Держите.

Завлаб отсчитал семь полусотенных. Убирая их, я обратил внимание, что на одной первая буква серии «Д». Значит, можно расширить граничные условия, если вдруг потребуется переправлять деньги из будущего. Мне-то они вроде уже не очень нужны, но ведь у Ефремовых до сих пор нет машины! Даже какого-нибудь «Запорожца». И вообще, надо бы поточнее узнать про их финансовое положение.

Кстати, знакомый, более или менее регулярно ездящий за границу, у меня действительно был — правда, эта заграница называлась Болгария. Мы с ним познакомьтесь на так называемой «Площади» в Лужниках. Помните, как в «Операции Ы» автобус вилял по улице? Так вот, на самом деле он это делал на той самой «Площади». Это асфальтированная площадка размером примерно сто пятьдесят на двести пятьдесят метров за стадионом, и на ней по выходным иногда собирались мотоциклисты. «Яв» тогда было мало, и их владельцы из тех, что приезжали на площадь, все знали друг друга. Там я и познакомился с Эдиком, причем успел даже спать ему противоугонку. Не такую, конечно, навороченную, как у меня, но тоже вполне работоспособную.

Разумеется, никаких головок я ему заказывать не собирался, в двадцать первом веке с этим значительно проще, но не объяснять же завлабу про мои возможности!

В общем, мы с ним договорились, что магнитофон и колонки у него будут к февралю шестьдесят четвертого года, и это ему обойдется в пятьсот пятьдесят рублей помимо тех трехсот пятидесяти, которые он уже дал. На самом деле это не так уж много, учитывая, что динамики в колонках тоже должны быть импортными — с советскими реализовать потенциал электроники не получится. И если пищалки я смогу переправить из будущего, то низкочастотные придется искать здесь, они слишком велики для переноса.

Смыслом моей активности в этом направлении были не только деньги, хотя, конечно, и они не помешают. Но главное — знакомства. Тот же завлаб начинал вместе с Басовым, да и сейчас они поддерживают дружеские

отношения. Наверняка у него есть и другие знакомые в академических верхах, перед которыми он обязательно похвастается преображенной «Мелодией». Ну, а Наташа с мужем... да ладно, никто же не знает, как оно повернется в будущем. Совсем уж бесполезных знакомств не бывает.

В этом я убедился уже через месяц — Эдик привез мне из Болгарии два филипповских басовых динамика. Так как за противоугонку я с него взял только стоимость деталей, то есть неполные шесть рублей, то и с динамиками он поступил так же. И два десятиваттных низкочастотника для колонок завлабу обошлись мне всего в шестьдесят четыре рубля, то есть сущие копейки. Советских аналогов еще пока просто не было, но, когда они появятся, цена, насколько я помню, будет соизмеримой.

Теперь я редко посещал двадцать первый век — как выяснилось, это хоть и немного, но все же мешало приведению в порядок здоровья Ефремова. Кстати, он начал писать новый, неизвестный во времени Антонова роман под названием «Чаша отравы». Не знаю, сказались ли тут мои фантазии или Иван Антонович и без меня о ней задумывался, но это произведение будет про ноосферу. Обещал дать почитать, как только пойдет текст, пока он собирал материалы и делал заметки.

Однако в октябре мне все же пришлось сходить в начало января две тысячи восемнадцатого.

Во-первых, на магнитофоны для Наташи и завлаба нужны были головки и немного других деталей.

Во-вторых, я скачал в сети все, что смог найти про Косыгина, и дома, то есть в шестьдесят третьем, буду изучать. То, что я про него уже знаю, позволяет надеяться, что он человек честный, умный и не догматик.

И, наконец, в-третьих. Не стоит ограничиваться лишь глобальными задачами. В частности, у меня, похоже, есть возможность не допустить смерти как минимум пятерых, среди которых четверо детей. И я не собирался упускать эту возможность, что тоже потребовало поисков информации в интернете.

Для ее привязки к местности я сразу по прибытии в шестьдесят третий год отправился на Вторую Мещанскую улицу.

Как уже говорилось, полностью бесполезных знакомств не бывает. И теперь мне предстояло проверить, какую пользу можно будет извлечь из давно оставшегося в будущем мимолетного знакомства с неким гражданином Ликиным.

Глава 12

Москва, двадцать третье ноября тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, суббота. Я иду по улице Гиляровского, которая пока еще называется Второй Мещанской, в сторону Рижского вокзала — собственно, уже почти дошел. Скоро начнет темнеть. Это уже третий заход и второй рейс туда-сюда по Мещанской, пока никаких результатов. Впрочем, время еще есть — что-то около четырех недель. Но все равно, если сегодня ничего не получится, завтра придется отправляться сюда прямо с утра. Так, внимание! Вон тот, что идет мне навстречу, кажется, в общих чертах похож. Пусть подойдет поближе, свернуть и затеряться ему здесь некуда.

Значит, шапка совпадает — ушанка с ушами, завязанными назад. Пальто на фото было видно плохо, но то, что на интересующем меня субъекте, вроде похоже. Во всяком случае, это не куртка и не доха. Лицо? С моей точки зрения, один в один. Значит, работаем!

Я состроил на физиономии восторженное выражение и сделал шаг влево, чем перегородил путь идущему навстречу типу. И потрясенно воскликнул, постаравшись имитировать легкий прибалтийский акцент:

— Владимир Михайлович, неужели это вы? Какая встреча! Я-то вас искал в Оренбурге, а вы, оказывается, в Москве... вот так идешь на поезд, а навстречу — сам Ионесян.

И на имя с отчеством, и на фамилию тип отреагировал ожидаемо, то есть они явно его. Ну, значит, идентификацию можно считать завершенной, пора переходить к делу.

— Вы покинули слишком мелкий для вас Оренбург? Правильно, не с вашим талантом петь в такой провинции! Ох, да что же это я, совсем растерялся от такой неожиданной встречи... позвольте представиться — Брейвик. Андреас Берингович Брейвик, Латвийская филармония.

Я обоими руками схватил его правую и с чувством потряс. Ура, есть контакт! Можно закругляться.

Что именно имелось в виду?

Сказав Ефремову, что для действий, обратных исцелению, непосредственный контакт не обязателен, Скворцов хоть и не соврал, но все же был не совсем точен. Для самого воздействия — да, так оно и есть. Но перед этим нужно проделать то, что для себя я назвал получением кода доступа, и вот тут уже нужен непосредственный контакт. Через ткань тоже может получиться, но хуже.

Так вот, для лечения доступ должен быть постоянным. А для деструкции — нет. Получил код — и все, причем можно применять его не сразу, а когда понадобится. Случай с Ликиным показал, что даже через месяц. Но сейчас я не собирался ничего откладывать. Следовало быстро сворачивать беседу и начинать гнобить объект.

— Может, вы все же задумаетесь о работе в Риге? Это даже лучше, нежели в Москве! Во всяком случае, у нас ваш талант наверняка будет оценен по достоинству. Вот, возьмите, пожалуйста.

Я сунул ему бумажку с номером телефона, причем написанным не от балды. В шестьдесят третьем году нет интернета, но полно телефонных справочников, которые есть практически во всех библиотеках. Конкретно этот номер принадлежал дирекции Большого кладбища в Риге.

— Обязательно позвоните, я буду ждать! А сейчас — извините, мне надо бежать, поезд скоро отходит.

Я быстрым шагом двинулся в прежнем направлении, к вокзалу и метро. Настроение стремительно портилось, но в этом не было ничего удивительного. Я уже знал, что это — просто индикация. Ну, вроде светодиода на смартфоне. Процесс зарядки пошел — он загорается красным, завершился — начинает светить зеленым. И сейчас мое настроение подобно тому светодиоду показывало, что процесс трансформации Ионесюна из живого организма в мертвый начался и идет полным ходом.

Да, это был тот самый маньяк, которым, как я помню, родители пугали меня в детстве — «Мосгаз». Чтоб, значит, я ни в коем случае никому не открывал, если один в квартире! Кем бы они там не представлялись.

Если бы этот тип не встретился сегодня со мной, то совершил бы первое убийство через четыре недели. Ребенка — топором, гад! А за ним — еще четыре. Ну ничего, сейчас-то ты у меня уже ничего не успеешь.

Пожалуй, надо как-то контролировать хотя бы внешние проявления, подумал я, когда в метро сидевшая рядом и время от времени опасливо косившаяся на меня тетка встала и перешла в дальний конец вагона. А то ведь как бы самого за маньяка не приняли и не загребли.

Подойдя к дому, я постарался принять свой обычный вид, но Вера сразу просекла — со мной что-то не то.

— Вить, ты не заболел?

— Да, что-то голова побаливает.

— Ой, а это не опасно? У тебя же никогда ничего не болело! Может, врача вызвать? Или сразу скорую?

— Вер, ты же знаешь, что я и сам умею не хуже любого врача.

— Этой, как ее, мануальной активацией?

Надо же, подумал я, с одного раза запомнила, причем почти правильно. Но объяснять ей, что манулы, хоть они и симпатичные, тут совершенно ни при чем, лучше немного погодя. Потом, когда процесс благополучно завершится.

— Вер, ты, конечно, извини, но мне надо побыть одному, сосредоточиться, собраться с силами...

— Да, Вить, прости пожалуйста. Я понимаю. Но все же ты, если тебе вдруг станет хуже, скажи мне.

— Обязательно.

Я прошел в свою комнату и плюхнулся на диван. Зараза, так и хочется на чем-нибудь сорвать зло! Но нельзя, оно все должно достаться объекту воздействия. Ничего, я и не такое могу пережить. В отличие от некоторых.

Ионесян цеплялся за свою паскудную жизнь изо всех сил, не как Ликин из будущего. Прошел вечер субботы, потом настала ночь, во время которой спал я какими-то урывками, настало утро воскресенья, а он все еще оскорблял биосферу Земли своим существованием. Блин, знал бы, что так будет — на месте свернул бы гаду шею, но теперь поздно. Да когда же ты наконец сдохнешь, тварь?!

Долгожданное событие произошло примерно в восемь вечера воскресенья. Злоба, от которой у меня уже начала всерьез болеть голова, вдруг куда-то исчезла, словно ее и не было. И без зеркала я знал, что по моей физиономии расплывается счастливая улыбка с оттенком дебильности. Хотелось немедленно сотворить что-нибудь этакое — например, обнять и расцеловать милую и заботливую Веру. Если ее нет дома, то и тетя Нина сойдет. Даже дядя Миша, хотя он, наверное, уже успел слегка принять за воротник, несмотря на бдительный присмотр супруги.

По опыту Антонова я знал, что приступ дурацкой эйфории на почве любви к ближним пройдет быстро, минут за пять, а потом останется просто хорошее настроение, не влияющее на умственные способности. Хотя, правда, Ионесян сопротивлялся долго, так что и откат после воздействия может затянуться. Но я даже не успел додумать эту мысль до конца, как приступ неадекватного человеколюбия прошел.

На всякий случай подождав минут десять и убедившись, что всякая дурость из меня уже точно не поперет, я вышел в коридор, он же прихожая нашей квартиры. И обнаружил там потерянно слоняющуюся Веру.

— Ну что ты маешься? Со мной уже все в порядке.

— Правда? Ну и замечательно, тогда пошли ужинать, а то ведь ты даже не обедал.

Как и в прошлый раз, в будущем, по результатам проведенного воздействия мои паранормальные способности снизились до нуля. Правда, почки Ефремову я уже привел в относительный порядок, так что теперь и сердцу стало легче. Приду в норму, подлечу и его. Ну, а печень при здоровом сердце и почках сама начнет восстанавливаться, она такая. Останутся только легкие, с ними вообще пока ничего не понятно, тут придется поднапрячься.

Естественно, я не стал скрывать от Ивана Антоновича, по какой причине у нас наступил перерыв в оздоровительных процедурах.

— Правильно сделали, — кивнул Иван Антонович, — а я подожду, ничего со мной не случится. Кстати, помнится, вы предлагали мне придумать что-то отличное от подобных методов, но с похожей эффективностью. Не скажу, чтобы мне пришло в голову нечто совсем уж отличное, но тем не менее оно как-то человечнее. Вы можете управлять мощностью и направлением вашего, как вы его называете, деструктивного воздействия? Чтобы объект не умирал, а просто заболел чем-нибудь не смертельным, но препятствующим нормальной работе? Временно.

— Думаю, что смогу, но точно пока не скажу, потому что ни разу не пробовал. А вас вот что хотел спросить — как у вас с деньгами?

— После выплаты гонорара за журнальную публикацию «Лезвия» стало неплохо. А какое это имеет отношение к теме нашего разговора?

— Сейчас поймете. Значит, настолько неплохо, что от вас даже домработница ушла? И на съем дачи не то что в Архангельском, но и вообще где угодно не хватает настолько, что собираетесь подать заявку на бесплатную путевку в какой-то там дом творчества? Что значит «откуда узнал»? Из книг, их про вас уже не одну написали. В общем, обозначенная мной проблема имеет три аспекта. Первый — ведущий фантаст Советского Союза не то чтобы совсем нищ, но тем не менее получает значительно меньше, чем должен был бы исходя из популярности его произведений. Второй, вытекающий из первого, выглядит так — кто виноват? И, разумеется, сам собой встает третий — что делать?

— Так вы, значит...

— Ну разумеется! Надо же мне на ком-то тренироваться болезни-то насыщать! На кошках не получится, у них реакции на мое воздействие совсем другие. Да и жалко их, если честно. Вот только, боюсь, получить от вас пофамильный список лиц, виновных в задержках и злонамеренных уменьшениях ваших гонораров, мне не удастся.

— Правильно боитесь, стукачество — это не мое.

— Ничего страшного, я все и в будущем прекрасно узнаю, чай, не

государственная тайна. Сам списочек составлю, не надорвусь.

— И обязательно покажете мне.

— Хорошо. И, значит, пора переходить к последнему пункту. Начну, пожалуй, немного издалека. Итак, что такое наш интернет, вы в общих чертах уже представляете. Так вот, примем фантастическое допущение — если мне вдруг в нем удастся как-то убедить людей, что у меня есть возможность передать деньги вам... как по-вашему, что будет? Несмотря на то, что читают в двадцать первом веке по сравнению с теперешними временами очень мало? Да мне советские деньги чемоданами потащат! Замучаюсь переправлять. Поэтому предлагаю воспринимать мою грядущую финансовую помощь не как пожертвования некоего Скворцова некоему Ефремову, а как вещественное выражение благодарности потомков великому гуманисту и писателю. Поверьте, они действительно благодарны, я это говорю именно как потомок. Пусть далеко не все, но все-таки многие. Мне даже спасибо скажут за мои труды.

Конечно, скажут, подумал я, да еще какое искреннее-то! За то, что я им наконец-то представлю возможность жрать отличного качества черную икру за треть цены. А ведь поначалу не хотел!

Кстати, со мной так часто бывает. Осеняет меня, например, какая-то идея. После минимальных по длительности раздумий я прихожу к вроде бы совершенно справедливому выводу, что она дурацкая. Но со временем часто выясняется, что я просто на нее смотрел не с той стороны! И если посмотреть с правильной, то она очень даже ничего. Вот только иногда правильный взгляд на идею удастся бросить ну очень много времени спустя после ее появления...

Примерно так получилось с моей задумкой создать квадрокоптер из местных комплектующих. Задача довольно нетривиальная, если решать ее теми же методами, что она была решена в двадцать первом веке. А если нет? Причем, что интересно, первый шаг к такому решению я сделал еще в юности Вити Антонова, когда тот занимался в авиамодельном кружке. Но тогда, естественно, он ничего не понял и посчитал работу позорно проваленной. Дело было так.

После нескольких удачных моделей, последняя из которых была радиоуправляемой, я возомнил себя авиаконструктором класса как минимум Сикорского и решил построить концептуальную модель самолета вертикального взлета и посадки.

Конвертопланы тогда уже не только проектировались, но и как-то летали. Самолеты вертикального взлета, стартующие с хвоста — тоже, по крайней мере опытные экземпляры. Но все они были существенно дороже

как обычного самолета, так и вертолета. И вот, значит, я решил силой разума превозмочь эту трудность, то есть сделать аппарат, по стоимости близкий к классической модели самолета, но способный взлетать вертикально.

Мои расчеты были просты и по сложности не выходили за пределы объема знаний начальной школы.

Итак, имеем авиамодельный двигатель МК-12В. Весит он вместе с хорошим винтом примерно сто пятьдесят грамм, а тягу имеет около трехсот пятидесяти, это я проверял сам. То есть каждый мотор может поднять двести грамм, кроме себя самого и винта. Моторов должно быть четное количество, чтобы они, крутясь в разные стороны, компенсировали вращающий момент друг друга. Наименьшее четное число — два, четыре мне уже не потянуть по финансам. Значит, модель вместе с управлением должна весить не более трехсот пятидесяти грамм, ибо нужен какой-то запас для подъема.

Это была первая ошибка — такой запас слишком мал, но я тогда этого не знал.

Мое изделие представляло обычную модель, правда, до предела облегченную и с крестообразным хвостовым оперением. То есть килей было два — один в нормальном положении смотрел вверх, другой вниз. Радиоуправление было хоть и пропорциональным, но одноканальным, только на рули высоты. В ограничение по весу вписывалось только такое. Ну, и два мотора МЕС-12В в самом носу, на торчащих в стороны пилонах.

И вот настал знаменательный момент. Друг и помощник Сережка Азаров завел оба движка, я еще раз проверил управление, он поставил модель хвостом на асфальт кордрома и убрал руку. И модель начала подниматься! Наше синхронное «Урррааа!!!» было такой громкости, что перекрыло истошный вой движков.

Правда, почти сразу выяснилось, что оно было еще и несколько преждевременным.

Когда модель поднялась метров на десять, то есть оказалась существенно выше ограды кордрома, я до предела двинул вперед рычажок управления рулями.

Задумано все было красиво — отклонение рулей приводят к наклону модели за счет потока воздуха от винтов. Модель начинает смещаться в сторону наклона, к потоку от винтов добавляется встречный за счет движения, наклон модели увеличивается, растёт скорость, и, наконец, мое творение переходит в режим нормального самолета.

Я тогда не знал, что подобные алгоритмы взаимодействия называются

положительной обратной связью. Оно бы и хрен с ним, но одного довольно важного свойства положительных обратных связей я тоже не знал. Того, что практически во всех случаях такие связи начинают работать не с нуля, а с какого-то порогового значения. Иногда оно настолько мизерно, что условно считается нулем, а иногда довольно значительно. У меня был как раз такой случай. Запаса тяги не хватало для отклонения фюзеляжа модели от вертикали настолько, чтобы появилась хоть сколько-нибудь достаточная горизонтальная скорость.

Чуть покачиваясь, модель начала двигаться даже медленнее пешехода, совершенно не желая ускоряться.

Да тут еще движки... сначала оба слегка сбросили обороты, а потом один из них начал чихать. Болтаясь, как листок на ветру, мое творение быстро снизилось и шмякнулось об асфальт, сломав стабилизатор и один из винтов.

Антонов был упорным парнем и не только починил модель, но и увеличил ей площадь горизонтальных рулей, решив, что дело было в их недостаточной эффективности. Стало только хуже, и я забросил модель, дав себе слово, что вернусь к ней, как только у меня появятся достаточные для этого знания. Увы, это время, похоже, наступило только сейчас, через полвека с лишним. Или за три года до, это смотря как считать.

Ведь для того, чтобы та модель более или менее нормально полетела, ей всего-то надо было отломать крылья! Правда, полетела бы она не как самолет, а как половинка квадрокоптера.

Современные дроны имеют очень сложные управляющие схемы — достаточно мощный процессор и как минимум один, а чаще даже два трехосевых гироскопа. Причин для этого две. Первая — потребность сделать так, чтобы управление дроном стало доступно любому. И вторая — у всех квадрокоптеров центр тяжести находится совсем ненамного ниже условного центра подъемной силы винтов. Это снижает устойчивость и сильно усложняет управление до того, что без помощи процессора с ним не справится даже опытный оператор. А сделано все это для удешевления! Напихать сколь угодно сложную электронику в массовом производстве все равно дешевле, чем усложнять конструкцию для существенного понижения центра тяжести.

Представьте себе лопату. Да-да, самую что ни на есть обычную. Так вот, если к верхней части ее рукоятки приделать крест с четырьмя достаточно мощными электромоторами — естественно, с винтами, а батарею и силовой контроллер примотать изолентой к лезвию, то что произойдет после замыкания цепи питания? Эта хреновина полетит без

всякого процессора и вообще без управления! В ту сторону, где расположен мотор, дающий самую слабую тягу. И ее полет будет вполне устойчивым. Всего лишь потому, что центр тяжести находится далеко внизу.

Все это означает, что мои идеи относительно винтов переменного шага на дроне из местных деталей были поспешными и непродуманными. А требуется всего лишь опустить центр тяжести изделия настолько, чтобы даже грубого управления движками при помощи дроссельных заслонок стало достаточно. Причем, в отличие от юного Антонова, Скворцова денежная часть вопроса вообще не волнует. Если четырех движков будет мало, он поставит шесть. Ему и шестьдесят вполне по карману.

— Простите, вы о чем-то задумались? — спустил меня с сияющих высот инженерной мысли вопрос Ефремова.

— Ага, как-то так получилось, но я уже закончил. Вы, кажется, хотели меня о чем-то спросить?

— Да. Даже не спросить, а просить. Может, это и не мое дело, но обойти молчанием я этот вопрос не могу. Понимаете, после начала публикации «Лезвия бритвы» ко мне стали приходить письма. Много писем. Люди отождествляют меня с моим героем и считают, что я врач, владеющий нетрадиционными методиками. Часто пишут безнадежно больные... читать такое очень трудно, отвечать еще труднее, но игнорировать невозможно. Можете ли вы...

— Могу, — вздохнул я. — Но помочь удастся не всем, это раз. Я вам в общих чертах уже объяснял. И второе — сеансы будут идти через один. Вам, потом кому-то, потом снова вам, и так далее до полного вашего выздоровления.

— Но я уже почти здоров...

— Извините за прямоту, но пока еще вы почти развалина. Вот когда километр сможете пробежать за пять минут без риска летального исхода, тогда я с вами, может, и соглашусь. И последнее — выбирать потенциальных пациентов будете вы, я в этот вопрос влезать не собираюсь. Кроме того, помощь я буду оказывать под чужим именем и в гриме, прибавляющем мне как минимум лет тридцать возраста. Буду благодарен, если этот аспект вы с Таисией Иосифовной возьмете на себя.

Глава 13

Я уже упоминал, что из десяти человек, если брать в среднем, Антонов мог помочь только двум. «Десятому» — легко, «девятому» — с большим трудом и не в таком объеме. Остальным восьми — вообще никак. Так вот, после начала практики выяснилось, что у Скворцова дело обстоит не совсем так. С «десятым» — как у Антонова. Правда, таковой, или, точнее, таковая мне пока встретилась всего одна — Вера.

«Девятого» Скворцову было довольно трудно лечить, и процесс шел не так быстро, как хотелось, но все равно в полном объеме.

Но, кроме них, попадались еще и «восьмые». С частью их болячек я не мог сделать вообще ничего, но некоторые поддавались моим усилиям почти как у «десятых».

И, наконец, «седьмые». Лечить очень трудно, эффект получается незначительный, то есть далеко не полный, но зато, похоже, тут нет ограничений по диагнозам. В общем, из десяти человек Скворцов мог как-то помочь четверым. Да, как экстрасенс он был сильнее Антонова, и из-за частой практики это отличие нарастало. Тренировки, они ведь полезны не только в спорте.

Целителя из себя изображал сам Ефремов — оказалось, что писатель вполне терпимо владеет методикой гипноза. И он, пользуясь граненым сверкающим шариком на палочке, который я для него сделал, вводил пациента в транс под утробные внушения типа «ваши руки тяжелеют, глаза закрываются», «даю установку», а я подходил потом и брал спящего за руки. Если же пациент оказывался не внушаемым, а такие тоже попадались, то я притворялся ассистентом. Мол, мое дело считать пульс и, если он начинает выходить за пределы нормы, немедленно сообщать целителю. Все это я проделывал, напялив большие очки и седой взлохмаченный парик, а под рубашку засунув подушечку для имитации брюха.

Ассистента звали Аллан Владимирович.

Кстати, лечить спящих оказалось даже немного проще, чем бодрствующих. И вообще Скворцов от регулярных тренировок, как уже говорилось, прогрессировал. Эффективность лечения, правда, пока не повысилась, но зато сильно сократились периоды моей релаксации. Теперь максимальным сроком, за который способности точно вернутся на исходный уровень, стала неделя, но примерно в половине случаев хватало

двух-трех дней.

Денег мы не брали принципиально, но пациенты все равно рвались как-то отблагодарить нас. В результате они тащили коньяк и черную икру и лишь изредка — торты. Икру забирал я, коньяк оставался Ефремову. Причем в таких количествах, что я предупредил Ивана Антоновича — кодировать от алкоголизма ни разу не пробовал и пробовать не хочу, но он только посмеялся.

Торты шли Таисии.

— Купили бы вы, что ли, машину, — как-то раз предложил я, когда мы уже ночью, на последней электричке, возвращались из Подольска, от очередного лежащего больного.

— А вы почему не купите?

— Рылом не вышел. Откуда у лаборанта, пусть и не очень бедного, деньги на авто? А вы все-таки известнейший писатель.

— Ничего, уже вторая половина марта, а там и до настоящей весны недалеко. Будем ездить на вашем мотоцикле.

— Под дождем, градом, фонтанами грязи от встречных и попутных грузовиков...

— Но вас-то это не пугает, раз ездите. Нет у меня времени на автомобиль! Его же обслуживать надо.

— С теми пробегами, которые будут у вас, это два раза в год по два часа максимум. Если вам тяжело, я могу взять техобслуживание машины на себя, мне нетрудно. И, чтобы вас совесть не мучила, сам буду иногда этой тачкой пользоваться. Невесту куда-нибудь свозить вместе с родителями, если такое вдруг понадобится. Или цветной телевизор отвезти потребителю, на «Яве» это хоть и возможно, но сопряжено с большими неудобствами.

— В СССР еще нет цветного телевидения.

— К тому моменту, когда вас удастся дожать до покупки машины, оно уже точно будет.

— М-да... давайте лучше сменим тему. Например, рассмотрим некоторые детали взаимодействия ваших воплощений тут и там.

Ну да, я уже посвятил Ефремова в тонкости общей жизни Скворцова и Антонова, когда он примерно через месяц после нашего знакомства спросил, выдержит ли моя легенда хоть сколько-нибудь серьезную проверку.

— Вы считаете, что Скворцов и Антонов — одна личность, — продолжал Иван Антонович. — Но это не так уж бесспорно. Я ведь заказывал вам аналитические материалы не только потому, что они мне

были нужны для книги. Специально подобрал темы так, чтобы вы часть писали здесь, а часть — там. Так вот, их авторы — разные люди. Стиль очень похож, но профессионалу — а я смею надеяться, что им являюсь — все же видна разница. Она невелика, однако несомненна. И еще — вызвала ли у вас затруднения необходимость писать почерком Скворцова?

— Да, я в свое время даже немного удивился — никаких. Правда, почерки похожи. Единственная существенная разница — тамошний Виктор пишет букву «д» хвостиком вниз, а здешний — вверх. И я никогда не путаюсь. Возможно, вы и правы, только что из этого следует?

— Не спешите, и до следствий дойдем. Но перед этим — завершающий штрих. Скажите, Антонову ничего не кажется странным в отношении Скворцова к девушке, живущей в соседней комнате?

А ведь и правда, подумал я. Антонов пару раз думал, что если бы Света болтала даже не столько и с такой интенсивностью, как Вера, а всего лишь наполовину от нее, все равно она бы давным-давно стала бывшей знакомой. Где-то, наверное, в конце первого часа знакомства. Скворцову же производимый девушкой шум нисколько не мешает. Даже наоборот, иногда успокаивает.

— Да, вы правы, отношение разное. Итак?

— Итак, вы ошибаетесь, считая, что личность Антонова заменила погибшую личность Скворцова. Нет, она не погибла, а всего лишь еще до вашего вмешательства полностью потеряла память — точнее, ее верхний уровень. Вот его-то Антонов и заменил своими воспоминаниями. То есть здешний вы — это не Антонов. Это Скворцов с памятью Антонова.

— Да, у меня тоже иногда возникали такие подозрения. Так с машиной-то что решим?

— Далась она вам... хотя, конечно, определенная польза будет. Но только пять тысяч шестьсот рублей — все же большие деньги.

— Вот я прямо сижу и удивляюсь — откуда у убежденного коммуниста Ефремова такие буржуйские замашки? Кто с неодобрением писал про «Олдсмобиль Старфайр»? Зачем вам «Волга», тем более что ее просто так не купить, даже вам? «Москвич-403» очень приличная по нынешним временам машина, стоит три шестьсот и более или менее доступен. Подайте заявление в Союзе писателей, и осенью подойдет очередь, так что в следующую зиму уже будет на чем ездить. Летом, действительно, можно и на мотоцикле.

Ефремов даже смутился — кажется, он воспринял мой пассаж насчет замашек всерьез.

— Да, извините, не подумал... но и три тысячи шестьсот — тоже

немало.

— Примете от благодарных потомков, мы же вроде договорились.
Конец марта, улица Крупской, вечер.

Шарошка, шумевшая почти полчаса подряд, затихла.

— Вить, посмотри, вон как оно уже блестит!

Нет, что руки у нее все в зеленых пятнах от пасты «ГОИ», это понятно. Но вот нос почему тоже зеленый? И левое ухо, правое не видно.

Вера протянула мне правый цилиндр от «Явы», в котором она полировала каналы. Я их чуть расширил и подогнал под картер, а окончательную полировку доверил девушке — иначе она бы меня совсем достала постоянными предложениями в чем-нибудь помочь.

— Перепускные — нормально, — резюмировал я, отложив статор, в который начал потихоньку вставлять неодимовые магниты. — А вот выпускной еще полировать и полировать. Пятна видишь? Тут, тут и еще вон там, у самого окна. Если оставить так, то на них будет оседать нагар, а это вызовет потерю мощности. Причем наверняка в самый неподходящий момент. В горах, например.

— Что-то я не помню в Крыму никаких гор.

— Так в Феодосии, где вы отдыхали, их и нет, это надо в сторону Ялты ехать. Но чего ты так уперлась именно в Крым? Там ты уже была, а на Кавказе еще нет.

— Это же дальше!

— Ага, километров на двести. Четыре часа очень неспешной езды. Я предлагаю — сначала в Джугбу, оттуда в Геленджик, а потом через Новороссийск обратно. Впрочем, там и Крым недалеко, если захочешь вдруг посетить знакомые места. Пофотографируешь, что в прошлый раз не вышло.

Да уж, на четырех пленках, что Вера отсняла в прошлогодней поездке, пригодными к печати оказались лишь полтора десятка кадров. Но она упорная, тренировалась всю зиму, и теперь есть надежда, что не меньше половины снимков получатся приемлемыми. Вера даже печать освоила!

В нашей квартире была довольно большая прихожая, она же коридор, но одними размерами ее достоинства не ограничивались. На противоположной от дверей в комнаты стене располагались двери в кладовки — мою и соседей. Две темных комнатки площадью по три с половиной квадратных метра. Моя стояла почти пустая, и с согласия соседей все вещи оттуда были переправлены к ним, а на освободившейся площади мы с Верой организовали фотолабораторию. Я купил увеличитель — польский «Крокус», и Вера начала бодро осваивать тонкости

фотографического искусства. То, что в закутке было довольно тесно и двое там помещались с некоторым трудом, ее нисколько не смущало, скорее наоборот. Вера недавно вообще заявила, что вторая табуретка там лишняя, только занимает место, которого и так мало, а она и у меня на коленях прекрасно посидит.

Ну и Вера, естественно, тут же уцепилась за мое предложение насчет фотографии в отпуске.

— Ой, Вить, я тебе давно хотела сказать! Твой «ФЭД» — он, конечно, очень хороший аппарат, но больно уж старый.

Ты даже не представляешь, насколько, подумал я. Ему уже лет шестьдесят, он мне от отца достался. Правда, обращались с ним бережно.

— А недавно появился «Зенит-3», это вообще чудо! Он зеркальный и с большим видоискателем. Давай ты себе такой купишь? И экспонометр к нему, а то на глаз трудно выдержку определять. А я тебе с деньгами помогу, ты же знаешь, я весь июнь буду в Ботаническом саду МГУ работать, там заплатят целых шестьдесят рублей.

Я с трудом удержался от улыбки. Шестьдесят рублей, это ж какие деньжищи! Хотя у Антонова в ее возрасте примерно так и было, только не один месяц, а девять в году. Мать оформилась дворником по совместительству, но работал и получал деньги я — подметал и чистил снег во дворе нашего дома и соседнего. Сам, отец помогал только после сильных снегопадов.

— Я тогда таких снимков наделаю! — не унималась Вера. — И потом, в такой аппарат не жалко и цветную пленку заряжать, ты же обещал меня научить в цвете печатать. Давай прямо с этой полочки, а?

Вообще-то деньги у меня и без полочки были, но я не поддался и напомнил:

— Вер, если ты будешь только верещать, а не работать, то забудешь, что вон там в углу лежит и второй цилиндр, левый, к которому ты еще не приступала. На одном мы далеко не уедем. Да, и еще две головки, их тоже полирнуть не помешает. Про фотоаппарат я подумаю, но ты давай уж не сбавляй трудового энтузиазма.

— До ужина же почти час!

— Так тебе еще умываться, а это явно не пара минут. Или пойдешь за стол вся в зеленых пятнах, как какая-нибудь кикимора?

— Ой, да! А ты мне покажешь, как это зеленое отмывать? Я в таком еще ни разу не пачкалась.

— Вер, ну мне тебя что, как маленькую, умывать придется? А еще замуж собралась!

— Я не... — начала было девушка, но потом покраснела и пискнула:

— Кто тебе проболтался?

— Сам дошел, видно же.

— И ты согласен?

— Конечно, не волнуйся.

Я немного порылся в ящике стола и скоро достал искомую коробочку.

— Вот тебе колечко. Оно не обручальное, а просто для красоты. Ну и как напоминание, что у тебя есть я. Только прямо сейчас, на грязный палец, не надевай.

— Урааа!!! — завопила Вера, но тут же спохватилась:

— Все, молчу, молчу. Иду работать. А когда закончу и умоюсь, ты меня поцелуешь? Хотя бы в щечку?

Снова зажужжала шарошка.

Если кого интересует, были ли шарошки в продаже в шестьдесят четвертом году, я отвечу честно — да хрен же их знает. Мне не попадались, но это еще ни о чем не говорит. Зато бормашин для зубных врачей было полно, и достать их гибкий вал с наконечником особого труда не представляло. А уж сделать из него шарошку и тем более, подходящий моторчик я подобрал в куче всякого барахла с разобранных установок на работе. Получился, конечно, не совсем дремель, но что-то достаточно на него похожее. Ну, а Веру я посадил именно на полировку оттого, что у нее пальцы тонкие. Гораздо тоньше, чем у меня, а при полировке каналов это важно. И вообще у меня будет хорошая жена, а мнение старого брюзги Антонова Витю Скворцова совершенно не волнует.

Глава 14

Магнитофон я отдал завлабу не в феврале, а в последний день марта. Задержка была связана с тем, что и лентопротяжку потребовалось слегка доработать, дабы она полнее соответствовала обновленной электронике. Завлаб отнесся к переносу срока с пониманием и даже спросил, не нужно ли оплатить не оговоренные заранее работы. На что я ответил в том духе, что, мол, если сам сразу не догадался, что такие доработки понадобятся, то сам и дурак. По уму за срыв сроков вообще полагается слегка уценить работу. Но на это завлаб не согласился, так что я получил свои пятьсот пятьдесят рублей.

Этот визит начальника не вызвал такого ажиотажа среди соседей, как первый, все-таки он был уже четвертым. Завлаб приезжал, чтобы забрать магнитофон после записи «битлов» всем желающим, затем в конце января привез его обратно и вот сейчас окончательно забрал, уже в преображенном виде.

Зато через день к нам в гости заехал Ефремов, ему было интересно, как я тут устроился. И вот этот визит поверг семью соседей в шок. Правда, не всю — дядя Миша если что и читал, то только Брянцева и Ардаматского. «Великая дуга» показалась ему слишком скучной и не пойми про кого написанной, а больше он ничего из Ефремова читать и не пытался. Джулька, наверное, вообще ничего не читал, но это не уменьшило энтузиазма, с которым он вертел хвостом и повизгивал. Зато и тетя Нина, и Вера читали все, что было из фантастики в библиотеке на улице Строителей, в том числе и недавно вышедшее «Лезвие бритвы». Не знаю уж, что они про меня подумали, но потрясение было настолько сильным, что тетя Нина потом несколько дней то и дело обращалась ко мне на «вы», и только после неоднократных напоминаний о том, что лично я вообще ничего не написал и не собираюсь, вернулась к прежнему обращению.

А Вера вбила себе в голову, что прототипом Гирина был я.

— То-то, когда я читала, он мне казался каким-то знакомым! — заявила девушка.

Мои попытки объяснить, что, когда роман писался, я служил в армии и вообще вдвое моложе Гирина, успеха не имели. Мне было сказано, что Гирин тоже когда-то был молодым, а я, наоборот, со временем достигну его возраста. А что на момент начала написания романа Ефремов не был со мной знаком, так это и вовсе ерунда. Он же гений, а, значит, мог

предвидеть и не такое.

Ладно, решил я, это у нее возраст такой. В юности всех тянет кого-то идеализировать, так пусть уж лучше меня, чем фиг знает кого. Когда со временем наступит разочарование, оно все-таки будет не очень сильным, я постараюсь.

Третьего апреля шестьдесят четвертого года в семье соседей произошло знаменательное событие — они наконец-то купили телевизор. Вообще-то у них были поползновения совершить покупку еще полгода назад, но средств тогда хватало только на самый дешевый аппарат, какую-то «Зарю». Антонов, даром что занимался ремонтом телевизоров, ничего про такой не слышал — видимо, к началу его трудовой деятельности эти динозавры давным-давно вымерли. Поэтому Скворцов посоветовал не выбрасывать деньги на ветер, а подкопить и приобрести что-нибудь качественное. К его совету прислушались, и вот, наконец, в один прекрасный пятничный вечер дядя Миша на служебной «Победе» и со мной в качестве грузчика-консультанта привез долгожданный рассадник культуры домой.

Я втащил ящик в квартиру и с облегчением поставил его на пол в прихожей. Хотя это был и не более поздний «Рубин», цветной, который в одиночку и не особо поднимешь, а черно-белый, марки «102В», но весил он все равно порядочно — тридцать два кило.

Естественно, вокруг телевизора тут же запрыгала и заверещала Вера. Ей по мере сил помогал Джулька. Никто не усмотрел в этом ничего необычного — все давно привыкли. Отсутствие такой реакции могло означать только одно — девушка серьезно заболела.

Выяснилось, что соседи до сих пор не решили, куда его ставить. Вера вообще предложила в прихожую — мол, чтобы я его тоже мог смотреть, когда захочу.

— А что, вы меня в комнату не пустите?

— Пустим, конечно, но вдруг ты захочешь посмотреть что-нибудь ночью, когда все спят?

— Ночью, когда все спят, телевизор может показывать только настроечную таблицу, да и то не всегда.

В общем, с двухэтажной тумбочки нашими с дядей Мишей усилиями был снят верхний блок и водружен на комод, благо высота потолка позволяла, а на освободившееся место мы поставили телевизор. После чего дядя Миша нас покинул, ему надо было отогнать «Победу» в парк.

Честно говоря, я не очень понимал, из-за чего люди испытывают такой восторг. Несмотря на то, что «Рубин» теоретически мог принимать

двенадцать каналов, реально в Москве работали только два, причем далеко не круглосуточно. Никакой аппаратуры видеозаписи на студиях еще не было, поэтому передачи шли либо в прямом эфире, то есть в основном беседы на камеру, либо это были сюжеты, снятые на киноплёнку. То есть кроме изредка показываемых фильмов, в основном тягомотно-скучных, смотреть было нечего. Ни «Кинопанорамы», ни «Кабачка 13 стульев», ни даже «Спокойной ночи, малыши» еще не было.

В частности, в день покупки передачи начались в половину двенадцатого с программы «На просторах Родины», но тогда все были в школе или на работе, и вообще телевизора у нас еще не было.

В обед он тоже не появился, но в вещании наступил перерыв до пяти вечера.

Когда мы с дядей Мишей только покупали этот «Рубин», шел какой-то «Экран международной жизни».

Зато когда телевизор наконец-то оказался на своем месте и был включен, по второму каналу шел мультфильм «Приключения Буратино». Его я посмотрел, в основном с целью оценить качество звука и изображения. А ничего так, я, честно говоря, опасался худшего.

И, наконец, когда мы с опозданием почти на час поужинали, начался фильм «Мать». Нет уж, мать вашу смотреть не буду, подумал я и ушел к себе, отговорившись тем, что у меня много несделанной работы, а этот фильм я уже видел. Это было чистой правдой, но то, что данный просмотр состоялся где-то лет пятьдесят назад и все увиденное я напрочь забыл уже через месяц, осталось невысказанным.

Ну, а в воскресенье пятого апреля я выкатил преобразенную «Яву» на улицу.

Степень сжатия я ей увеличивать не стал — это в Москве с бензином было терпимо, но если от нее отъехать километров на сто — двести в любую сторону, то, как мне сказал дядя Миша и подтвердил завлаб, сразу становилось наоборот. А в таком виде «Ява» даже могла потихоньку, без фанатизма ехать и на шестьдесят шестом.

Однако полированные каналы и электронное зажигание все-таки привели к тому, что мотор стал раскручиваться заметно резвее. Максимальку я пока не замерял, для этого лучше выехать из Москвы, но приемистость возросла.

Вечером я проверил свет. Да уж, с таким ночью ездить одно удовольствие!

В фаре у меня теперь стояла двенадцативольтовая галогенка на шестьдесят/пятьдесят пять ватт, которой я переделал цоколь, чтобы она

вставала в явскую оптику. Но питалась фара не от бортсети, а от преобразователя, выдающего три фиксированных напряжения на выбор — восемь с половиной, десять и тринадцать с половиной вольт.

На самом малом напряжении лампа светила желтовато и тускло, примерно как штатная у «Явы». На среднем — уже заметно ярче, но не очень выделяясь на фоне, например, «Урала». Но зато на максимуме зона уверенной видимости была метров сто тридцать! Где-нибудь в горах Кавказа или Крыма это будет очень к месту, ночи там темные, а дороги извилистые.

Как уже говорилось, теперь бортсеть моего мотоцикла стала двенадцативольтовой. Генератор давал порядка девяноста ватт. Аккумулятор я поставил от «Тулы», в отличие от более поздних времен они пока продавались практически свободно.

Кстати, магниты в статоре обеспечили еще один довольно приятный плюс. Обычную «Яву» без аккумулятора (или с севшим) с кика не заведешь, только с толкача. А моя теперь заводилась и с ноги. Правда, не первого тыка, как с аккумулятом, а с третьего. Первые два обеспечивали заряд конденсаторов в контроллере зажигания.

Пассажирская часть сидения теперь была приподнята примерно сантиметров на семь. Во-первых, это обеспечило дополнительное пространство под седлом, куда теперь можно было что-то сунуть. Во-вторых, у меня появился упор для копчика, в дальней поездке он не липший. А в-третьих, Вере стало гораздо удобнее. Раньше ее глаза были примерно на сантиметр ниже моего плеча, из-за чего девочке было довольно неудобно смотреть вперед. Ну, а теперь все стало нормально.

Кроме того, вместо неудобной явской рукоятки газа, которую для выкручивания на полную приходилось перехватывать, стояла от «Паннонии», этого недостатка лишенная.

И, наконец, моя «Ява» обзавелась зеркалами и поворотниками, коих у нее в стандарте не было. Да и вообще их на мотоциклы пока не ставили — типа пусть водитель вертит головой и руками показывает намерение повернуть.

В общем, мотоцикл получился очень приличный. Когда молодой Антонов в первый раз поехал на юг, его «Ява» была заметно хуже.

Я все-таки сочинил письмо от имени Ефремова будущему кавалеру всех мыслимых и немыслимых орденов — нашему дорогому Леониду Ильичу однако никакого восторга у «автора» оно не вызвало. Сначала он долго придирался к запятым, а потом, заикаясь заметно сильнее, чем обычно (обычно-то оно было почти незаметно), спросил:

— В-вы же вроде собирались ни во что н-не вмешиваться до четырнадцатого октября? А это будет самое настоящее вмешательство, причем не м-микроскопическое.

Я в общем-то прекрасно понимал Ивана Антоновича — ему было просто противно. Мне-то что — накорябал текст и забыл, а ему под ним подпись ставить! Это ж потом самому себе будет в глаза смотреть стыдно. Но так как и то обоснование, что он мне высказал, выглядело вполне логичным, мы решили этот вопрос пока отложить. Зато перед майскими праздниками съездили в Архангельское — посмотреть, как оно там.

Надо сказать, что пассажиры с точки зрения мотоциклиста бывают разные. Например, Вера представляла безусловный идеал, такой даже Антонову вроде бы не встречался, хоть он и успел повозить на заднем сиденье множество народу обоих полов.

Так вот, правильный пассажир должен, во-первых, не очень много весить. Во-вторых, он должен сидеть, крепко прижавшись к спине водителя, и наклоняться вместе с ним, причем как можно более точно. А это не так просто.

Обычно водитель выдерживает одну и ту же позу относительно мотоцикла, но иногда требуется иное. В длинных поворотах, проходимых на большой скорости, водитель наклоняется внутрь поворота сильнее, чем мотоцикл. А в «змейках», наоборот, он сидит прямо, а виляет только мотоцикл под ним.

И, наконец, правильный пассажир глядит вперед всегда из-за одного плеча водителя, заранее оговоренного. Мне было привычней, чтобы справа.

Как уже говорилось, Вера в этом смысле была полным идеалом. А Ефремов — наоборот, он ухитрялся не соблюдать ничего из перечисленного. Да к тому же оттого, что Иван Антонович весил существенно больше Веры, а сидел немного выше, чем на мотоцикле без доработок, его отрицательное влияние на устойчивость и управляемость еще усилилось. Разумеется, на безопасности поездки это не сказалось, но ехал я медленнее обычного. И, наверное, устал бы, если бы до Архангельского было не тридцать километров от улицы Губкина, а сто пятьдесят или двести.

По приезду мы разделились, договорившись встретиться часа через три на площади у небольшого дошатого сарайчика, громко именуемого автовокзалом. Кстати, рядом там стояла гораздо более современная, почти целиком из стекла и бетона, столовая. Из чего я сделал вывод, что, наверное, жители Архангельского в большинстве своем домоседы, но зато любят покушать.

Ефремов пошел осматривать окрестности и любоваться пробуждающейся от зимней спячки природой, а я путем опроса местного населения попытался выяснить, насколько реально здесь снять дачу на лето. Оказалось, что вполне — правда, цены слегка кусались. Если с июня по сентябрь включительно, то мне сказали, что потребуется как минимум девяносто рублей, а то и вовсе все сто. Да и то если договариваться и платить аванс прямо сейчас, к лету сумма еще подрастет. Это было заметно дороже, чем в Абрамцево, где Ефремовы снимали дачу в прошлом и позапрошлом году. Но, с другой стороны, здесь, в Архангельском, имелось существенное преимущество. По Абрамцево сколько не слоняйся, все равно не встретишь даже самого захудалого кандидата в члены президиума ЦК КПСС, не говоря уж о полном члене. Максимум, кого можно увидеть, если постараться — Константина Федина. Однако он хоть и первый секретарь, но не ЦК, а всего лишь Союза писателей. В общем, лично мне он неинтересен ни как секретарь, ни как писатель, ни как человек. И, наверное, Ефремову тоже.

Зато в Архангельском теоретически можно совершенно случайно — ну, или почти случайно — познакомиться с Алексеем Николаевичем Косыгиным, а это личность совсем другого масштаба. Да и не обеднею я от каких-то там ста рублей! То есть, как будет сказано Ивану Антоновичу, не лично я, а благодарные потомки.

Тем временем события шли своим чередом — тем самым, что однажды уже прошли в прошлом Виктора Антонова.

В четверг четырнадцатого мая, как и положено, верный ленинец, а по совместительству еще и лысый придурок Никита торжественно открыл высотную Асуанскую плотину в Египте — то есть пока еще в Объединенной Арабской Республике. Об этом писали все газеты, включая «Пионерскую правду». Блин, сколько же денег этот недоумок вбухал в тот самый Египет! Причем, что характерно, без всякой отдачи. Антонов читал в интернете, что около трех миллиардов рублей. Да за такие деньги можно было купить не один, а сразу несколько ВАЗов! Штук пять, если не шесть. И уже в середине шестидесятых по городам и весям страны бодро бегали бы автомобили, кои народ ласково именовал бы «ведрами с гайками». Хотя это потом, а вообще-то для начала семидесятых «Жигуль» — вполне приличный автомобиль. Если, конечно, к нему приложить руки. А если бы не наш идиот-кукурузник и не египетский сукин сын Насер, то кроме «Фиата» у нас уже были бы и «Ситроены», а может, и какие-нибудь «Форды» попроще.

Двадцать седьмого мая у нас, как и там, от сердечного приступа

скончался Джавахарлал Неру. В Индию мы, кажется, тоже вложились. И, насколько Антонов был в курсе, почти с тем же результатом. Хотя нет, он же помнит, что индийские презервативы на фоне ваковских «изделий номер два» выглядели натуральным чудом! Да и чай, хоть его в обычных магазинах почти не встретишь, тоже ничего. Так что не будем про Индию, тем более что денег туда вроде бы ушло меньше, чем в Египет.

Все это означало, что мое пребывание в данном времени на основной исторической последовательности не сказалось вообще никак. И, значит, можно было надеяться, что четырнадцатого октября здесь, как и там, некто Хрущев вынужден будет переквалифицироваться из первых секретарей в пенсионеры.

Глава 15

Все-таки Иван Антонович прав, думал я. Скворцов и Антонов — разные люди, причем независимо от возраста. Вон, тот Витя несколько раз ездил в мотопоходы на юга, причем именно в молодости. Но все равно первый этап пути, где-то до Мценска, если поездка была в Крым, или до города Ефремова, если на Кавказ, настроение было не совсем безоблачным. Ну типа и чего мне дома, в Москве, не сиделось? Теперь вот, толком не выславшись, несусь куда-то, а впереди еще больше тысячи километров. Да еще назад столько же!

И только где-то после упомянутых городков в мыслях появлялась нотка радости — скорей бы море, с каждым километром оно все ближе!

А сейчас я был полон умеренного оптимизма прямо с момента старта. Мотоцикл у меня отличный, не чета тому, на котором ездил Антонов. Девушка сзади тоже достойна самых комплиментарных эпитетов, что далеко не всегда соблюдалось у Антонова. Если честно, то он иногда таких шмар возил, что сам потом удивлялся, чего это на него нашло.

Вера за зиму с шестьдесят третьего на шестьдесят четвертый год подросла, похорошела и, так сказать, оформилась. Она, как и положено, сидит, крепко прижавшись ко мне, и даже сквозь две куртки — мою и ее — чувствуется, что у нее очень даже есть чем прижаться. Да и вообще, тощий, голенастый и остроносенький ребенок, встретивший меня осенью шестьдесят второго, превратился в весьма эффектную девушку. Через пару лет на экраны выйдет «Кавказская пленница», и Вере, наверное, будут говорить, что она похожа на Наталью Варлей. Если никто не догадается, сам скажу.

Дорога убегает под колеса, ветровое стекло работает отлично — смотрю я поверх него, а от встречного потока воздуха оно защищает. Так и должно быть, это не первый и даже не пятый ветряк, сделанный мной в ипостаси Антонова. Было время научиться.

Движок просто-таки шелестит, без всякого звона. Все правильно, восемьдесят — это не скорость даже для стандартной «Явы», и уж тем более для моей. Почему я еду так медленно? Да потому, что на Кавказ мы с Верой отправились не одни.

Быстрый взгляд в зеркало — как там попутчики? Нормально, «Москвич» держится метрах в ста пятидесяти сзади, как приклеенный.

Когда я на работе сообщил, что собираюсь ехать на море на мотоцикле,

то завлаб, подписывая заявление об отпуске, поинтересовался:

— Вы едете один? Скучно не будет?

— С невестой. С ней при всем желании не соскучишься.

— Но на одном мотоцикле?

— Да, а что?

— Дело в том, что мы всей семьей тоже собираемся к морю, и примерно в то же время, что вы. Как вы относитесь к идее ехать вместе?

— Положительно, — ответил я.

И вот теперь завлаб с женой и двумя сыновьями девяти и двенадцати лет от роду ехали за нами на «Москвиче».

Вообще-то по паспорту «407-й» развивает сто пятнадцать километров час. Не буду спорить, может, у него это и получится. У пустого, на перекачанных шинах, по идеальной дороге и при попутном ветре. Реально же «Москвич» с водителем, тремя пассажирами и прорвой груза в багажнике и на крыше с трудом разгонялся до девяноста. Если утопить педаль в пол и так оставить, то, наверное, минут через пять скорость дойдет до сотни, но не больше. Вот мы и ехали с более или менее комфортной для него скоростью.

Впереди показался грузовик. Ехал он не быстро, около пятидесяти, и дорога просматривалась вперед километра на два, так что я пошел на обгон, даже не увеличивая скорости. Но на всякий случай нажал на кнопку рядом с ручкой газа, включающую радиостанцию на передачу, и сообщил:

— Начинаю обгон, можете за мной, впереди пусто на два километра.

Ну да, и у меня, и у завлаба имелись радиостанции. Даже без применения деталей из двадцать первого века спаять их было нетрудно, с такими-то данными. Частота двадцать восемь мегагерц, мощность один ватт, дальность связи километра два — два с половиной. Они получились в какой-то мере карманными. В карман рубашки не влезли бы, а в карман халата — запросто. Питание было от трех батарей КБС или бортсети двенадцать вольт.

В Советском союзе радиостанции нужно было регистрировать, и я не знал, как. Однако завлаб, как выяснилось, знал и даже имел соответствующие знакомства. В общем, мы поехали со связью. Она была нужна для того, чтобы обгоны на трассе стали для «Москвича» безопасней.

Ладно, груженный «ГАЗ-51», ползущий со скоростью пятьдесят, обогнать нетрудно. А прущий под восемьдесят сто тридцатый «ЗИЛ» с прицепом, который болтается по дороге на метр туда-сюда?

Вот, кстати, впереди почти такой, только без прицепа. Скорость — восемьдесят, но, раз мы его догнали, надо обгонять.

Даю газ до упора. «Ява» быстро набирает сотню и продолжает разгоняться. «ЗИЛ» уже метрах в ста сзади. Жму кнопку рации.

— Впереди пусто метров на шестьсот, дальше закрытый поворот. Начинайте обгон, когда будете заканчивать, я уже разгляжу, что за поворотом.

В зеркало я вижу, как «Москвич» натужно ускоряется и, раскачиваясь с боку на бок, выезжает на левую сторону дороги. Обгон идет буквально по метру.

— Вижу на двести метров за поворотом, пусто.

Снова смотрю назад — обгон почти завершен, «Москвич» уже на несколько метров впереди «ЗИЛа».

— Полкилометра до поворота, появился газон-авто бус, скорость небольшая. Завершайте обгон, успеете. Сам поворот можно проходить на восьмидесяти, он пологий.

Вот так мы и ехали. На мотоцикле можно было сравнительно безопасно высовываться из-за грузовика на встречную полосу и смотреть, что там впереди. На «Москвиче» так не получится, а дорога, вместо которой в будущем появится трасса М4, узкая, только-только разъехаться двум грузовикам, и довольно извилистая. Хорошо хоть движение тут небольшое.

По плану первая остановка у нас должна быть в Новомосковске. Завлаб по опыту прошлых поездок сказал, что тут надо заправиться под завязку, дальше с бензином будет плохо. И можно пообедать, рядом с заправкой неплохая столовая.

С одной стороны, десять утра вроде рановато для обеда, но, с другой, выехали-то мы в четыре, так что, наверное, нормально. Пусть это считается не обедом, а плотным завтраком. Тем более что никакого серьезного перекуса не будет до вечера.

Завтрак действительно получился плотным и, к моему удивлению, обошелся всего-то копеек в тридцать с человека.

— Здесь не так дорого, как в Москве, — пояснил завлаб. Ага, шестьдесят-семьдесят копеек за обед в институтской столовой — это охренеть как дорого, при твоей-то четырехсотрублевой получке, подумал я.

Мы заправились и поехали дальше. Один из плюсов совместной поездки состоял в том, что мы с Верой теперь не были лимитированы небольшим, на двенадцать литров, баком «Явы». А то я уже начал прикидывать, какой формы должна быть канистра, укрепляемая над передним колесом, и чтобы в нее влезало не меньше восьми литров. Но сейчас в «Москвиче» ехали две двадцатилитровые канистры.

Первая ночевка планировалась километрах в двадцати за Воронежем, где дорога пересекала какую-то небольшую речку.

В Воронеже мы отправили домой телеграмму о благополучном завершении первого дня пути. Родители без возражений отпустили Веру со мной, но просили сообщать, как у нас там дела. Ну, а потом минут за двадцать доехали до места ночевки. На часах было восемь вечера с минутами. Можно, конечно, проехать еще километров пятьдесят, но зачем — чтобы искать место для ночлега в сумерках?

Мы поставили палатки — у нас была двухместная, у завлаба с семейством — большая четырехместная, и приступили к готовке ужина.

Я взял в дорогу так называемый дровяной примус, то есть печку-щепочницу с наддувом. Она была сделана из полуторалитрового бидона. Горловину я отрезал и приспособил вместо нее съемную подставку для кастрюли. А внизу вварил кусок трубы с моторчиком ДПМ с лопастями из жести в торце, то есть тот самый наддув. Обороты мотора регулировались простенькой схемкой на трех транзисторах, питание — от бортсети мотоцикла.

У завлаба была паяльная лампа и подставка для котелка с изогнутой трубой в центре, направляющей пламя лампы вверх. На этом были поставлены вариться макароны, на щепочнице грелась вода для чая.

Специальных туристических примусов в СССР пока не продавалось, а сделать его я не успевал.

Как я и ожидал, прибор завлаба оказался несколько мощнее моего, ну, так макароны и нужны были раньше чая.

В качестве мяса мы использовали тушенку, добавив ее в макароны. Кстати, здешняя тушенка — это вещь! Никакого сравнения с мерзопакостной субстанцией из банок с надписями «Главпродукт», «Госрезерв» и тому подобными из двадцать первого века. Если бы передо мной сейчас встал выбор, что есть — черную икру или тушенку, то икра осталась бы нетронутой.

Второй день путешествия прошел штатно. Как и предупреждал завлаб, где-то в районе Шахт мы чуть не встали без бензина, но я снял шлем, очки, надел кепку и, став в таком виде больше похожим на пролетария, проехался до ближайшего поселка, где поспрашивал местных. Мне показали, где находится автобаза, и вскоре мы за червонец и бутылку водки разжились семьюдесятью литрами семьдесят второго.

Вторая ночевка была сразу за Краснодаром, на берегу Кубани. Никакого водохранилища тут еще не было, плотину начнут строить только года через четыре.

В последний отрезок пути мы стартовали довольно поздно, в семь утра, предварительно позавтракав. Спешить было уже некуда — до моря оставалось чуть больше ста километров.

Перед Джугбой мы свернули направо и, немного не доехав до Архипо-Осиповки, свернули еще раз, налево.

— Мо-о-о-ре-е-е! — завопила Вера, но я был готов к подобному и не оглох. К правому уху у меня был прижат наушник гарнитуры радиостанции, а девушка, как уже говорилось, смотрела вперед именно через мое правое плечо. И таки да, по еле заметной грунтовке мы выехали к морю.

В этом месте завлаб останавливался в предыдущую поездку. Причем оно нравилось явно не только ему — там уже стояла бежевая «Волга», грязно-зеленый «ИЖ» с коляской, серенький «Запорожец» и немного в стороне еще штук шесть палаток без транспорта перед ними — видимо, пеших туристов. Никаких организованных автостоянок и кемпингов еще не появилось, были только такие, дикие.

На «Волге» из Ленинграда сюда приехал знакомый завлаба, известный химик, с которым они заранее договорились встретиться здесь. С ним была жена, на вид лет на двадцать моложе его. Мы познакомились — сначала с экипажем «Волги», а потом со всеми остальными.

«Запорожец» явился сюда из Волгограда, он привез на море маму с дочкой. Маме было за сорок, она оказалась профессиональным водителем, а дочка — студенткой мединститута. Она начала было бросать на меня заинтересованные взгляды, но тут подошла Вера, и дочка поняла, что ей ничего не светит.

«Иж» был из Ростова. На нем приехали два мужика, причем, похоже, с единственной целью — от души квасить на природе. Только познакомившись, они и мне попытались налить чего-то из десятилитровой канистры, но я вздохнул и рассказал про контузию. Меня пожалели, но отстали.

Ближе к вечеру я с некоторым удивлением смог увидеть местный частный сервис. На нашу дикую стоянку приехал обшарпанный «М-72» с коляской, набитой канистрами. В них была вода и вино. Оно предлагалось по шестьдесят копеек за литр, а воду, что меня изумило, хозяин наливал вообще бесплатно.

Обеспечив жидкостями всех жаждущих, мотоцикл поехал дальше — наша стоянка была далеко не единственной на побережье.

Кстати, Вера быстро подружилась с дочкой из «Запорожца», которую звали Маша. Она интересно рассказывала Вере о жизни студентки-

медички, а Вера в ответ хвасталась мной. В суть ее откровений я не вникал, но постоянные «Витя купил, Витя достал, Витя научил, Витя сделал» не услышать было трудно. Маша внимательно слушала. Наверное, соображала, где бы и ей раздобыть такого Витю. Чтоб, значит, он ей все делал, покупал и доставал.

С утра мы с Верой и примкнувшей к нам Машей отправились на море, причем чуть в сторону от места, где все купались. Я собирался испытать подводное ружье. Это был обычный арбалет резинового боя — естественно, самодельный, промышленных еще не было. А вот маски, трубки и ласты, что удивительно, уже продавались, и мы с Верой, естественно, купили их перед поездкой. У Маши нырятельных приспособлений не нашлось, но Вера обещала дать ей понырять, если та даст честное слово, что не утонет.

Рыбы в море было заметно больше, чем в семидесятых, когда на море ездил Антонов. Наверное, оттого, что сейчас отдыхающих было меньше. Я быстро набил пяток довольно крупных бычков. Потом с ружьем ныряла Вера и добыла зеленуху.

— Она невкусная, — предупредил я девушку.

— Но не ядовитая?

— Нет.

— Тогда из принципа сама пожарю и съем.

Около Архипо-Осиповки мы прожили неделю, а потом поехали в Геленджик, где химик из «Волги» снял на всех трехкомнатный летний домик в километре от моря. Кстати, оказалось, что он, недавно будучи в гостях у завлаба, успел послушать сделанный мной магнитофон и захотел себе такой же, а если получится — даже лучше, пусть и дороже.

— В средствах я не стеснен, — объяснил химик, которого звали Сергей Петрович.

— Можно не брать готовый магнитофон за основу, а собрать и протяжку самому, не только электронику.

— Вот-вот. И ее лучше сделать вертикальной, это возможно? И усилитель помощнее, где-то ватт по двадцать в канале, а если можно, так и вовсе на тридцать.

— Тогда его будет удобнее делать отдельным блоком, чтобы он стоял под магнитофоном.

В общем, мы договорились. Мало того, что Сергей Петрович предложил неплохие деньги и даже выдал аванс, так завлаб еще сказал, что это будет очень полезное знакомство, Сергей Петрович скоро станет член-корреспондентом.

— Да я как-то не собираюсь делать академическую карьеру. Но человек он вроде неплохой, так что сделаю я ему все, чего он хочет.

— Вот-вот, я давно хотел вас спросить. Почему вы не хотите получить высшее образование? Хотя бы заочно.

Правдивый ответ звучал бы «да потому, что оно у меня давно есть», но ответил я, естественно, не так.

— А зачем? Для пятидесятирублевой прибавки в зарплате? Да я на одних магнитофонах за время, не потраченное на изучение всяких ненужных дисциплин, заработаю существенно больше. А всему, что действительно нужно, я могу научиться и самостоятельно. Во всяком случае, до сих пор получалось.

— Со временем вы, вашими-то способностями, смогли бы стать успешным ученым.

— Яков Наумович, вот лично вы согласитесь обменять лаборанта-универсала, единственного на лабораторию, на еще одного ученого, коих у вас и без него десяток?

— Уели. Пожалуй, не соглашусь, но вы все же подумайте.

Ну, а история шла тем же путем, что и до начала совместных действий Антонова и Скворцова. Пятнадцатого июля Брежнев стал вторым секретарем ЦК. На освободившееся место председателя президиума Верховного Совета сел Микоян.

До снятия Хрущева оставалось три месяца.

Глава 16

— Вить, вроде все! — Вера выключила пылесос «Ракета». — Посмотри, везде чисто!

— Зачем? Я и так знаю, что после твоей уборки опилок не остается. Спасибо.

— А поцеловать?

— Так ты же вон где! А я вот он, и дистанционно целоваться пока не научился. Иди сюда.

Соседка наконец-то добилась почетного права убираться в моей комнате и теперь вовсю им пользовалась. Тем более, что после работы циркулярки, хоть и небольшой, мусора остается изрядно. Пила, разумеется, была самодельная. Я ее сделал еще год назад, без такой полезной вещи в хозяйстве никак. Вот только никаких специальных приспособлений для сбора опилок на ней не было. Я как чувствовал, что сметать мусор в кучку и потом пылесосить комнату мне все равно не придется. Вера не даст.

Кстати, в числе прочего я напилел прямоугольных кусков из десятимиллиметровой фанеры. Все-таки Антонов не настолько богат, чтобы закупить десяток планшетов различного размера, а потом опытным путем устанавливать, какие из них лезут в прошлое, а какие нет. Планшет мне, похоже, здесь скоро понадобится, а для уточнения его размера можно будет переправить в будущее немного фанеры, у Антонова ничего не пропадает. Массогабаритные ограничения совершенно одинаковы что отсюда туда, что оттуда сюда, это Скворцов с Антоновым уже не раз проверили.

Кроме фанерных прямоугольников я напилел реек для изготовления пилотажной радиоуправляемой модели. Подумав, я решил использовать для привлечения внимания в Архангельском именно ее. Потому что дрон я, может, и сделаю. А может, и нет. Но пилотажный дрон у меня точно не получится, а полет обычного будет не таким зрелищным. Значит, его оставляем на потом и делаем модель самолета. Причем она должна быть аутентичной этому времени только внешне, ну и еще по звуку. **Внутри**, если этого не видно, может быть сколько угодно деталей из двадцать первого века. Потому что она, конечно, должна привлечь внимание многих, но главная цель — среди этих многих должен оказаться Косыгин. Мы с Ефремовым решили, что скажем ему — кто я и откуда.

Кстати, Иван Антонович уже купил «Москвич» и оформил мне

доверенность на него, так что теперь не обязательно делать модель такой, чтобы ее можно было перевозить на мотоцикле. Багажник на крышу «Москвича» почти готов.

Завлаб, узнав, кому именно я собираюсь его делать, впал хоть и не в такое изумление, как в свое время Нина Александровна, но все же довольно сильное.

— Вы что, и с самим Ефремовым знакомы?

— Более того, надеюсь, имею право называть его своим старшим другом. А что?

— Да в общем-то ничего, просто как-то неожиданно. Однако тайком вывозить багажник за проходную я не буду. Его пропустят совершенно официально, да еще с благодарственным письмом писателю за его произведения от коллектива института. Так что напишите мне заявку на трубки, все будет оформлено как положено.

Я решил, что модель будет полукопией истребителя ЯК-3 в масштабе один к шести, то есть с размахом крыла полтора метра. Поначалу была мысль использовать в качестве двигателя «Комету», но, когда я приехал в «Детский мир», ее там в продаже не оказалось. Да и мощность этого движка была в самый притык, почти без запаса, поэтому я не стал рыскать по Москве, а приволок из будущего моторчик «Макс». Тоже пятикубовый и примерно такого же веса, но в полтора раза более мощный.

Кроме двигателя, инновременными деталями в модели должны были стать литиевые аккумуляторы, сервоприводы и детали, из которых я уже здесь сделаю приемник и передатчик радиоуправления. Тащить пульт из будущего было нецелесообразно, для переноса его все равно пришлось бы разбирать, причем основательно.

Но, разумеется, постройка модели и ее демонстрация в Архангельском будет всего лишь первым шагом. Вторым планировалась демонстрация «ЭВМ», но уже не смартфона, а планшета, выбранного по критерию соответствия размеров максимально допустимым для переноса в прошлое. Причем следовало продумать, как эту самую демонстрацию устроить на виду у охраны, но так, чтобы та ничего не поняла, ибо вряд ли мне удастся, не раскрывая тайны, склонить Косыгина к беседе тет-а-тет. Но и это далеко не все!

Убедить потенциального предсовмина, что я действительно из будущего, пожалуй, удастся быстро. А вот доказать ему, что мои истинные цели соответствуют декларируемым — уже нет. Просто потому, что это вообще невозможно. Косыгин обязан будет допустить, что на самом деле в будущем Советский Союз велик, могуч и охренителен, а мое появление

здесь есть отчаянная попытка проигрывающих врагов хоть как-то исправить положение. То, что на мир Антонова события в мире Скворцова не влияют, в принципе, наверное, доказать можно, но только это почти ничего не даст. Мало ли, вдруг этих врагов обуял альтруизм. И они, уже проиграв у себя, пытаются хоть как-то помочь своим здешним аналогам.

Тут, пожалуй, мне может помочь только сам Косыгин. Мужик он, судя по всему, что я про него вычитатал, умный, въедливый и с феноменальной памятью. Сам должен придумать, какие вопросы мне задавать, чтобы пусть не полностью, но хотя бы процентов на девяносто быть уверенным в том, что мои действительные побуждения именно такие, как я утверждаю, а не наоборот. И тут есть одна тонкость.

Ну не смог бы Косыгин стать видным хозяйственником без умения точно определять, когда ему врут! Иначе его бы все директора заводов вертели на этом самом. И, значит, мне следует быть исключительно, прямо-таки кристально правдивым.

Однако правда — это все-таки не истина, а то, что ей считает говорящий или пишущий. И вот тут есть некоторый простор для маневра. Я же владею основами самовнушения, и, значит, за оставшееся до контакта время мне нужно крепко-накрепко убедить себя в том, в чем я собираюсь потом убедить предсовмина и что, однако, безусловной истиной не является. И один из ключевых вопросов — моя личная безопасность.

Дело тут не только в том, что меня (ну пусть не всего, а только ту половинку, которая Скворцов) вовсе не прельщает перспектива закончить свои дни в какой-нибудь наглухо закрытой шарашке, а то и вовсе на дне Москвы-реки с камнем на шее. Если Косыгин не начнет воспринимать меня как равного себе, то и слушать он будет соответствующим образом. А когда один держит в руках жизнь другого, о каком-либо равенстве речи идти не может. Даже если у другого появится аналогичная возможность, то это будет уже не совместная деятельность во имя общей цели, а вооруженное противостояние. Поэтому говорить Косыгину о том, что я его могу не только подлечить, но и уморить, не следует. Ни про то, ни про другое. Лучше убедить в том, что ни он мне, ни я ему существенно навредить не в силах.

Итак, меня сюда отправила ноосфера с целью... блин, не завратсья бы... ну, положим, как-то купировать те тенденции в развитии человечества, которые могут угрожать ее существованию. И как онаотреагирует, когда увидит, что из-за чьего-то злонамеренного влияния миссия становится невыполнимой? Да просто сделает вторую попытку, предварительно как-то нейтрализовав виновника провала первой. Или, если

вернуться к земным реалиям, то Косыгин в случае попыток силового давления на меня полущит, во-первых, труп Вити Скворцова. Во-вторых, ему самому скорее всего резко поплохее, ноосфера — она такая. И, в-третьих, где-то снова не умрет вроде бы обреченный больной, а вдруг вылечится и станет новым воплощением Виктора Антонова. Его-то в двадцать первом веке никому из здешних при всем желании не достать!

Вот при таких условиях Алексей Николаевич, пожалуй, будет взаимодействовать со мной на равных. Ну, а мне остается только убедить в истинности своих выкладок самого себя. Навсегда не нужно, хватит где-то на год-полтора. Главная из них будет заключаться в том, что Скворцов не самостоятельная личность, а всего лишь аватара Антонова, причем не такая уж для него и ценная.

Чуть забегаая вперед, могу сказать, что это у меня получилось довольно быстро, но разумеется, не совсем так, как задумывалось. Я просто научился на какое-то время — поначалу довольно короткое — мысленно становиться Антоновым здесь.

Вера это просекла сразу. Когда она как-то раз зашла ко мне в момент тренировки на быстрое перевоплощение в Антонова, то просто испугалась.

— Витенька, милый, что с тобой?

— Э... вроде ничего... вот сейчас точно ничего, — буркнул я, с некоторым усилием сбрасывая личину из будущего.

— Ох, да как же это... ты был какой-то совсем чужой, недобрый, и на меня смотрел, как прямо я не знаю... как на какую-то досадную помеху. Я тебе помешала, да? Ты скажи, я не обижусь!

— Нет, Вер, ну что ты, я тебе всегда рад. Просто мне скоро предстоит встреча с одним довольно влиятельным, очень умным и, возможно, в какой-то мере опасным человеком. А чтобы победить дракона, надо на какое-то время самому стать им. Вот я и тренируюсь.

— Вить, а может, не надо?

— Надо, Вера, надо, — вздохнул я. — Иди сюда, тебя необходимо срочно поцеловать, чтоб ты зря не волновалась.

Зато завлабу Антонов, похоже, даже понравился.

— Знаете, Виктор, — как-то раз сказал он мне (причем именно мне, а не Антонову), — вы явно взрослеете, но почему-то дискретно. Иногда даже кажетесь опытным, немало прожившим человеком, а потом вдруг раз — и все снова как было. Ну вот зачем вы вчера заявили Маргарите, что от высокочастотного излучения на коже растут бородавки?

— Чтобы она и близко к включенному дифрактометру не подходила. Для объяснения ей, в чем для нее может заключаться действительная

опасность, потребовалось бы на два порядка больше времени, да и то без гарантии.

— Зато она теперь ходит за Сашей хвостом и спрашивает, не излучает ли то, это или вон то. Даже про форвакуумный насос ухитрилась спросить!

— И Саша не догадался сказать, что да, конечно, еще как излучает, особенно на километровых волнах? Тогда он и будет виноват, когда она сунет палец под ремень.

В конце сентября мне удалось потренироваться в ограничении своих возможностей согласно пожеланию Ефремова — правда, первый блин вышел комом. Или, точнее, второй, потому что первый опыт я проводил на себе, прямо как Пастер, и он прошел вполне удачно.

Дело было так. Однажды в воскресенье вся семья соседей уехала на день рождения брата дяди Миши, и я, оставшись один, в чисто научно-познавательных целях проследовал в туалет. Где мне, предварительно спустив штаны, удалось убедить себя в том, что у меня длительный и совершенно безнадежный запор, и, если с этим ничего не сделать, то дело может кончиться совсем плохо.

Поначалу организм сопротивлялся, до сих пор ему у себя мнимые болезни лечить не приходилось. Но потом дело пошло, да так, что я от души порадовался своей предусмотрительности. Если бы эксперимент проводился в моей комнате, то я, скорее всего, добежать бы не успел. В общем, меня настигла могучая и неудержимая диарея. Такая, что с ней даже справиться удалось не сразу, почти три четверти часа я не мог выйти из квартиры, да и вообще старался от туалета не удаляться. Зато отныне мне было точно известно, как инициировать подобное. И, значит, теперь я в любой момент смогу это сделать не только себе (мне-то как раз не надо), но и кому угодно.

Угодно было некому полковнику КГБ Алидину. Именно этот тип в прошлом Антонова завел на Ефремова посмертное дело о шпионаже в пользу Великобритании, так что совесть меня несколько не мучила. Один черт его придется убирать, но это не горит, пусть сначала послужит науке. Ну, а потом, ближе к делу... заодно и проверим, сколь долго держится однажды полученный код доступа.

Адрес полковника в двадцать первом веке выяснить не удалось, зато в двадцатом все оказалось проще некуда. Неподалеку от пересечения улицы Марии Ульяновой с Ленинским проспектом торчала будочка Мосгорсправки, в которой можно было узнать адрес любого жителя Москвы. Требовалось сообщить фамилию, имя, отчество, год и место рождения, а потом погулять полчаса, после чего приходиться за адресом.

Причем его давали любому, даже не спрашивая никаких документов! Вот и Скворцову без звука выдали адрес Алидина. Прямо какая-то святая простота, вот ей-богу.

Ну, а случайно коснуться полковника возле его дома — дело техники. Не потребовалось даже уточнять имя и фамилию, его фотографии в интернете были гораздо более высокого качества, чем в случае с Ионесяном. Да сама морда куда более характерная. И, значит, можно было потихоньку начинать...

Я и начал, вот только правильно закончить не смог. По моим ощущениям, Алидин две недели мучился жесточайшим поносом, а потом вообще помер, вот уж это-то я почувствовал железно. Отчего? Точно не скажу, но, скорее всего, от обезвоживания организма. При холере и дизентерии летальные исходы наступают именно по этой причине.

Ефремову я про это ничего сказал. Да, ему действительно было обещано, что, прежде чем приступить к воздействию на людей, внесенных в список виновных в задержке гонораров, я покажу список ему. Так ведь Алидин ни в каком списке не фигурировал! И к задержке, равно как и уменьшению, гонораров Ивана Антоновича он был непричастен никоим образом.

Жалко, подумал я. И, разумеется, не безвременно почившего полковника, которому уже не светят генеральские погоны за дело на Ефремова. А того, что такая красивая идея оказалась нежизнеспособной. Как было бы замечательно — перед каждым съездом и пленумом награждать Брежнева подобным образом! Вместо незаслуженных орденов и медалей. Вряд ли у него хорошо получилось бы председательствовать на этих сборищах прямо с унитаза. Но — увы. Если его не лечить, а на это кода доступа мало, нужен непосредственный контакт, то он, бедолага, померет. А такого результата можно достичь и каким-нибудь более подходящим для некролога способом. Например, активировать ему цирроз печени. Один раз он уже свел Леню в могилу, сведет и сейчас, пораньше, мне даже особо напрягаться не придется, там уже небось все давно на грани. Ну, может, и не совсем сейчас. Чуть погодя, когда стает ясно, кто сможет сесть на его место. И не будет ли этот севший хуже Лени, в Президиуме ЦК таких хватает.

Получается, нужно продолжать поиск. Требуется найти такую болезнь, которая не приводит к смерти, даже если она хроническая. Но зато гарантированно обеспечивает прекращение трудовой деятельности объекта воздействия.

Деменция? Нет, не годится, первый-то опыт все равно придется

ставить на себе, и далеко не факт, что ставшие сильно урезанными умственные способности позволят мне успешно ликвидировать последствия такого зверского издевательства над организмом. Да и потом, насколько я помню, тот же Кириленко, пребывая уже в полном маразме, продолжал оставаться членом Политбюро и даже, кажется, что-то там курировал. В общем, думай, голова, думай, шапку куплю. И в ближайший же визит в будущее надо будет озадачить Антонова. Сам не придумает, так у него там интернет есть.

Глава 17

Ефремовы продлили аренду дачи до середины ноября. Во-первых, с Косыгиным если и получится познакомиться, то после четырнадцатого октября. До этого дня он будет сильно занят. А во-вторых, им там понравилось. Таисия даже сказала, что тут лучше, чем в Абрамцево. Правда, потом добавила:

— Если не вспоминать про деньги.

— Так и не вспоминайте, кто же вас заставляет, — пожал плечами я. — Лучше посмотрите, что я вам привез.

Привезенное было ярким примером того, во что можно при минимальном приложении рук превратить керогаз. Если кто не в курсе, то это такой прибор вроде примуса, но здоровенный и в данном случае двухконфорочный.

К нему я приделал теплообменник небольшим вентилятором, питаемым от пары элементов Пельтье, и кожух с изогнутой трубой для вывода продуктов горения в форточку. Получилась вполне приличная керосиновая печка. Дача-то была неотапливаемая. Правда, полуторакиловаттный электрический обогреватель я им соорудил еще весной, сделав его точно под убогую мощность здешней сети. Летом его хватало, но в сентябре он справлялся уже не так чтобы очень, а впереди был октябрь. И, возможно, кусок ноября. Впрочем, в будущем Антонов посмотрел погоду за шестьдесят четвертый год. Октябрь будет довольно теплым, причем вторая половина даже теплее первой. И начало ноября тоже. Правда, потом резко похолодает, но тогда Ефремовы уже отсюда съедут.

К печке-примусу я привез две канистры, которые наполнил керосином уже здесь, в Архангельском. Тут он продавался, и я знал, где именно, а в Москве его еще надо было искать. И, так как для перевозки всего этого я задействовал «Москвич», то привез заодно еще и кучу консервов. Сам я их не покупал, бегала по магазинам и стояла в очередях Вера. Я только доложил муки и макарон из своих хомячьих запасов. Они хоть и начали появляться в продаже, но пока редко.

— Зря, — вздохнул Иван Антонович. — Тут снабжение даже лучше, чем в Москве. Видимо, местное начальство боится, что народ пожалуется Косыгину.

— И что, очередей совсем нет?

— Вообще-то есть.

— Ну и не стойте в них, вам что, больше заняться нечем? Лучше скажите, как тут у вас со школой?

— На последней встрече с учениками был удостоен рукопожатия самого Алексея Николаевича, — усмехнулся Ефремов. — Он как раз тогда приезжал в школу.

— Прекрасно. Косыгин хоть в курсе, кто вы такой?

— По-моему, он даже читал «Туманность». Или по крайней мере пролистал ее. Во всяком случае, он в общих чертах знает, о чем там написано.

— Ну и прекрасно.

— Да, неплохо. Кстати, не хотите ли прочитать детям лекцию о перспективах развития электроники? Я уже сказал директору, что у меня есть знакомый специалист в этой области, причем высшей квалификации. И что я попробую вас уговорить.

— Уговаривайте. Но получится это у вас только после четырнадцатого. Первая суббота брежневской эпохи приходится, если не ошибаюсь, на семнадцатое? Вот это и будет самое время. Часа в четыре я смогу здесь появиться.

Перед отбытием в Москву я совсем было снова собрался почувствовать себя Антоновым, лишняя тренировка не помешает, но вовремя спохватился. Ехать домой кружным путем не хотелось, а прямым, то есть в конце маршрута по Ленинскому от Октябрьской до улицы Крупской, было чревато. Дело в том, что Антонов, хоть он мне и, так сказать, ближайший родственник, но иногда ведет себя просто как я не знаю кто. Вот, например, пару дней назад он на мотоцикле по пути с Площади сделал крюк и зачем-то заехал в магазин «Рыба» в начале Ленинского проспекта.

Был он в полном прикиде, то есть в шлеме с козырьком и наклеенными явскими эмблемами, в кожаной куртке, сшитой тетей Ниной из оставшегося от отца плаща, в полусапожках, смастеренных уже Скворцовым из офицерских яловых, и в полужеркальных солнцезащитных очках. Естественно, импортных, попробуйте в двадцать первом веке найти отечественные! Их сразу пять штук купил Антонов еще в той Москве — чтоб, значит, было чего дарить друзьям-мотоциклистам. Стоили эти очки по триста пятьдесят рублей, так что траты для него были отнюдь не запредельными. Даже, скорее, едва заметными.

И, значит, только зайдя в «Рыбу», этот старый ловелас тут же познакомился там со старшим товароведом — эффектной женщиной лет

сорока или совсем немного больше. В хорошем темпе очаровал даму и подарил ей предпоследние из оставшихся очков и дешевую одноразовую прозрачную зажигалку — естественно, тоже из будущего.

Дама буквально растаяла.

Потом Антонов записал ее телефон. Нет, он, конечно, якобы сделал все это для приобретения полезного знакомства, но такое можно было втирать кому угодно, только не мне. От того, чтобы назначить ей свиданку прямо в тот же вечер (и, скорее всего, тогда же получить желаемое, причем не один раз и отнюдь не продуктами, а, наоборот, в самых различных позах), Антонова удержало только то, что дома надо было срочно заканчивать передатчик пульта управления модели. Так что не будем его провоцировать, подумал я, в данный момент стопроцентно бывший Витей Скворцовым. Не его вина, что он просто не полностью разобрался в ситуации.

В общем, с такими мыслями я доехал до дома и сел продолжать настройку передатчика. Заработало почти все, вот только маленький «Пик», это такой процессор, вел себя совершенно неправильно. И, значит, придется отправиться в двадцать первый век, чтобы запрограммировать там еще пару, уже немножко по-другому. А заодно глянуть, есть ли среди семидюймовых планшетов (более крупные в прошлое не проходили) такой, чтобы с операционкой «Виндовс». Если таковой найдется, то можно будет переправить сюда еще и программатор, чтобы не мотаться в двадцать первый век за всякой мелочью.

Перенесшись в будущее, я встал с дивана, зевнул и мимоходом подумал, что Витя Скворцов как-то странно смотрит на ситуацию. Ну не хочет он изменять своей любимой Верочке, так и на здоровье, ведь к товароведихе клеился не он, а я, то есть Виктор Антонов. Какая же это измена, даже если я ее слегка того? Эх, блин, вот только настроился...

Но, раз уж он на этом так заиклен, придется как-то выходить из положения здесь, пока меня эрекция совсем не замучила. Ее, конечно, можно убрать самовнушением, но зачем? Есть и другие методы, более приятные.

Я взял телефон.

— Светик? Здравствуй, дорогая. Тебе не кажется, что мы давно не виделись? Уже почти две недели прошло! Я даже начинаю беспокоиться, как бы не забыть какие-либо детали твоего божественного облика. Да, можно и ко мне, я нисколько не против. Шампанское? И еще цветы? Ненаглядная моя, а ты в дрова не нажрешься? Особенно если начнешь закусывать шампунь цветами. Ладно, шучу я, шучу. Будет тебе твое пойло. И цветы будут. Гвоздики, да? Ох, Свет, ну ты прямо из меня вьешь веревки.

Хорошо, розы так розы. И черная икра к ним. Что? Не беспокойся, ее у меня достаточно. Тебе все равно столько не съесть. В общем, жду.

Я скосил глаза вниз и добавил:

— С огромным нетерпением.

До приезда Светы я успел не только сбегать за бутылкой и розами, благо все это продавалось совсем рядом, но и заказать в интернет-магазине семидюймовый «НР» и микро-сд на тридцать два гига к нему. Ну, а потом явилась дама, и то, что стало происходить далее, в особых комментариях не нуждается. Для большинства в них ничего нового все равно не будет, ну, а если кто-то с этими аспектами жизни еще не знаком в достаточной мере, то и тем более.

Сразу после ухода Светы (это произошло ранним утром) давление на мозг спало, он заработал, вот только результат получился какой-то неоднозначный.

Я подумал — а вот на кой хрен мы с Ефремовым хотим обязательно познакомиться с Косыгиным? Он же из Политбюро, конкретно во времена Вити Скворцова — из Президиума ЦК, а в этой конторе изначально собирались личности, коих век бы не видеть. Чем нам с Витей так уж плох эпистолярный жанр? Пишем Косыгину письмо, где сообщаем о событиях, которые должны совершиться в ближайшее время. Потом еще одно, потом еще. Параллельно — еще и Шелепину. Потом, когда они поверят... ну, скажем, некой Кассандре, первому сообщаем о том, во что не без участия Лени Брежнева выродятся его реформы, ну и про скорую болезнь и смерть жены, а второму — как тот же Леня задвинет его сначала на профсоюзы, а потом и вовсе в какую-то задницу. Семичастного из председателей КГБ — мелким замом на Украину, в Москву даже на время его пускать не будут. Затем, когда Косыгин с Шелепиным объединятся и при поддержке Семичастного скинут Леню, можно будет для экономии бумаги писать им общие письма.

Кажется, я про подобное даже фантастическую книжку читал, где какая-то девчонка писала письма Сталину. Да, но там она это делала только для того, чтобы выйти с ним на прямой контакт! И о ее письмах узнало достаточно много лишнего народу, что нас с тем Витей и Ефремовым не устраивает. И вообще, подумал я, в моем возрасте пора бы запомнить, что сразу после завершения половых усилий мысли в голову если и приходят, то далеко не самые умные. Чай, это был не первый раз. Кроме того, курьер скоро должен принести планшет, так что пора собираться обратно в шестьдесят четвертый год. Пожалуй, вместе с планшетом получится перекинуть и деньги за икру, ее же не всю сожрала Света, часть я уже успел

продать. Ну, а что часть все-таки ушла на прокорм ненасытной дамы, Витя, думается, мне простит. В конце концов, когда он собрался покупать «Москвич» Ефремову, у меня на приобретение советских банкнот улетела почти четверть пенсии! А сейчас зима, новогодние праздники только-только кончились, и с побочными доходами почти никак. Хорошо хоть с лета остались кое-какие накопления.

Ага, вот и снова появилась мысль, причем не столь глобальная, как перед ней, но, кажется, несколько более пригодная к реализации. Понос, получается, в качестве нелегального воздействия не годится, от него тоже умирают? Значит, нужно полюбопытствовать насчет заболеваний опорно-двигательного аппарата. С парализованными ногами можно жить долго и даже в какой-то мере счастливо, но вот возможности участия в политической деятельности резко ограничатся. Правда, был такой президент в Америке — Рузвельт. Но он все-таки скорее исключение, вряд ли у наших будет такая же сила духа. Ну, а если среди кремлевских старцев все-таки найдется свой Рузвельт, то ему ведь и все остальное будет недолго парализовать. И, кстати, это же не навсегда! После покидания высокого поста к страдальцу придет добрый доктор Витя Скворцов и вылечит. Если, конечно, пациент будет входить в число тех четверых из десяти, что поддаются Витиному влиянию.

Вернувшись в шестьдесят четвертый год, я уже от лица Скворцова посочувствовал Антонову — надо же, какую старую и потасканную тетку ему приходится пользоваться! Да на нее в неглиже смотреть нельзя без жалости, то-то он почти сразу выключил свет. Впрочем, это его дело, человек снимает напряжение, как может. Кстати, это почему-то аукнулось и мне. Ну прямо совсем ничего такого не хочется! А ведь перед переходом туда хотелось, и неслабо. Так что надо будет перекинуть ему еще черной икры. Пусть ест сам и кормит Свету перед использованием. После тоже можно. И крабов заодно, они не помешают. Правда, крабы в Астрахани, скорее всего, не водятся, так что Виктору Васильевичу придется придумать себе знакомого еще и с Камчатки.

А его идея насчет паралича — она вроде ничего. Надо будет обдумать, на ком и как ставить эксперименты.

Почти полночи с четырнадцатого на пятнадцатое октября я слушал вражеские голоса, благо обновленная «Октава» это вполне позволяла. Вся ее ламповая часть осталась на месте, и УНЧ был даже подключен, но приемник там теперь стоял совсем другой, на микросхемах и транзисторах, по чувствительности и избирательности заметно превосходящий лучший в теперешнем времени — «Фестиваль». Кроме того, ширина полосы

пропускания у меня регулировалась от пяти до пятнадцати килогерц.

Однако в данном конкретном случае все это не помогло — никто не сообщал о том, что товарищи по партии турнули Никиту на пенсию. Я начал волноваться — а вдруг мы с Иваном Антоновичем как-то незаметно ухитрились на что-то повлиять, и лысый так и будет продолжать свою плодотворную деятельность?

На работе слушать «Би-би-си» с «Голосом» было проблематично, но домой я вернулся немного пораньше обычного и сразу прилип к приемнику. Бинго! Англичане уже муссировали тему — в основном, чего можно ждать от нового первого секретаря, Брежнева.

— Вить, что там у них произошло такого интересного? — спросила Вера. Она ничего не поняла, ведь передача шла на английском.

— Не у них, у нас. Хрущева отправили на пенсию, вместо него теперь Леонид Ильич Брежнев.

— А почему об этом наши молчат?

— Наверное, завтра скажут. Это англичане могут болтать что хотят, а наши официальные сообщения должны быть взвешенными.

Я оказался прав — утренние газеты вышли с большими заголовками «Пленум ЦК КПСС» и портретами Брежнева. История продолжала идти ранее проторенным путем. Ну, а мне следовало в очередной раз прикинуть, не забыл я чего-нибудь для завтрашнего визита в Архангельское.

Глава 18

Думаю, в том, что чеканный афоризм «хорошая мысль приходит опосля» является выражением всеобщего и объективного закона, мне никого убеждать не придется. Всякий, кто хоть немного работал головой, наверняка сможет представить не одно подтверждение из собственного опыта. И я, естественно, никаким исключением не был. Мысль, как показать Косыгину планшет, не привлекая внимания охраны, пришла ко мне днем семнадцатого октября, когда я уже ехал в Архангельское. Правда, сегодня никаких встреч вроде не планировалось. Я прочитаю детишкам лекцию, покажу, как шевелятся рули у модели, потом мы все выйдем на улицу, где я ее запущу. Невысоко, недалеко и ненадолго.

Зато следующий этап будет не завтра, а через неделю. К завтрашнему дню мне никак не успеть, не стоит даже и пытаться. В общем, придется делать вид, что по результатам сегодняшнего полета пульту управления потребовались доработки, но за неделю они будут сделаны. А зрители пусть оповестят всех знакомых, что в следующее воскресенье я снова приеду, и вот тогда покажу нечто почти невероятное и совершенно сногшибательное. Может, так даже лучше — уж за неделю-то Косыгину почти наверняка доложат о циркулирующих по Архангельскому слухам.

Что мне пришло в голову и почему так поздно? Пожалуй, сначала отвечу на вторую половину вопроса. Да потому, что я в обоих ипостасях, мягко говоря, не совсем гений. Прямо скажем, иногда настолько не совсем, что даже самому перед собой неудобно. Вот как сейчас.

Ведь сам же приволок в прошлое дрон и показывал его Ефремову! Используя, между прочим, смартфон в качестве монитора системы FPV. Ну что мне мешает теперь аналогичным образом использовать планшет? Ничего, кроме собственной же несообразительности. Доработки, конечно, понадобятся, и за день их не сделать. Зато за неделю можно успеть, если не щелкать клювом.

Именно так, как планировалось, встреча с учениками и прошла, разве что в своих прогнозах я несколько недооценил их энтузиазма. Ну да, я исходил из того, что радиоуправляемые модели уже существуют, их описывают в «Юном моделисте-конструкторе», схемы приводятся в «Радио», но только, наверное, все это было для учеников в каком-то другом мире. А теперь самая настоящая модель, которая шевелит рулями и элеронами по командам с пульта — вот она! И не просто шевелит, а летает.

И даже не просто летает, а выполняет фигуры высшего пилотажа!

Ну да, я сделал подряд три бочки и две мертвых петли. Все остальное будет потом, через неделю. Но даже такая урезанная программа ввела зрителей в восторг.

Разумеется, все это делал я, Виктор Скворцов. Мы с Антоновым уже заметили, что у меня общаться с детьми получается лучше. Я их почему-то не боюсь, чего нельзя сказать об Антонове.

Вернувшись домой, я начал разбирать пульт. Мне предстояло смонтировать шасси, на котором будет закрепляться стул, изображающий из себя пилотское кресло. Под ногами оператора — педали для управления рулем поворота, посередине ручка с двумя степенями свободы — рули высоты и элероны, слева сектор газа. Кнопки всех трех дискретных каналов — на ручке сверху. А спереди будет торчать фанерный ящик с планшетом в вырезе дверцы на рояльных петлях. Покажем детям полет с управлением от первого лица и приемом изображения якобы на небольшой телевизор — ящик нужен именно для его имитации. Только надо не забыть перевести планшет в монохромный режим, а то от цветной картинки офигеют даже самые технически неграмотные. Ну, а если моделью заинтересуется Косыгин, то он, естественно, увидит гораздо больше.

Дома я попросил дядю Мишу привезти с работы какой-нибудь списанный аккумулятор. От него не потребуется выдавать напряжение, а уж тем более ток. Его назначение — находясь под стулом операторского места, изображать из себя источник электропитания. А то ведь соответствующий текущему времени телевизор, даже с маленьким экраном, должен жрать ватт сто. Батарейками тут не обойдешься.

После чего я лег на диван и прикрыл глаза. Пора было в очередной раз отправляться в двадцать первый век, Антонову там предстоит немало работы.

Встав, я подумал, что Витя там уже слегка одичал в своем шестьдесят четвертом году, среди ископаемых резисторов ВС и УЛМ, электронных ламп и допотопных германиевых транзисторов. Тоже мне, нашел проблему — купить небольшую цифровую камеру, усилитель радиоканала и приемник-декодер. Все это продается в виде китов, почти не нуждающихся в настройке, и размеры плат позволят без труда перекинуть их в прошлое за пару заходов. Ну максимум за три, если что-то окажется больше, чем мне сейчас представляется.

Тут я разжал кулаки, и на пол упали две консервные банки. На сей раз это была не икра — ну не Верещагин же я, в конце-то концов. А всего лишь лосось в собственном соку. Но с тем, что сейчас продается в магазинах,

абсолютно никакого сравнения. Примерно как тушенка, качество несравнимо. То есть это была какая-то совершенно другая рыба, причем не только на вкус, но даже в какой-то мере на вид. Я именно за ней заезжал в «Рыбу»! А с товароведихой там познакомился попутно и совершенно случайно.

И снова я, теперь уже Виктор Скворцов, проснулся на диване — разумеется, совсем другом. Глянул на две небольшие платки в одной руке и камеру объемом примерно четыре кубика в другой, встал и сложил первую из двух запланированных посылку на стол. Похоже, Антонов подлизывается. Поначалу рассматривалась немного другая аппаратура, раза в два тяжелее, но зато вдвое дешевле. Хотя он ничего такого вроде и не думал — во всяком случае, я таких мыслей не помню — но его, кажется, всерьез зацепила та женщина из «Рыбы». О господи, вот только всяких любовных страстей мне тут не хватало! Неужели ему в двадцать первом веке баб мало? Там-то он вроде не изменяет своей Свете. Ну, почти, уточнит я, вспомнив некоторые детали своей биографии незадолго до установления контакта с двадцатым веком. Ладно, хрен с ними, с возвышенными чувствами, мне пора ехать на улицу двадцати пяти лет Октября, в магазин химреактивов.

Тащить из будущего еще и дымовые шашки — это уже снобизм. Причем бессмысленный, с реактивами для всякой пиротехники тут значительно проще.

К четвергу новый вариант радиоуправления был готов. Шасси я погрузил на крышу «Москвича», потом закрепил там саму модель, а стул и ящик для планшета кинул на задние сиденья. И, вырулив из двора, спустился по улице Крупской до проспекта Вернадского. Поначалу у меня была мысль испытать новую аппаратуру на Собачьей площадке, но, подумав, я от нее отказался. Сейчас уже поздно светает, и даже утром там будет много собачников. Да и дома вокруг, мало ли, вдруг модель потеряет управление? Зато на противоположной стороне проспекта Вернадского — огромный пустырь площадью в несколько квадратных километров. И где-то между улицами Ульяновой и Кравченко к проспекту примыкает примерно полукилометровый отрезок заброшенной асфальтовой дороги. Ну, скажем, почти примыкает, не доходя до него метров сорок, но 403-й — это не жигуль, проходимость у него заметно выше. В общем, проеду.

Управление работало нормально, и я довольно быстро освоился с ручкой и педалями вместо двух джойстиков в первоначальном варианте. Вот только или из-за того, что я все-таки не очень опытный пилот, или из-за объективных особенностей человеческого зрения управлять моделью, глядя

на черно-белую картинку, оказалось довольно сложно, я то и дело терял ориентировку. Впрочем, ее было нетрудно восстановить путем прямого наблюдения за моделью, она все-таки довольно большая и заметная. Правда, на посадке я один раз промахнулся мимо полосы, пришлось уходить на второй круг. Впрочем, в Архангельском это будет неважно, там и взлет, и посадка на футбольном поле.

В общем, можно ехать, решил я по завершении второго полета. Вроде все работает, как положено, и я как-то могу со всем этим управляться. Неполные двести граммов дополнительного веса на пилотажных свойствах модели практически не сказались. Все-таки в советском дефиците можно найти и положительные стороны. Если бы тогда в «Детском мире» я купил «Комету», то сейчас чесал бы затылок, с ее-то в полтора раза меньшей мощностью. А «Максик» еще и не столько вытянет.

В воскресенье двадцать пятого октября погода была как на заказ — температура плюс десять, на небе ни облачка и полное безветрие. Похоже, наверху мне кто-то основательно подыгрывает — неужели сама ноосфера?

С такими мыслями я подъехал к школе в поселке Архангельское. Меня уже ждали, причем, как только «Москвич» выехал из-за домов, от группы встречающих отделились несколько мальчишек и галопом разбежались в разные стороны — видимо, оповещать всех остальных, желающих посмотреть на полеты.

К месту взлета комплекс был переправлен при помощи зрителей. Четверо мальчишек за четыре угла несли раму с укрепленными на ней стулом и ящиком. Учитель физкультуры, с самого начала заинтересовавшийся и лекцией про электронику, и прошлым показом модели, тащил аккумулятор. Ефремов подозревал, что физкультурник не только учит детишек отжиматься, подтягиваться и лазить по канату, но и постукивает куда следует. Я разделял эти подозрения, поэтому долил в аккумулятор, который дядя Миша привез сухим, воды из-под крана. Во-первых, для реализма. А во-вторых, дополнительный к и без того немалому весу подольского изделия килограммчик тоже лишим не будет. Пусть теперь физрук тащит, ему полезно для общего развития.

Ну и я, естественно, бережно нес саму модель.

И вот мы на старте. Я подсоединил к аккумулятору провода, свисающие из ящика, потом завел двигатель модели, которую придерживал за фюзеляж одни из мальчишек постарше. Мотор заработал на минимальных оборотах, а я сел на стул и, склонившись к ящику, начал крутить три ручки. Чуть выше их располагались три головки-вольтметра, питалось все это от батарейки КБС, а схема коммутации обеспечивала

изменения показаний всех трех приборов при вращении любой ручки. Вся эта тряхому... в смысле, электрика служила единственной цели — дать мне возможность естественным образом прикрыть планшет на время загрузки. Все-таки старт «восьмерки» — это не та картина, которую следует показывать детям из шестидесятых годов. Да и из двухтысячных, пожалуй, тоже — я, когда впервые столкнулся с «восьмеркой», испытывал большое желание с размаху треснуть системным блоком по башке разработчику этой операционки. Хотя бы одному. Но сейчас, впрочем, я к ней уже более или менее привык, а семидюймовых планшетов с «десяткой», да еще по нормальной цене и с приемлемыми сроками доставки, мне в момент покупки не попалось.

Но вот, наконец, планшет переведен в монохромный режим и транслирует изображение с камеры модели.

Я отлип от «приборов» и махнул рукой — мол, можно отпускать модель.

— Ой, смотрите, телевизор! — слышались восхищенные крики малышей. — Да как четко показывает-то!

Сектор газа вперед до упора, ручку чуть от себя, и модель начинает разбег. Так, скорость есть, ручку на себя, взлетаем. Блин, высоту по этой черно-белой картинке определять получается плохо, отрываю взгляд от экранчика и ищу глазами модель. Ага, вот она, и высота уже метров триста. Можно начинать шоу.

Я нажал крайнюю слева кнопку на вершине ручки. По этой команде на проводочки в дымовых шашках, укрепленных на концах крыльев, подавалось напряжение от литиевых аккумуляторов.

Сначала красным задымила правая шашка, а затем подключилась левая — зеленым. Двинув ручку вбок и слегка корректируя траекторию рулями высоты, я выполнил примерно десяток бочек.

За вертящейся вокруг своей продольной оси моделью оставался перевитый красно-зеленый след, и выглядело это довольно красиво — зрители стояли, разинув рот. Все, даже физкультурник.

Я дал ручку от себя, чтобы набрать скорость, и выполнил вертикальную восьмерку, а потом куда более простую — горизонтальную.

Скоро небо над школой было пронизано постепенно расплывающимися красно-зелеными фигурными трассами. Не заметить такое шоу с дачи Косыгина было невозможно. Оставалось только ждать результатов. Тем более что шашки уже выгорели до конца, а это означает, что и топлива в баке осталось не так уж много. Пора садиться.

Только я успел сесть и подрулить моделью к себе, как из-за леска, за

которыми располагались правительственные дачи, выехали два автомобиля. Причем это были не сто одиннадцатые «ЗИЛы» и даже не «Чайки», а обычные черные «Волги». Ну, может, и не совсем обычные, по внешнему виду «двадцать третью» от «двадцать первой» не отличить, тем более с такого расстояния.

Машины подъехали к краю футбольного поля и остановились. Оттуда полез народ, причем не в таком уж большом количестве. Трое крепких парней из второй машины, сам Косыгин и мужик лет под сорок — похоже, старший охраны — из первой.

Я нажал центральную кнопку на ручке. Мотор заглох, а предсовмина — уже не потенциальный, а действующий — тем временем подошел ко мне. Охрана держалась шагах в четырех-пяти сзади.

Я встал со стула.

— Алексей Николаевич Косыгин, — представился подошедший и протянул руку. Я пожал ее, успев с некоторым разочарованием констатировать — увы, по восприимчивости к лечебному воздействию он полный ноль — и представился в ответ.

— Интересный у вас телевизор, — заметил Косыгин, наклоняясь к экрану. Примерно такого я и ожидал. Теперь планшет не мог рассмотреть никто из посторонних. Спереди его закрывал ящик, справа — Алексей Николаевич, сзади — я, а слева ближе двадцати метров никого не было, да я еще для гарантии оттопырил левый локоть.

— Сами сделали?

— Почти. Собрал из готовых деталей.

Я открыл дверцу. Стало видно, что ящик практически пуст. Внутри сиротливо болтаются концы двух проводов от аккумулятора, да на дверце над планшетом батарейка, три переменника, три головки и немного проводов.

Закрываю дверцу, планшет уже показывает картинку с камеры в цвете.

— Ого! — покачал головой Косыгин. — Я и не думал, что сейчас такое возможно. И где вся электрика — лампы там, трансформаторы... или то, что видел, это все? Такого не может быть.

— Совершенно верно, — кивнул я, тыча пальцем в экран, — сейчас не может.

А по экрану уже бежал текст — «то, что вы видите, есть электронно-вычислительная машина, по быстродействию превосходящая...», ну и так далее. Примерно то, что я говорил Ефремову во время первого свидания, только в письменном виде. Заканчивалось сообщение информацией о том, что я из две тысячи восемнадцатого года.

Когда вводная часть кончилась, я вывел на экран статью из Вики про Косыгина и предложил ему:

— Читайте. Картинка двигается вот так, пальцем.

По лицу Алексея Николаевича казалось, что он со скукой читает какую-нибудь инструкцию к бытовому прибору, но вот время прочтения говорило об обратном. Сравнительно короткую статью он читал больше пяти минут, причем задержавшись на второй половине, ближе к концу, где был подзаголовок «семья».

— Та-ак, — протянул он, оторвавшись от экранчика, — независимо от того, поверил я вам или нет, вы мне показали достаточно для встречи наедине. Возможно, и не одной. Ведь вашей целью было именно это?

— Первой из целей — да.

— Есть ли в том, что вы желаете мне сообщить, что-нибудь совершенно неотложное?

Тут его взгляд снова опустился к планшету. Туда, где была дата смерти его жены.

— Нет. Если вы имеете в виду здоровье Клавдии Андреевны, то с ней пока еще не случилось ничего, требующего немедленного вмешательства.

— Но при необходимости вы сможете?

— Начнем с того, что это прекрасно сможете и вы. Надо всего лишь диагностировать рак до того, как он станет неоперабельным. Но, возможно, у меня получится даже лучше, однако точно я это смогу сказать только после личной встречи с вашей супругой.

Все это я говорил, будучи Антоновым — времени от посадки модели и до начала разговора как раз хватило на перевоплощение.

— Жду вас через неделю, восемь тридцать утра — не рано?

— Нет, нормально.

— Где моя дача, вы, конечно, знаете.

— Разумеется.

— Тогда до свидания.

Косыгин быстрым шагом направился к машине, а со мной начало происходить нечто странное. Я вроде бы продолжал оставаться Антоновым, но как-то сумел от имени Скворцова задать ему вопрос:

— Э, ты что, по дороге домой собрался заскочить в «Рыбу»?

— Да, а разве не заслужил? Как встреча-то прошла, а? Блеск и восторг! А я вообще-то старый, больной человек, и мне необходимо усиленное питание. Вот ты наверняка бы не догадался по дороге домой купить банок десять лосося! Так что придется мне, ну, и попутно...

— Вот ведь достал. Ладно, хрен с тобой, только ты можешь

попробовать сделать так, чтобы я твоих постельных подвигов не запомнил?

— Постараюсь! — обрадовался Антонов. — Значит, я пока отключаюсь, к «Рыбе» ты и сам доедешь. А как зарулишь во двор, снова призывай меня.

Ну и дела, подумал я, теперь уже Виктор Скворцов. Наши отношения выходят на какой-то новый уровень. Дашь подъем межмировой шизофрении на небывалую, недоступную для простых смертных высоту! Причем в кратчайшие исторические сроки.

Глава 19

Самое удивительное, что у Антонова действительно получилось сделать так, что я теперь воспринимал все, что случилось от заезда во двор «Рыбы» и до выезда оттуда, как сон. И, естественно, тоже как сон, быстро забыл почти все, даже не подумав снять резервную копию.

На неделе я в два заезда перевез Ефремовых с дачи на улицу Губкина. Скоро наступят холода, и их лучше встретить в нормальной московской квартире, раз уж у них нет такой дачи, как у Косыгина, где наверняка тепло и самой суровой зимой.

Вот только эта самая дача меня как-то разочаровала. Антонов в двадцать первом веке видел фотографии кирпичного трехэтажного здания, хоть и сильно не дотягивающего до современных ему дворцов олигархов, но все же далеко не халупы. А тут моему взору предстал деревянный дом, чуть ли не каркасно-шитовой, и всего о полутора этажах. То есть центральная часть имела их два, а две боковых пристройки вроде ножек у буквы «П» — по одному. Похоже, это были места обитания obsługi и охраны. Наверное, каменный дом тут постоит позже, подумал я, Косыгин же стал премьером совсем недавно.

Встретил меня у ворот тот мужик, которого я в прошлый визит посчитал старшим охраны. Он попросил предъявить паспорт, внимательно его изучил, после чего по его знаку ворота открылись.

— Машину поставьте вот там, — предложил он, когда я заехал на территорию, — и я вас провожу к Алексею Николаевичу.

— А что, представляться в здешних кругах не принято? — с нотками сварливости в голосе осведомился Антонов, которым я уже успел стать. Хотя на самом деле я уже знал, кто передо мной. Все-таки в интернете можно много чего найти, если знать, как правильно сформулировать запрос.

— Карасев Евгений Сергеевич, девятое главное управление. Вы удовлетворены?

— Да, конечно, Евгений Сергеевич.

— Тогда пошли, до назначенного вам времени осталось три минуты.

— И что, даже обыскивать меня не будете?

— Нет.

— Тогда хоть убедитесь, что в портфеле у меня нет ни бомбы, ни оружия.

— Виктор Васильевич, вы что, увлекаетесь шпионскими романами? Не беспокойтесь, мы уже знаем, во-первых, что вы — это точно вы. И всю вашу не такую уж длинную биографию тоже. Идем, зачем заставлять Алексея Николаевича ждать?

Мы поднялись на второй этаж и прошли в конец коротенького коридора. Карасев постучал, потом открыл дверь и предложил мне:

— Заходите.

Я зашел, Карасев остался в коридоре и прикрыл дверь. Косыгин отложил «Известия», которые он читал перед моим приходом, и сказал:

— Проходите, садитесь. Чай будете?

— Да.

Премьер поднял трубку одного из нескольких стоящих на столе телефонов.

— Аглая? Чаю принесите, пожалуйста. И каких-нибудь бутербродов к нему.

Ждать пришлось совсем немного, пару минут. И, когда женщина вышла, Косыгин спросил:

— Вы можете представить еще какие-нибудь доказательства вашего... хм... прибытия из будущего?

— Не прибытия, а всего лишь обретения тут аватары. Вам ведь уже доложили, что Скворцов родился здесь и никогда ни в какие времена не путешествовал. Кстати, позвольте представиться — Антонов Виктор Васильевич, год рождения тысяча девятьсот пятьдесят второй.

— Очень приятно, но вы не ответили на мой вопрос.

— Насчет доказательств? Хорошо, вот вам еще одно.

С этими словами я достал из портфеля небольшой инженерный калькулятор «Касио» и протянул собеседнику.

— Это тоже ЭВМ, но попроще и узко специализированная. Она умеет только считать, но зато делает это хорошо.

После чего я за пару минут продемонстрировал основные возможности калькулятора и продолжил:

— Вообще-то я его планировал вам подарить. Надеюсь, у вас есть возможность пользоваться им так, чтобы этого никто не видел? А то как бы с кем когнитивный диссонанс не приключился.

— Что?

— Ох...ют люди, — перевел я свое утверждение на более соответствующий текущему времени язык.

— Понятно. Возможность есть, но почему вы настаиваете на сохранении тайны?

— А вы не понимаете?

— Предположим, понимаю, но хочу услышать и ваше объяснение.

— Во-первых, это может спровоцировать войну. Сейчас Штаты имеют серьезное преимущество в количестве ядерных боеголовок и средствах их доставки, но там понимают, что и мы сможем как-то ответить. И предпочитают не рисковать, а со временем задавить СССР чисто экономическими методами. Кстати, не без оснований, один раз, в моем прошлом, это у них уже получилось. Но если там узнают, что СССР получил доступ к информации и даже каким-то технологиям из будущего, могут решиться и рискнуть, несмотря на вероятность ответного удара. Но это только одна сторона вопроса. Вторая состоит в том, что, когда в Политбюро узнают, что у кого-то есть информация из будущего, причем не только она, а у кого-то нет, то там начнется такая грызня, что Советскому Союзу и без всяких Штатов резко поплохееет.

— Согласен. Маленькое уточнение — у нас не Политбюро, а Президиум ЦК.

— Знаю, но это ненадолго. Через полтора года Брежнев вновь переименует его в Политбюро, а себя — в генсека. Если, конечно, никто не вмешается и не помешает. И давайте продолжим про доказательства. Я их, конечно, могу натащить много. Но зачем? В том, что Скворцов каким-то образом может контактировать с будущим, вы уже наверняка убедились. А вот в чистоте моих, то есть Антонова, намерений — нет, но тут никакие финтифлюшки из двадцать первого века не помогут. Поэтому давайте поступим так. Возьмите еще вот это, но не в подарок, а на время.

Я протянул ему планшет с зарядным устройством и быстро показал, как включать, выключать и в самых общих чертах — как пользоваться.

— На правой стороне собраны папки для вас. Первая — «История» — содержит, как следует из названия, историю СССР от шестидесятого года и до развала, а потом еще историю России до две тысячи восемнадцатого года. Вторая — «События» — перечень всего хоть сколько-нибудь заметного, что должно случиться в остаток шестьдесят четвертого, в шестьдесят пятом, в шестьдесят седьмом и шестьдесят восьмом годах. Третья — «Персоны». В ней содержатся сведения обо всех, кто сейчас играет хоть сколько-нибудь заметную роль во власти. И об их будущем жизненном и карьерном пути. Вы там тоже есть. И, наконец, последняя — «Китай». Там описан путь этой страны от полного развала всего, что можно и что нельзя в конце семидесятых, и до ведущей экономики мира во втором десятилетии двадцать первого века.

— Так у вас ведущая экономика — это Китай? А как остальные?

— Штаты — на втором месте. Хотя сами они считают, что на первом, но это только по их собственной статистике. Россия — по производству на двадцать каком-то, по уровню жизни — на пятьдесят каком-то.

— Я, конечно, прочитаю все, что у вас тут приготовлено. Но хотелось бы узнать и ваше личное мнение. В чем, по-вашему, главная причина грядущего развала СССР?

— В мудром руководстве КПСС.

— Что?!

— А вы сомневаетесь? Так даже сейчас партия всем руководит и ни за что не отвечает! Вспомните Ларионова с его «Рязанским чудом». Что творится в Грузии, вам рассказать? Вижу, что не надо. И про Узбекистан вы наверняка в курсе не хуже меня. Да так везде, куда ни ткни! Оттого-то Никита и организовал комитет партийно-государственного контроля, но это был, во-первых, жест отчаяния. А во-вторых, дурацкий. Можно подумать, что партии делать нечего, кроме как саму себя контролировать. Так вот, подобный порядок обеспечивает мощный отрицательный отбор. По моему мнению, в партии к началу восьмидесятых собралась чуть ли вся мразь страны! Ну, может, где-то в самом низу и на периферии еще оставались приличные люди, но ни на что влиять они не могли. Именно партия была главной движущей, руководящей и направляющей силой развала Советского Союза.

— А вы не боитесь говорить мне такое?

— Алесей Николаевич, да чего бояться-то? Вы же мне — Виктору Антонову — ничего не сможете сделать! Просто не доживете до восемнадцатого года, даже если вас подлечить. Ну, а Скворцов... не буду спорить, аватара довольно удобная, я к ней уже как-то даже привык. Ну да ничего, и к следующей привыкну, если вдруг возникнет такая необходимость. Сильно переживать не буду.

— М-да. Вашу точку зрения понял. Буду благодарен, если вы воздержитесь от ее развития... хотя бы сегодня. Мне необходимо прочесть ваши материалы, чтобы у меня появилось свое обоснованное мнение.

— Не возражаю. Кстати, этими материалами мои возможности, а, точнее, возможности интернета далеко не исчерпываются. Называйте интересующие вас темы, и я сделаю подборки.

— Интернет? Что это такое?

На объяснение вместе с показами скриншотов некоторых страниц ушло минут пятнадцать. Не скажу, чтобы Косыгин так уж все понял, но теперь у него было хотя бы общее представление о значении этого слова.

— Тогда, если вам действительно нетрудно, подберите мне материалы

о готовящейся сейчас хозяйственной реформе. Всякие — хвалебные, ругательные, претендующие на объективность или даже вовсе ни на что не претендующие. И ваше личное мнение туда присовокупите. Не может быть, чтобы оно у вас отсутствовало.

— Мда, это я прошляпил. Мог бы и сам догадаться, что такая тема вас обязательно заинтересует. Разумеется, сделаю. Думаю, к следующему воскресенью все будет готово. Кстати, для обмена информацией личные встречи не обязательны. Мои материалы будут вот на таком носителе.

Я вытащил флешку и показал ее Косыгину. Потом достал короткий кабель-переходник, подключил его, воткнул флешку и продемонстрировал, как закладывать и извлекать документы.

— Полнейшая конфиденциальность гарантируется. Прочитать что-то смогут только обладатели таких планшетов, как у вас. Пока он единственный в этом мире.

— И как же тогда вы сможете прочесть написанное мной?

— Переправлю флешку в двадцать первый век, это совсем нетрудно. А уж там ее можно читать хоть до посинения на любом из находящихся у меня дома компьютеров.

— Хорошо, тогда позвольте задать вопрос — возможно, несколько нетактичный. Вы там богаты?

— Разве что духовно. На коммунальные платежи хватает, голодать не голодаю, на всякие мелкие потребности тоже хватает, а крупных у меня нет.

— Крупные — это какие?

— Шикарная машина, дача, как у вас или больше, океанская яхта, личный самолет.

— Ясно. Скажите, а вот эта маленькая ЭВМ, она сильно дорогая? Сколько она стоит... скажем, в процентах от вашего месячного дохода?

— Примерно двадцатую часть моей пенсии. В общем, практически копейки, так что не волнуйтесь. То, что я вам сделал такой подарок, заметную брешь в моих финансах не пробьет.

— Да я не об этом. Как вы сказали, он называется — калькулятор? Так вот, я уже знаю, где можно применить как минимум десяток таких. Но, разумеется, не в их исходном виде. Сложно ли будет поместить их в коробку размером примерно с ту, что у вас изображала телевизор, и снабдить какой-нибудь современной клавиатурой и цифровыми индикаторами?

— Наверное, не очень. Давайте я сделаю опытный образец, покажу его вам, а потом нарисую эскизы ящика с источником питания и общую схему. Вы это закажете сами, а мне останется только распаять по месту

внутренности заранее избавленных от корпусов калькуляторов, это недолго. Так и секретность не нарушится, и вы получите столько калькуляторов в ретро-исполнении, сколько вам надо.

— Согласен. Какова у вас цена золота?

— Такой калькулятор стоит примерно как полграмма.

— Всего-то? Тогда держите.

Косыгин достал из ящика стола четыре монеты и протянул мне. Ага, нэповские червонцы образца двадцать третьего года, «сеятели». В них, кажется, семь грамм. Ну то есть сдать его я, наверное, смогу тысяч за семь, максимум за десять.

— Вы хотите сорок калькуляторов?

— Нет, всего десяток.

— На него хватит и одной монеты.

— Ваш труд тоже должен быть оплачен. И потом, какая разница, сколько это стоит у вас? У нас подобного не купить даже за в тысячу раз большие деньги.

— Хорошо, согласен. Первый экземпляр будет у вас через две недели. Кстати, как нам осуществлять связь? И чтобы при этом не очень светиться.

— У вашего... гм... вашей аватары есть телефон?

— Разумеется, нет. Откуда?

— Напишите заявление, поставят. И последний на сегодня вопрос. Вы, кажется, говорили, что, возможно, сможете как-то помочь Клавдии Андревне, но точно скажете только при личной встрече. Она сейчас здесь.

— Ну так пошли, чего же откладывать.

Ну надо же, какая невезуха, подумал я. Жена Косыгина тоже из тех восьми, которых я лечить не могу. Стоп, каких еще восьми? У Скворцова их всего шесть! Да, но я-то сейчас Антонов... так это что, у меня и способности как у него? Надо срочно проверить.

— Алексей Николаевич, где бы мне тут присесть минуты на три?

— Да где хотите... вам плохо?

— Нет, спасибо за беспокойство, мне хорошо. И все объяснения потом, ладно?

Чтобы снова почувствовать себя Скворцовым, хватило минуты. Я встал, молча подошел к женщине и взял ее за руки. Ох и ни хрена же себе... да куда этот старый пень Антонов смотрел... она же «десятая»! Так, что с ней? Побаливает голова, какая-то не очень хорошая тяжесть в желудке... и левом колене какой-то застарелый очаг не пойми чего. Итак, приступаем...

Сеанс занял всего минут пятнадцать, все-таки работать с «десятыми»

одно удовольствие. Кстати, а Косыгина-то, наверное, тоже надо еще раз проверить. Это он для Антонова никакой, а для меня... да, так и есть. «Седьмой»!

— Что с вами? — поинтересовался Алексей Николаевич. — Вы как будто стали каким-то другим.

Не отвечая, я плюхнулся на стул. И вскоре встал с него уже Антоновым.

— Да, конечно, пришлось для пользы дела немного измениться, задействовать скрытые возможности организма, но сейчас я снова прежний. Клавдия Андреевна, как самочувствие?

— Я не знаю... такое впечатление, что сбросила лет десять.

— Увы, это только кажется. Вы просто начали избавляться от пары болячек. Сами, я только запустил этот процесс.

— И мне сможете? — это уже спросил Косыгин.

— И вам тоже, только это будет потруднее и займет существенно больше времени.

— Надо же, какой вы, оказывается, приятный при ближайшем рассмотрении человек. А поначалу маскировались, про партию какую-то ахинею несли... в общем, мы с Клавдией Андреевной приглашаем вас в гости и на следующее воскресенье. А сейчас не хотите ли пообедать с нами? Не знаю, как вам, а нам уже пора.

Глава 20

Я сижу у окна и любуюсь открывшимся мне видом. Листья с ранее закрывавших обзор кустов облетели, и теперь виден двор, а если скосить глаза направо, то и кусок ограды заутка, где стоят мусорные баки. Вчера выпал первый снег, а завтра будет седьмое ноября, выходной день, хотя и суббота. С восьмым числом трудящимся в этом году несколько не повезло, оно выпало на воскресенье, а перенос выходных на потом тут не практикуется. Впрочем, меня это не очень волнует. Зато в этом году на работе никого принудительно на демонстрацию не гонят, хотя в прошлом я такой чести все-таки удостоился. Оказывается, такую честь надо еще заслужить — ну или получить ее в порядке очереди, точно не знаю.

В общем, я сижу у окна и любуюсь заснеженным двором. Я прочитал в архиве погоды, что этот снег растает девятого, а снова выпадет семнадцатого и будет лежать уже до апреля. Но все равно красиво.

Вера сидит у меня на коленях. Чем она любит, я точно не знаю. В поле ее зрения рабочий стол с разложенными на нем внутренностями ящика для калькулятора, диван и левая половина моей физиономии. Мы только что затащили «Яву» в квартиру и теперь отдыхаем. Все-таки для зимних поездок этот мотоцикл приспособлен очень плохо, на мопеде ездить по льду и снегу гораздо удобней.

Разумеется, его шины на морозе дубеют, а возможности притащить зимние из двадцать первого века нет, они значительно превышают лимит по размеру даже в предельно свернутом виде. Зато шипы для велопокрышек прошли прекрасно. Они почти такие же, как автомобильные, только совсем маленькие. И вот, значит, теперь шины на моем моторном велосипеде с шипами.

— Вить, — потеряла меня Вера, — мне ведь совсем скоро исполнится шестнадцать лет.

— Думаешь, забыл?

— Нет, что ты, я не про подарок. Просто...

Тут она отчаянно покраснела, но все же закончила свою мысль:

— С шестнадцати лет при каких-то условиях уже можно выходить замуж!

— При каких-то? — удивился я. — При наличии беременности! А как ты тогда школу закончишь?

— Можно потом ходить в вечернюю.

— Вер, ну чему там тебя научат — как ты с такими знаниями будешь в институт поступать? Потерпи еще немного. Как только исполнится восемнадцать лет, в тот же день пойдем в загс.

— В тот же не получится, первого января ничего не работает. Зато второго — прямо с утра! Ты, пожалуйста, заранее отпросись с работы.

— Обязательно.

— И костюм купи, не в рабочих же брюках и в куртке ты пойдешь жениться!

— А вот это уже придется тебе. Не мне ведь на самого себя любоваться! Вот и выбирай по своему вкусу.

— Хорошо, сразу после праздников начну.

— А вдруг я до свадьбы подрасту или растолстею?

— Так я же только выбирать начну! А куплю костюм за пару месяцев до свадьбы, чтобы ты успел к нему привыкнуть.

Но долго разговаривать на одну и ту же тему, даже если это ее грядущая свадьба, Вера была не в состоянии, и следующие пять минут мне пришлось объяснять, что это за недоделанная железная коробка у меня на столе, что она будет уметь делать и зачем все это вообще нужно. Тут из коридора донесся бодрый клич тети Нины «Вер, ты где!», и я, поцеловав девушку, ссадил ее с колен и отправил помогать матери готовить.

К слову, ее способность удивляться, кажется, достигла предела, выше которого просто некуда. Уж если спустя всего два дня после того, как Нина Александровна поставила свою подпись рядом с моей на заявлении об установке телефона, его нам провели, то теперь она, пожалуй, примет как должное, даже если Косыгин под ручку с Брежневым заедут ко мне в гости.

Понятное дело, и телефон, и проводку я внимательнейшим образом исследовал, однако никаких признаков элементов для прослушивания не обнаружил. Ну да, Косыгин явно решил не рисковать и предупредил кого следует, чтобы не проявляли активности. А то мало ли чего они тут могут услышать!

Хотя, конечно, на самом деле ничего интересного. Сам с собой я если и разговариваю, то мысленно, Ефремов сюда приезжал один раз и больше не собирается, а болтовню Веры пусть слушают и пишут сколько угодно, пока у них от перегрузок не погорят все магнитофоны.

Ефремовым тоже наконец-то поставили телефон, и, естественно, его я проверил ничуть не менее тщательно, чем свой. Результат был тем же самым. Однако на всякий случай мы с ним решили для бесед на серьезные темы выходить на улицу. Рядом парк Дворца Пионеров, а чуть дальше, в нескольких остановках троллейбуса, Нескучный сад.

Перед началом работы я еще раз любовался на документы, присланные Антоновым, и убрал их подальше, в тайник под столом. Что интересно, я довольно смутно помнил, как он их раздобывал — тамошний Виктор включал тот же режим, что и с теткой из «Рыбы». Причем почти по тому же самому поводу.

Первая бумага была доверенностью на «Москвич», и от настоящей она отличалась только тем, что была выписана некоему Александру Фроловичу Козлову от владельца машины Фрола Романовича Козлова. Да он что, хочет косить под сына члена Президиума ЦК, хоть уже опального и почти оттуда выгнанного? Да и вообще этот Козлов должен скоро помереть. Но наличие всякого «импорта» вроде очков и зажигалок в легенду укладывается очень неплохо.

Второй документ был техпаспортом, а третий — правами на имя все того же Александра Козлова. Все документы были исполнены на достаточно высоком уровне и даже выглядели слегка потертыми. Для непосвященного человека сойдет. Насколько я понял, предназначалось все это для якобы случайного показа рыбной даме сердца Антонова, которой он с первого момента знакомства представился как Саша. Правильно, еще не хватало, чтобы она меня начала искать! А сына такой серьезной шишки небось и не начнет, поостережется.

Хотя, конечно, это любопытно в том плане, что он, похоже, научился частично блокировать свои воспоминания от меня не только здесь, но и там. Интересно, а у меня это получится? Надо будет попробовать, но тогда сначала надо научиться становиться Скворцовым в двадцать первом веке. Ладно, внесем это в планы на ближайшее же посещение будущего. И, кстати, тогда же следует предупредить Антонова, что, если эта баба все-таки вздумает искать именно меня, а не мифического Козлова, то тренировки по наведению паралича задних ног я ведь могу начать и с нее.

Впрочем, это пока не животрепещет. Лучше попытаться разобраться в том, что он там навалил во флешку для Косыгина, благо ее можно прочитать и на смартфоне. И, кстати, кому из нас писать мое личное мнение о начавшей готовиться реформе Косыгина-Либермана? Антонов сделал толстый намек, прислав компактную клавиатуру для смартфона. Может, действительно мне, то есть Скворцову? Объем воспоминаний у нас с Антоновым одинаковый, а вот отношение немного разное. Ладно, и это потом, сейчас надо припаять к внутренностям «Касио» провода наконец-то освобожденного от всего лишнего и снабженного необходимым здешнего электронного калькулятора «Вега». Да-да, их, оказывается, уже всюю

выпускали в СССР! Аж десятками штук в год. Цена была дикой, размеры и вес — солидными, примерно как у хорошей пишущей машинки, надежность — весьма относительной, ремонтпригодность — близкой к нулю. В частности, этот экземпляр капитально сторел через полтора месяца после того, как он появился у нас в лаборатории. Завлаб, немного разбирающийся в электронике, с сомнением в голосе спросил меня, в какие сроки я бы взялся реанимировать это чудо, услышал ответ «ну, может, месяца за три и получится... за полгода точно, если больше ничем не заниматься». Яков Наумович, обычно не применявший ненормативной лексики, изрек «да ну его на...», и с тех пор покойный калькулятор мирно покрывался пылью в дальнем углу подвала, ожидая, когда подойдет очередь отправки его обратно на завод-изготовитель.

Однако на днях пришло письмо из Академии Наук, где предлагалось отдать бранные останки «тов. Скворцову В.В. для изучения возможностей модернизации изделия».

— Вы что, еще и с Келдышем знакомы? — охренел завлаб.

— Нет, что вы, откуда у меня такие связи, — совершенно честно ответил я. — Его, наверное, Косыгин попросил. С ним мы действительно недавно познакомились.

Яков Наумович икнул, без дальнейших вопросов подписал разрешение на вынос и в задумчивости удалился.

Что меня еще удивило в этой «Веге», кроме самого факта ее существования, так это индикация. Там стояли самые настоящие семисегментные индикаторы! Правда, не такие, к которым я привык, а какие-то мутные, косые, с дрожащим бледно-розовым светом и без точек. Минут пять я пытался понять, на каком физическом принципе работает это великое достижение советского радиопрома, но потом плюнул и выдрал их нафиг. Теперь вместо них стояли вакуумно-люминесцентные индикаторы, очень похожие на ИВ-6, но китайского производства, причем безымянные, с них даже никаких надписей стирать не пришлось ввиду их отсутствия. На последнем месте работы у Антонова сохранились неплохие связи, и он за копейки купил аж двести штук, которые пылились на складе с хрен знает каких времен и сейчас были абсолютно никому не нужны. Полтора десятка мы с ним сюда уже переправили. На калькулятор хватит, а лишние я отдам Косыгину как образец для копирования. Ничего сложного там нет, это обычная лампа-триод, только с восемью (семь сегментов и точка) покрытыми люминофором анодами. Однако их еще не изобрели, так что, если не щелкать клювом, государство сможет даже что-то заработать на лицензиях. Хотя, учитывая особенности советского планового хозяйства, да

еще толком не успевшего оправиться от хрущевских новаций, это очень даже вряд ли. А вот лично мне не помешает оформить заявку на авторское свидетельство и попросить Косыгина, чтобы он намекнул кому-нибудь на нежелательность волокиты в этом вопросе. Авось еще и какая-нибудь денежка упадет. Да и для карьеры лишнее изобретение не помешает, если я вдруг захочу ее сделать.

В воскресенье пятнадцатого ноября я снова поехал на дачу к Косыгину — ясное дело, на автомобиле. Погода была мерзкой, шел мокрый снег, который из-за плюсовой температуры быстро превращался в грязь. Ладно, я и не в такую погоду, бывало, ездил на двух колесах, но сейчас-то зачем? Тем более, что я везу опытный образец новейшего калькулятора «Вега-К», где буква «К» намекает на происхождение его электронной части. И, кроме него, вакуумные индикаторы для копирования, а также десяток автомобильных шипов в качестве образцов и еще кое-что от Антонова. Сейчас еще ничего, ехать можно, но завтра неплохо подморозит, а послезавтра поверх льда ляжет свежий снежок. Мне-то это не страшно, я все равно поеду на работу на мопеде, у которого шипованные шины, а вот Косыгин пусть думает. Если ему не совсем безразлична безопасность и не хочется терять время на движение ползком, а иначе на здешних шинах в гололед нельзя, пусть озаботится мелкосерийным производством для нужд кремлевского гаража. Ну и нам с Ефремовым пусть зашипуют комплект резины для «Москвича» в качестве благодарности за идею, а то я уже пробовал на его родных шинах ездить по снегу, и это мне совершенно не понравилось.

Встретивший меня Карасев не стал проверять паспорт и указывать, куда приткнуть машину, а спросил про калькулятор:

— Вам помочь тащить эту железяку?

— Да, возьмите ее, если не трудно. Она хоть и не очень тяжелая, но без ручки, а у меня еще и портфель есть.

То, что он почти пустой, я уточнять не стал. Зачем, ведь меня об этом не спрашивали.

Косыгин моему изделию явно обрадовался и долго, минут десять, что-то на нем считал.

— Отлично, — наконец сказал он. — Правда, кнопки не столь удобные, как у этого маленького, но зато большие. И цифры крупные, яркие, их и без очков прекрасно видно. Кстати, они из будущего?

— Да, вот вам образцы и краткое описание. Это довольно примитивные электронные лампы, а их советская промышленность делать умеет. Так что, я думаю, запустить в производство большого труда не

составит.

— Они вам будут нужны для следующих экземпляров?

— Нет, для них у меня есть, но что, в СССР вообще никому не нужны удобные и сравнительно дешевые цифровые индикаторы? Буквенные, кстати, тоже можно будет сделать, просто туда надо побольше анодов.

— Благодарю. Вы думали об авторском свидетельстве на эти вещи?

— Уже подал заявку, вот номер. И вот вам еще в качестве образца.

Я высыпал на стол шипы и вкратце объяснил, что это такое.

— И что, сильно помогает? — заинтересовался Косыгин.

— Еще как. Если хотите, в следующий раз приеду сюда на мопеде, у него шины уже с шипами, и дам вам покататься. Сразу почувствуете разницу.

— Ну, если вам будет нетрудно, то не откажусь. Вы привезли материалы?

— Да, вот они.

Я протянул ему флешку.

— Спасибо. Да, в вашем планшете были и другие папки, кроме тех, которые вы туда загрузили специально для меня. Некоторые я открыл, и у меня появились вопросы.

Ничего себе, подумал я, он что, в приложение для программатора залез? Да нет, скорее всего, просто добрался до фотографий.

Оказалось, что я несколько недооценил его любопытства и введливости — он пытался открыть все квадратики, которые вылезали при запуске «восьмерки». И мне пришлось вкратце объяснять ему, что такое скайп, плеймаркет, Майкрософт интернет эксплорер (ну, тут хватило одного слова) и как активировать пасьянсы, а то у него почему-то дело не идет дальше стартовой картинки.

— Наверное, они через интернет, но точно не знаю, сам туда не заглядывал, — предположил я. — Но тут где-то в эсдешке еще «Принц Персии» был... ага, вот он. Попробуйте, это, по-моему, уж всяко интереснее карт.

Да уж, оторвать Косыгина от древней игрушки получилось только минут через сорок, да и то он до конца первого уровня так и не дошел. Но, видимо, ему стало неудобно передо мной, а может, он просто подумал что-нибудь вроде «ну уж вечером-то мне никто не помешает». Тем более, что я показал, как сохраняться, и мы еще где-то примерно полчаса разглядывали всякие антоновские фото. Наибольший интерес у него вызвала картинка в высоком разрешении, где Антонов позировал на своей «Ямахе» и со Светой на заднем сиденье.

— Это у вас такие мотоциклы? — спросил премьер. — Красиво, конечно, но, как мне кажется, посадка все же довольно неудобная.

— Это так называемый спортбайк, тут многое принесено в жертву скорости.

— И какую же скорость развивает ваш?

— Всего двести, так он у меня далеко не самый дорогой, скорее наоборот.

— Двести — чего?

— Разумеется, километров в час! Не сантиметров же в минуту.

— Это вы считаете небольшой скоростью? Просто удивительно, как ваша женщина не боится с вами ездить. Кстати, красивая.

Так как в данный момент я был Антоновым, то кивнул и уточнил:

— С ней я быстрее ста сорока не разгоняюсь. Не люблю бабского визга.

— А, ну тогда конечно, — хмыкнул Косыгин, — действительно, разве это скорость — сто сорок километров в час. Надеюсь, ваш здешний мопед все-таки не такой быстрый?

— Нет, что вы, он и до шестидесяти-то разгоняется с большим трудом.

В этот день мы успели провести первый сеанс улучшения косыгинского здоровья, а потом пообедать. И договорились, что очередная встреча будет двадцать девятого, в следующее воскресенье Алексей Николаевич занят.

— Если погода позволит, приезжайте на мопеде, — повторил он свое приглашение.

— Так вы до папки «погода» еще не добрались? Нет, это не тот синий квадрат, в нем все равно без интернета ни фиги не появится. Ага, видите? Вот она. Тут зафиксирована погода за шестьдесят четвертый и шестьдесят пятый годы. Что у нас тут будет двадцать девятого? Утром минус пять, днем минус один, легкий снежок на два с половиной миллиметра. Ерунда, доеду.

Глава 21

От Косыгина я приехал к Ефремовым, ну, а Антонов по дороге еще и на часок заскочил в «Рыбу». Там он подарил предмету своих возвышенных чувств трусики и бюстгальтер. Эти тряпки были настолько незначительны по размерам, что для их переноса не пришлось даже организовывать отдельный рейс, они прошли вместе с шипами.

Дама впала в восторг и тут же, прямо при восхищенном поклоннике, примерила обновку. Ничего так, прикинул я, выглядит даже попримичнее Светы. Что было потом, я не помнил, Антонов включил свою блокировку. Не мог пораньше, а то меня зрелище его Оленьки, поспешно скидывающей свое белье и вертящейся перед зеркалом в подаренном, наводит на какие-то совершенно неуместные мысли.

— Ну и как прошла сегодняшняя встреча? — поинтересовался Ефремов, когда мы вышли из дома и пошли в сторону Ленинского проспекта.

— Кажется, все мои папки он явно прочитал, однако говорить на серьезные темы пока не хочет. Для более полной информации — вот, возьмите. Это плеер, он же диктофон. Тут записаны все наши сегодняшние беседы. Послушаете, может, заметите что-либо, мной пропущенное.

— Слушать, наверное, тоже лучше на улице?

— Зачем? Дома, через наушники.

— Да, действительно, тут же есть гнездо. Ну, раз уж мы решили прогуляться, не перескажете мне содержание вашего мнения по поводу грядущей хозяйственной реформы? Вкратце.

— Ну, если особо не углубляться, то задумка-то была ничего, вполне терпимая, хотя, конечно, тоже не идеал. Но всего несколькими мелкими штрихами из нее сделали полную задницу. Суть реформы, если в нее вдуматься — это всего лишь ограниченная приватизация управления. Ясно, что любую приватизацию нужно начинать с мелочи типа пивных ларьков и парикмахерских, а уж только потом переходить к более крупным предприятиям типа пошивочных ателье и мастерских по ремонту радиоаппаратуры. Но нет, ее начали с промышленных гигантов и ими же закончили. Не то что мелкие — даже средние объекты она не затронула!

Если же чуть углубиться в детали, то картина становится вовсе неприглядная. При Сталине прибыль и то правильнее считали! Тогда ее норму устанавливали раз в год. И если, например, в самом начале года

завод, выпускающий какую-нибудь хрень с себестоимостью в тысячу рублей, ухитрялся снизить ее до, скажем, девятисот, то продажная цена оставалось прежней, а дополнительные сто рублей шли заводу до конца года. Деньги, конечно, свободно тратить никто не мог, там масса ограничений, но все-таки это было лучше, чем ничего. А Либерман — это тот, кто придумал косыгинскую реформу — предлагает отпускную цену формировать как себестоимость плюс фиксированный процент прибыли, но ведь в абсолютном выражении процент от ста рублей заметно меньше, чем от тысячи. Ясное дело, что в таких условиях удешевлять производство своей продукции будет только клинический идиот. И если, например, обувной фабрике нитки шли по рублю за катушку, а потом ее форму слегка изменили, приклеили новый артикул и стали поставлять по два, то что будет?

— По логике фабрике лучше бы найти другого поставщика.

— Это по нашей с вами логике так. А по либермановской — такого поставщика надо целовать в анус, поить марочным коньяком и робко спрашивать — а нельзя ли как-нибудь ухитриться задрать цену не в два, а в два с половиной раза? Делать-то самим вообще ничего не надо, но себестоимость, а, значит, и прибыль сразу повысилась. Единственный плюс реформы — она поначалу позволяла убрать с предприятий балласт, абсолютно ненужных людей, и поделить их зарплату между оставшимися. Но Брежнев испугался возможной безработицы первым делом прикрыл именно это. Ну, а потом и до всего остального потихоньку руки дошли.

— Может, он правильно испугался? Хорошего в безработице мало.

— Какая при социализме может быть безработица? Вон, во время великой депрессии, как припекло, Рузвельт тут же применил вполне социалистический метод — отправил безработных строить дороги за пайку и подобие крыши над головой. А в СССР дело обстоит еще смешнее. Возьмем канонический пример всех пишущих про реформу, Щекинский комбинат. За время работы в новых условиях число работающих сократилось почти на тысячу человек, производительность труда и рентабельность выросли раза в три, объем производства — в два. То есть та тысяча была не просто лишней. Она вредила! Без нее стало гораздо лучше. И, значит, если им организовать какое-нибудь место, где они будут сидеть, получать ту же зарплату, но ни хрена не делать, то есть не наносить вреда, и то будет польза. Ну, а если зарплату слегка уменьшить и попробовать заставить творить их хоть что-то полезное, пусть в денежном выражении и несоизмеримое с их зарплатой, станет и вовсе замечательно. Но ничего подобного ни Либерман, ни Косыгин предлагать не подумали.

— И что же делать?

— Наверное, думать. Причем желательно головой, а не на чем сидят.

— Вас послушать, так можно прийти к выводу, что капитализм экономически эффективней социализма.

— Конечно! А вы разве сомневались? Грабеж экономически выгоднее любой, даже самой эффективной работы. Кстати, вот тут классики марксизма, похоже, не подумав, попали в точку. Это я насчет утверждения, что победит тот общественный строй, который обеспечит большую экономическую эффективность.

— Ленин говорил о производительности труда. Вряд ли под словом «труд» он подразумевал еще и грабеж.

— А почему нет? По-моему, правильно, с максимальной эффективностью грабить — это непросто. Не у каждого получится, тут надо квалификацию иметь. Европейцы лет триста учились, пока додумались до глобализма.

— То есть в ближайшей исторической перспективе, по-вашему, социализм обречен.

— Тот, который по классикам и всяким прочим Сусловым — безусловно. А который, например, по Дэн Сяопину — я бы не сказал. Опять же в Израиле, говорят, получается довольно интересно, хотя они свое общественное устройство социализмом не называют. Даже сейчас у них интересно, а в двадцать первом веке тем более. Антонов, кстати, летом собирается туда съездить. Потому как написать можно что угодно, лучше своими глазами посмотреть.

— Кстати, а вы мне не сделаете подборку именно про Израиль? Наверняка потом она понадобится Косыгину. Да и для вас самих, думаю, тоже лишней не будет.

Как оказалось, социалистическое производство тоже может работать быстро и качественно, особенно если его продукция зачем-то нужна лично председателю совета министров. В начале декабря мне позвонил старший косыгинский охранник Карасев и сообщил:

— Вам просили передать, что корпуса для калькуляторов с начинкой согласно эскизов будут готовы на днях. Где вы собираетесь организовать производство?

Я чуть не ляпнул «да вы что там, уже совсем — для вас девять коробок с проводами производство?», но вовремя одумался. Сваливать корпуса в коридоре нашей коммуналки — не самая лучшая идея. Нет, соседи, конечно, ничего не скажут, но зачем же так бессовестно эксплуатировать их уважение ко мне? В общем, я постарался придать голосу значительность и

заявил:

— Из соображений обеспечения секретности и для того, чтобы минимизировать сроки исполнения заказа, я бы предложил организовать производственный участок по месту моей работы, в подвальном помещении, которое сейчас используется как склад. Однако на то, что оно будет просто отобрано у лаборатории, я категорически не согласен, так и передайте шефу. На втором этаже есть три комнаты, которые уже почти год стоят пустыми.

— Хорошо, передам. Но вы уверены, что имеете право быть категорически несогласным?

В голосе Карасева даже по телефону слышалась усмешка.

— Разумеется. Как и всякий советский человек, я имею право на личное мнение. Ну, а если передать мне подвал будет затруднительно, я согласен и на что-нибудь другое, но где-то на Юго-Западе и за дополнительную оплату. Ездить после работы через всю Москву у меня просто нет времени.

Второму письму сверху завлаб почти не удивился. Тем более что те комнаты ему отдали все три, хотя я-то имел в виду какую-нибудь одну, так что для него это был очень выгодный обмен. Впрочем, сейчас его интересовали два других вопроса.

— Виктор, так вы что, теперь у нас по факту уже не работаете?

— Яков Наумович, да с чего вы взяли? Ваши заказы для меня по-прежнему имеют высший приоритет. А калькуляторами и, наверное, чем-нибудь прочим я буду заниматься в свободное от основной работы время.

— Кстати, в письме предлагается поднять вам оклад.

— Так поднимайте, я не против.

— Хорошо, остался еще один вопрос. Как быть с теми приборами, что лежат на складе?

Надо сказать, что это помещение только называлось складом, а на самом деле было свалкой. Там валялись всякие издохшие и частично разобранные установки, по большому счету никому особо ненужные. Места они занимали немного, и я предложил:

— Пускай себе и дальше валяются! А если вы разрешите использовать их как источник каких-либо внезапно понадобившихся деталей, будет и вовсе замечательно.

— А если детали понадобятся не вам?

— Не возражаю. В ту комнату всем будет запрещен доступ только в мое отсутствие. А когда я там, можно приходить и развинчивать это железо хоть до основания.

— Тогда все в порядке, зайдите после обеда в дирекцию. Кажется, ваша карьера выходит на новый уровень. Вот только я не знаю, поздравлять вас или выражать соболезнование.

— И я тоже в сомнениях, так что не будем делать ничего.

В дирекции мне вручили латунную печать, чтобы я, значит, покидая помещение, его обязательно опечатывал, журнал учета посещений и сообщили, что приказ о назначении меня старшим инженером уже готовится. После чего я сходил в первый отдел, где Антонов прослушал десятиминутный инструктаж про секретность, а Скворцов тут же его забыл ввиду полнейшей оторванности от жизни, и на этом последние бюрократические преграды были преодолены. Теперь мне предстояло работать головой и руками.

А вообще, конечно, Косыгин вел себя несколько странно. Не так, как я предполагал. Мне представлялось, что сначала он не поверит в развал СССР, ему придется долго и нудно таскать все новые и новые доказательства. Потом начнет злобно допытываться у меня, как это мы, сволочи, дошли до такой жизни. И, наконец, он созреет до вопроса, как можно этот СССР все-таки сохранить. Какие, например, технологии из будущего тому смогут помочь. И моим заверениям, что в текущем виде страны никакие, вопрос тут не в производительных силах, а в производственных отношениях, он опять-таки не поверит.

Так вот, ни один из этих прогнозов не сбылся. Хоть Алексей Николаевич этого и не показывал, но я видел, что в развал страны и реставрацию капитализма он поверил сразу, в первую же нашу беседу на даче, еще до прочтения приготовленных для него материалов. По второму пункту я тоже пролетел аж со свистом. Более того, пока было полное впечатление, что он и спасти ничего не собирается.

С технологиями тоже вышло как-то странно. Зачем лично ему десяток калькуляторов — чтобы посадить народ считать цифры к реформе имени себя и Либермана? Пусть, значит, норма прибыли постулируется не как взятые с потолка двадцать процентов, а как полученные после долгих вычислений девятнадцать и девять в периоде. Сунуть ему, что ли, в один из ящичков не инженерный, а программируемый калькулятор? Пусть играет.

Его, правда, интересовал вопрос, один ли я тут такой путешественник во времени или нас много. И если один, то как это доказать.

— Ну, если строго, то никак, — вздохнул я. — У меня твердая уверенность, основанная на контактах с ноосферой, что я тут в единственном числе. Однако сами эти контакты идут через подсознание, так что теоретически я могу что-то интерпретировать неправильно, хоть

такая вероятность и мала. Но по логике — я здесь один. Если ноосфера ждет от меня выполнения какой-то задачи, то уж о моих коллегах она как-то должна была сообщить, во избежание конфликтов при встрече. Ну и косвенный признак — черная икра из магазинов никуда не пропала. А если бы в Москве ошивалось человек десять из двадцать первого века, то они бы ее скупили уже всю.

— Но при чем тут икра?

Я вкратце объяснил суть нашего с Антоновым икорного бизнеса.

— То есть, если мне снова что-то понадобится из будущего, платить можно не только золотом, но и икрой?

— Да, а еще янтарем. У меня есть знакомый, через которого я смогу его реализовать, и не один раз.

— Хорошо, буду иметь в виду.

Ну и за шипы он меня поблагодарил отдельно, аж руку пожал, и сказал, что они уже делаются, в том числе и на мой «Москвич».

Но вернемся к моим рассуждениям.

И с персоналиями тоже получается как-то странно. Никаких дополнительных сведений о Суслове, Подгорном, Шелепине, Воронове и прочих, пребывающих сейчас на вершине власти, Косыгин у меня не запросил. Компромат на Леню его тоже не заинтересовал, хоть я как будто случайно сболтнул, что в будущем про похождения Гали Брежневой аж сняли фильм. Косыгин заявил, что низкопробных фильмов он не смотрит, а высокохудожественный на такую тему снять нельзя, и больше к вопросу не возвращался.

Зато его почему-то заинтересовал некий Юрий Карнаух. Вот вы знаете, кто это такой? Я, в смысле Скворцов, об этом не имею ни малейшего понятия. Антонов пока тоже, ему еще предстоит рыться в интернете в поисках информации. Найдет, конечно, а заодно, может, и поймет, зачем этот самый Карнаух понадобился Косыгину.

В общем, вместо роли мудрого советника из будущего я пока довольствуюсь амплуа консультанта по электронно-арифметическим вопросам, преподавателя основ зимней езды на мопеде и тренера в прохождении уже аж второго уровня игры «Принц Персии».

И, наконец, в конце очередной встречи Алесей Николаевич с улыбкой доброго дедушки, в которой только квалифицированный наблюдатель смог бы уловить немалую долю сарказма, сообщил мне:

— Виктор Васильевич, я же вижу, что вас немного удивляет моя реакция на ваши артефакты, информацию и даже само появление. Так вот, открою секрет — я очень не люблю поспешных решений. Скоро только

кошки сами знаете что делают, а котята рождаются слепыми. Не торопитесь. Как я понял из ваших материалов, время у меня еще есть, хоть и не так много, как хотелось бы. Дорога ложка к обеду, это когда еще было сказано.

Кстати, Ефремов, с которым я поделился своим недоумением, мне сказал:

— Что ж, это характеризует Алексея Николаевича с положительной стороны. Хрущев, узнай он хоть половину того, что вы выложили Косыгину, уже метался бы угорелой обезьяной, сверкая лысиной по всем уголкам нашей бескрайней родины. И, кстати, я тоже не знаю, кто такой Карнаух. Может, ему в будущем предстоит совершить нечто важное, оказавшее серьезное влияние на судьбу страны, но Антонову по какой-то причине неизвестное. В общем, как узнаете — сообщите и мне тоже.

Глава 22

В конце января шестьдесят пятого года я отвез Косыгину девять ретро-калькуляторов — восемь инженерных и один программируемый. Этот сразу его заинтересовал, и мне даже немного попеняли — почему я не сказал о такой возможности сразу. И можно ли получить еще пару-тройку таких же, а если они будут немного помощнее, то и вовсе замечательно.

— Конечно, — подтвердил я. — Но по моим трудозатратам один такой тянет на три, а то и четыре инженерных. И основа дороже втрое.

— Хорошо, сделайте два программируемых, корпуса вам привезут. И вы уже поняли, кто такой Карнаух и почему я заинтересовался его дальнейшей биографией?

— Да, конечно. То, что я про него ничего не знал, говорит о моем далеко не полном знании истории страны.

Юрий Юрьевич Карнаух оказался тем специалистом, в самом существовании которых в СССР я очень сильно сомневался — и, как выяснилось, зря. Он был финансистом, банкиром, причем мирового уровня. И как его на Запад-то не сманили? Нет, конечно, КГБ явно принял какие-то меры, но вряд ли дело было только в этом. Небось еще и западные финансисты испугались конкуренции. Им там самим тесно, а тут еще такой хоть еще и молодой, но уже волчара.

В прошлом Антонова Карнаух развернулся во время «Золотого кризиса» конца шестидесятых. В одном из скачанных Антоновым документов утверждалось, что каждый седьмой батон на столе советских людей был куплен на валюту, заработанную Карнаухом на золотых спекуляциях. Ну а теперь, похоже, Косыгин решил начать процесс пораньше и провести его поактивнее. Это возможно, ведь СССР — один из ведущих мировых экспортеров золота. По крайней мере в это время. А знание того, что должно случиться в ближайшее время, тоже сильный дополнительный козырь. Небось скоро Косыгин попросит меня раскопать котировки акций в шестидесятых годах. Ну или что-нибудь подобное. Придется согласиться, причем за бесплатно. Ну не требовать же проценты с члена президиума ЦК КПСС! Или все-таки попробовать?

И, наконец, Косыгин созрел до того, чтобы задать вопрос на довольно серьезную тему.

— Как по-вашему, — поинтересовался он, — есть ли у СССР возможность не проиграть лунную гонку?

— Безусловно, — кивнул я, — если, конечно, правильно понимать ее суть. Она не в том, что кто-то там высадился на Луну и привез на землю какое-то количество лунного грунта. А в том, что Амстронг под телекамерами сказал свою знаменитую фразу про маленький шаг одного человека, оставил в лунной пыли след своего ботинка и воткнул в лунный грунт американский флаг. Это был действительно серьезный удар по престижу советской космонавтики и страны в целом, и вот именно его очень даже можно не допустить. А опередить штатовцев с высадкой — фантастика.

— Обоснуйте, почему вы так считаете.

— Ну вот, например, попробуйте купить «Москвич» за четыреста рублей, хотя новый он стоит три шестьсот. Это очень маловероятно, но все же возможно. Однако сразу после покупки, без дополнительных вложений, сесть на него и поехать, скажем, в Крым — уже нет. Категорически и ни при каких, пусть даже самых благоприятных условиях. Реально же вы на нем скорее всего и до гаража не доедете, что-нибудь развалится по дороге.

Так с лунной программой. Она стоит двадцать пять миллиардов долларов, американцы это доказали. И попытки сделать то же самое за неполных пять миллиардов рублей не могут кончиться ничем, кроме массовых взрывов ракет прямо на старте. Как это один раз уже было. Ведь именно поэтому, от бедности, Королев и решился на три с лишним десятка двигателей в первой ступени своей Н-1. Но наладить нормальную совместную работу такой прорвы без испытательного стенда невозможно, а подобный стенд — это слишком дорогое для СССР удовольствие.

— Однако и первый спутник, и первый человек в космосе были советскими.

— Ну, тут все-таки затраты требовались гораздо меньшие. Кроме того, американцев подвел снобизм. Ну в падлу им было, что их ракеты будут разработаны недобитым нацистом фон Брауном, вот ему и ставили палки в колеса. А среди своих сравнимых с немцем конструкторов как-то не нашлось. Только после наших успешных запусков до них наконец дошло, дурная гордость была засунута куда положено, и «Сатурны» для лунной программы поручили делать фон Брауну, дав ему практически неограниченные полномочия. Ну и, наконец, нам наши ядерщики сильно помогли.

— Это как? Ракеты же химические.

— Зато боеголовки атомные. И тяжелые, тяжелее, чем у американцев. Вот и пришлось Королеву делать баллистические ракеты такой мощности, что они смогли вывести на орбиту и спутник, и Гагарина. В общем, это

было удачное для СССР стечение обстоятельств, которым он сумел блестяще воспользоваться.

Косыгин кивнул, помолчал и продолжил:

— А что вы имели в виду, говоря о возможности не допустить падения престижа?

— Луноход. Точнее, луноходы. И челомеевскую ракету УР-500. Она уже почти готова и получится удачной, даже в двадцать первом веке именно она под именем «Протон» будет выводить спутники на орбиту. Не все, конечно, но заметную часть. И относительно лунохода. Он в моем прошлом получился довольно тяжелый, почти восемьсот килограммов. Однако сильно много их не надо, а уж на три-четыре штуки я смогу натащить вам деталей из будущего. Бортовой компьютер весом в сто граммов вместе с корпусом, более эффективные, чем ваши, модули для солнечных батарей, легкие и мощные бесколлекторные движки и электроника к ним, литиевые батареи, телекамеры лучше не только ваших, но и той, что стоит у меня на модели самолета. Да мало ли что еще. И вот, значит, представьте себе картину — прилетает на Луну наша ракета, и из нее с энтузиазмом вываливается толпа луноходиков. Они, не теряя времени даром, мигом затопчут все окрестности следами, один расскажет на камеру про первый шаг и огромное его значение для человечества, второй споет гимн Советского Союза, третий спляшет что-нибудь патриотичное, а четвертый понатыкает в Луну красных флагов. А потом возьмет микрофон и объяснит восхищенным телезрителям, что на нынешнем уровне развития техники Луну должны осваивать роботы. Рановато туда пока человеку соваться, больно уж это дорогое и опасное дело. И что после этого цирка будет делать на Луне несчастный Армстронг?

Я даже не подозревал, что Косыгин умеет так заразительно хохотать. Отсмеявшись, он спросил:

— И вы согласны впрячься в это дело?

— Да, но с одним почти обязательным условием.

— Это вы про деньги?

— Нет, про Александра Николаевича Шелепина.

— Что?! Вы его хотите иметь на побегушках? Ну вы и наглец...

— Нет, скорее наоборот. В общем, мне кажется, что ему следует открыть мою тайну. И давайте я начну с самого начала, двумя-тремя словами тут не обойдешься.

— Хорошо, начинайте, послушаю.

— Итак, утверждение первое. Конструкторы ракетной техники не выдержали испытания медными трубами. Во времена подготовки полета

первого спутника и первого пилотируемого корабля они работали слаженной командой под общим руководством Королева, часто неформальным. Но потом, когда результат был достигнут и настало время делить славу, от бывшего единства остались одни воспоминания. Королевский зам Мишин затирает разработку твердотопливной баллистической ракеты, хотя это самое перспективное решение, жидкостная баллистическая ракета неэффективна. Сам Королев вдрызг разругался с Глушко. С Челомеем он хоть вроде и не ругался, но отношения у них весьма напряженные. В общем, лебедь, рак и щука в классическом исполнении.

Утверждение второе. Космической отрасли не хватает эффективного и авторитетного руководства. Единоначалия, я бы даже сказал. Но если назначить начальником любого из их круга, остальные его не примут, и станет только хуже. Зато ходить под Шелепиным обидно не будет никому.

— Однако Брежнев собирается сам курировать космическую отрасль, — хмыкнул Косыгин. — Вы хотите столкнуть их лбами? Насколько я помню из ваших бумаг, Шурика и так через полтора года задвинут на профсоюзы, а его команду — послами самые отдаленные уголки мира.

— Вот мы и перешли к третьему утверждению. Открывать мою тайну тому, у кого и так все будет неплохо, я особого смысла не вижу. Взять того же Микояна — он прекрасно досидит до не такой уж скорой пенсии, разве что похоронят его не у кремлевской стены.

Косыгин усмехнулся.

— Как раз на это Анастас Иванович может серьезно обидеться.

— Да? Вот уж не предполагал... не один ли хрен покойнику, где лежать... но давайте вернемся к Шелепину. В свете послезнания терять ему, считай, уже нечего, прямо как пролетариату. А приобрести есть чего. Он же председатель Комитета партийно-государственного контроля? Который Леня еще не успел кастрировать. Так пусть подготовит доклад о бардаке в космической отрасли, с материалами я ему помогу. И не выносит на пленум, а приватно покажет его Лене.

— Вы специалист в аппаратных играх?

— Да, виноват, куда показать — это уже не мой уровень, признаю. Но все остальное-то вы оспаривать не будете? А тут есть еще один аспект. У Шелепина имеется друг по фамилии Семичастный. Председатель Комитета государственной безопасности. Их турнут с верхов вместе, но дружить они будут до самой смерти Шелепина. И ведь у вас наверняка уже начинаются трудности с тем, как подать полученные от меня сведения. А тут может

появиться железная отговорка — они получены по комитетским каналам! Совершенно секретным, так что отставить неуместные вопросы. А иначе при подготовке луноходов, например, они возникнут прямо-таки в массовом порядке. Да и вообще КГБ скоро заинтересуется нами с Ефремовым, если уже не заинтересовался.

— То есть вы хотите посвятить в тайну еще и Семичастного.

— Да, а то как бы он в соответствии с должностью сам в нее не посвятился. Правда, у него это может получиться лишь частично, но так, пожалуй, будет даже хуже. И на этом список полностью посвященных я предлагаю ограничить, по крайней мере на ближайшее время. Однако тайну можно раскрывать хоть и почти полностью правдиво, но не совсем всю.

— Это как?

— Ну вот так, например. Представим себе такую картину.

Я — посланец из параллельного мира, очень похожего на ваш, но все-таки имеющего отличия. Он технически более развитый, это раз. И у него другая история, это два. Там социалистических государств не появилось. Кстати, вот это как раз будет почти чистая правда, я жил в СССР и могу сказать, что отнести это государство к по-настоящему социалистическим можно только с очень большими натяжками. Но продолжим. Моя задача — изучить опыт Советского Союза в построении справедливого бесклассового общества. Это тоже почти полная правда, особенно если перед словом «опыт» поставить эпитет «неудачный». Но я обойдусь, ибо краткость — сестра таланта.

— А скромность чья сестра?

— Не знаю, как-то не интересовался. Так вот, одно дело, когда перед человеком стоит какой-то чуть ли не инопланетянин, пусть обладающий опережающими время технологиями и готовый ими поделиться. И совсем другое — когда он знает будущее! Вот, значит, я считаю, что такое урезанное посвящение можно будет сделать и еще одному-двум людям. Кому конкретно, пока предложить не готов.

— В ваших рассуждениях есть рациональное зерно, насчет Шелепина с Семичастным я сам думал. Кроме того, у меня уже есть кандидатура на частичное посвящение. Надеюсь, персону Клавдии Андреевны у вас возражений не вызовет? Она не из болтливых. В общем, прямо сегодня за обедом сами и представьтесь, а я подтверждаю. То, что вы не от мира сего, она уже давно подозревает.

Я кивнул, и Алексей Николаевич продолжил:

— Тогда подведем итоги. Перед вами встают следующие задачи.

Первая — доставить из будущего какие-то иные, не технические образцы. Например, документы, удостоверяющие личность. Деньги, причем не только рубли, но и евро. Эти, как их... кредитные карты. Образцы средств массовой информации. Вторая — подготовить доклад на тему о том, чем конкретно, в какие сроки и за какие деньги вы можете помочь лунной программе. Четвертая — сделать подборку о состоянии здоровья Королева. С чем из перечисленного вы сможете гарантированно справиться к следующему воскресенью?

— Со всем.

— А не преувеличиваете?

— Алексей Николаевич, руками и именно здесь делать ничего не придется. А там я смогу заниматься вашими поручениями хоть месяц, хоть два, и вернусь в свою здешнюю аватару максимум через пять минут после того, как ее покину.

— Ну, если так, тогда, конечно, успеете. Хорошо, я приглашу Шелепина в гости через неделю. Для уточнения времени с вами свяжется Евгений Сергеевич.

Скажем прямо, насчет месяца, а уж тем более двух, я основательно преувеличил. Мне хватило полутора недель, да и то я особо не напрягался. Ну и чтобы переправить в прошлое все собранное, потребовалось четыре захода. В общем, уже в среду я в шестьдесят пятом году был готов к беседе с Косыгиным, Шелепиным, и даже, чем черт не шутит, с Семичастным. Естественно, оную беседу будет проводить Антонов. А мне, то есть в данный момент Скворцову, и без высших эшелонов власти есть чем заняться. Хотя, конечно, интересующий меня вопрос тоже имеет к ним какое-то отношение. Но назовите мне хоть один вопрос в Советском Союзе, абсолютно не имеющий отношения ни к каким властям! Ну разве что он вообще никому вот ни на самую малость неинтересен, в том числе и задавшему его.

В общем, у меня после знакомства с Косыгиным появилась проблема. Она заключалась в том, что код доступа (помните, что это такое?) оказался неудаляемым. То есть он сам собой исчезал со смертью того, от кого был получен. Но, пока объект продолжал свое брэнное существование, его код оставался у меня, и удалить его я не мог. Правда, пока в этом убедился только Антонов, в самом начале знакомства получив код от Косыгина. И теперь пребывал в сомнениях — а дальше-то что?

Вообще-то, конечно, следовало проверить, можно ли хранить одновременно два, а то и большее количество кодов. Если можно, то острота проблемы существенно понижается. Но если нельзя?

Значит, Антонову в ближайшее воскресенье — или когда он там встретится с Шелепиным — предстоит попытаться получить от него код доступа. Если получится, то можно перевести дух. Если нет, то тогда летальные акции сможет проводить лишь Скворцов. Это, конечно, заметно сузит наши возможности, но все-таки еще не катастрофично. Однако если власти вздумают давить на меня, угрожая Вере... тогда Антонов как можно быстрее избавляется от кода на Косыгина. Да-да, тем самым единственно доступным способом. И мы с ним в два лица, без сна и отдыха начинаем мочить всех, имеющих к этому безобразию хоть самое малое отношение.

Разумеется, тут при желании можно развести сопли насчет непричастных и невиновных, судьбы страны и прочего, но мы этого делать не будем. Именно мы, Антонов здесь полностью солидарен со Скворцовым, хоть и не испытывает к девушке особых чувств. Нет наверху невинных! У каждого есть свои скелеты в шкафу, и хорошо, если их там можно сосчитать по пальцам. Ну, а насчет судьбы страны... я в принципе готов ради нее рискнуть жизнью. Своей. Но жизнью близких — нет. Не готов и даже не собираюсь готовиться. Вот такой я нехороший человек. И Антонов как бы не хуже.

Глава 23

Шелепин убрал руку, уже потянувшуюся к трубке «вертушки», и задумался. Нет, звонить пока рано. Надо сначала самому попытаться понять, в чем тут дело.

Разумеется, в то, что Косыгину просто так захотелось пообщаться с ним в неформальной обстановке, Александр Николаевич не верил ни на йоту. Такое могло быть у них с Семичастным, да и то не очень часто. Но Алексей к нему, Шелепину, давно относится неприязненно. Подозревает в неосталинизме. Хорошо хоть с Леней они тоже далеко не приятели. Но все же — что заинтересовало предсовмина? Докладная о приписках на Минском радиозаводе? Может быть, но вряд ли — у него у самого таких материалов должно быть более чем достаточно. Недавно закончившее расследование Комитета партийно-государственного контроля о злоупотреблениях при продаже автомобилей в Москве? Уже теплее, но только в том случае, если там оказался замешанным кто-то достаточно весомый, а таких сигналов Шелепину не поступало. Или дело в чем-то другом, о чем он пока не знает? Черт, как мало времени. Был бы месяц, можно было бы попросить Володю хоть что-то разузнать, но за четыре дня... нет, ничего он не сможет, только зря подставится. КГБ запрещена несанкционированная разработка партийной номенклатуры, начиная с уровня члена ЦК, а тут член Президиума. А давать Семичастному санкцию от имени КППК — это означает так подставиться самому, что о последствиях лучше даже не думать. Леня подумает, за ним не заржавеет.

В конце концов, решил Шелепин, проще съездить на часок в Архангельское и самому разобраться, что все-таки понадобилось Алексею. Решено, прямо с утра в воскресенье еду.

Неожиданности начались сразу, как только Шелепин зашел в скромный дачный кабинет предсовмина.

Там, кроме хозяина, сидел молодой парень, широкоплечий, похоже, довольно высокий и совершенно к этому месту не подходящий. Он явно не был секретарем или еще каким-нибудь референтом, в этом отношении глаз у Александра Николаевича наметанный. Станный парень вел себя как равный в гостях у равного. И на него, Шелепина, смотрел как-то нехорошо... оценивающе, что ли. Да кто же это такой?

— Александр Николаевич, — официально, но с еле заметной усмешкой предложил Косыгин, — познакомьтесь, пожалуйста, с моим

гостем. Уверен, что это знакомство вызовет у вас определенный интерес.

Парень встал, протянул руку и представился:

— Виктор Васильевич Антонов.

— Шелепин, — представился в ответ Александр Николаевич и вдруг почувствовал, что в момент рукопожатия по телу как будто пробежал электрический разряд. Слабенький, но все же ощутимый. В голове мелькнула совершенно дикая, неуместная мысль — а может, Алексей решил просто его ликвидировать, и этот тип — исполнитель?

Да что же это за день такой, с чего бы в голову всякая ересь лезет?

Шелепин даже помотал головой, отгоняя наваждение. А парень продолжал:

— Я прибыл к вам из будущего, из две тысячи восемнадцатого года. Доказательства Алексею Николаевичу уже представлены, и он признал их исчерпывающими. Теперь ваша очередь. Смотрите.

Парень поднял с пола портфель, открыл его и перевернул. На стол вывалилось много мелких разноцветных предметов.

— Вот мой паспорт, прошу ознакомиться.

— При современном развитии печатного дела на западе напечатать советский паспорт — это такой пустяк, что о нем даже смешно говорить, — машинально процитировал Остапа Бендера Шелепин, но в душе что-то шевельнулось. Неужели правда? А если мистификация, то зачем она Косыгину?

— Благодарю за демонстрацию начитанности, но продолжим. Водительское удостоверение. Его, по-вашему, тоже нетрудно напечатать? Банковская карта — это что-то вроде вашей сберкнижки. Дебетная, кредитной у меня нет. Дисконтная карта в магазин радиодеталей, по ней я получаю скидку. Вот деньги нашего времени, рубли и евро, это общая валюта евросоюза. И, наконец, еще одно доказательство, но для его демонстрации я попрошу вас что-нибудь сказать.

— Не понимаю, кому и зачем понадобилась вся эта мистификация, — в некоторой растерянности буркнул Шелепин, — Алексей, может, хоть ты мне объяснишь?

— Благодарю, этого хватит, а теперь смотрите.

Гость Косыгина сел, положил на стол правую руку раскрытой ладонью кверху и сложил на нее паспорт, права, и карточки. Потом накрыл правую ладонь левой, немного откинулся назад и прикрыл глаза. Примерно минуту ничего не происходило, а потом Шелепину показалось, что ладони парня вроде как-то почти незаметно засветились, но наваждение быстро прошло.

Косыгинский гость открыл глаза, улыбнулся и раскрыл ладони. Ни

документов, ни карточек не было. Вместо них лежал свернутый в несколько раз листок бумаги.

— Читайте.

На листке типографским способом, причем исключительно качественно, было напечатано:

«Не понимаю, кому и зачем понадобилась вся эта мистификация. Алексей, может, хоть ты мне объяснишь?»

— Просто исчезновение документов и появление вместо них чего-то другого могло быть и фокусом, — пояснил парень. — Но здесь — ваши слова, которые я никак не мог знать заранее. Одно это является достаточно убедительным доказательством того, что я только что совершил переход в будущее, оставил там документы, распечатал вашу речь и с ней в руках вернулся в тот же момент времени, который покинул. Ну, может, и не совсем в тот же, а плюс несколько секунд. Если вам этого мало, отдайте бумагу на экспертизу Семичастному. Он вам скажет, что его эксперты не могут однозначно определить способ, коим это было напечатано. Сама бумага у них тоже может вызвать удивление. И давайте продолжим знакомство с доказательствами. Вот, смотрите, это электронно-вычислительная машина, неизмеримо превосходящая любую из ваших.

Александр Николаевич смотрел на демонстрацию возможностей плоского прямоугольника с цветным экраном невероятного качества размером с половину тетрадного листа, но сосредоточиться на увиденном не мог. Потому что вдруг понял — все, что ему рассказывает косыгинский гость — правда! Дикая, невероятная, сулящая неизвестно что, но правда. И что он там говорит о будущем? Развал Советского Союза, сопровождавшийся миллионными жертвами, реставрация капитализма, крах коммунистической идеи? И это тоже правда? Не может такого быть, ну не может!

— Да как же вы это смогли допустить, — простонал Шелепин. — Мы, не жалея себя, строили, а вы... наследники...

И тут вдруг гость вдруг смертельно побледнел и вскочил.

— Мы? — прошипел он, и Александр Николаевич с ужасом почувствовал, что его не слушаются ни руки, ни ноги. Если бы он не сидел, то сейчас наверняка упал бы.

— Мы?! — повторил гость, и голос его набирал силу. — Это я тебя должен спросить, как вы, зажавшиеся номенклатурные твари, ухитрились развалить, предать и продать мою страну! И призвать к ответу от имени всех, не переживших этого предательства! Это твоя партия, про которую ты тут плетешь славословия, развалила СССР, чтобы прикарманить себе все

его богатства! И начинается все сейчас, в том числе и под твоим, блин, чутким руководством!!!

Шелепин еще смог расслышать возглас Косыгина «Виктор, что с вами, успокойтесь!», а потом в глазах потемнело, и он почувствовал, что умирает.

Однако это все же был не конец.

Придя в себя, Шелепин увидел склонившегося к нему и держащего его за запястья парня — Виктора. Того самого, но создавалось впечатление, что в чем-то неуловимо изменившегося. Во всяком случае, теперь он не вызывал опасений, скорее наоборот.

— Очнулись? — спросил Виктор и добавил:

— Не волнуйтесь, ничего страшного с вами не случилось. Обычный обморок от избытка эмоций. И примите мои извинения за резкость. Вы, может и сами того не желая, ударили по больному, вот я и не сдержался. Еще раз извините, больше такого не повторится. Вы уже в норме? Тогда прочитайте, пожалуйста, про вашу дальнейшую судьбу.

После известия о развале Союза прочитанное не слишком впечатлило Александра Николаевича. Леня, значит, все-таки смог задвинуть того, кто привел его к власти, сначала на профсоюзы, а потом на пенсию. И то, что доживать придется в квартире дочери, у него даже своего жилья к старости не будет, вполне ожидаемо. Но ведь предупрежденный — вооружен! И мы еще поборемся!

Шелепин быстро приходил в себя. Все это надо тщательно обдумать, но не здесь! Дома.

Александр Николаевич не знал, что раненый зверь всегда стремится в свою нору, но чувствовал себя именно им. И, значит, нужно было в тишине и спокойствии срочно зализать полученные душевные раны.

— Объясните, что это было, — потребовал Косыгин, когда Шелепин покинул кабинет.

— Именно то, что вы видели. И о чем, я надеюсь, догадались. Шелепин, может и не намеренно, нашел больное место Антонова и ударил по нему. Ну, а тот не смог сдержаться.

— Тот? Антонов? А вы тогда...

— Да. Его аватара, Скворцов. У меня лучше получается лечить здешних, я ведь и сам из этого времени.

— Знаете, а мне как-то приятнее иметь дело с вами, нежели с ним. Клавдию Андреевну ведь лечили тоже вы?

— Совершенно верно.

— Значит, мне правильно показалось. Вы, значит, лучше лечите. А тот... Антонов... он что лучше делает?

— Именно то, о чем вы подумали.

— Да уж... слушайте, а он не может перепоручить связь со мной вам? Мне будет как-то спокойнее.

— Думаю, это возможно.

Ну и дела, думал я, неспешно возвращаясь домой на «Москвиче». Это же надо было Антонову так психануть! До всей этой межвременной эпопеи он к подобным вещам относился спокойнее. А тут, в качестве меня пожив в шестидесятых, видимо, понял, что он в своем будущем не только приобрел, но и потерял. Причем потерял как бы не больше приобретенного. Да тут еще встрял Шелепин со своими претензиями... вот человек и не выдержал.

Однако тот Витя, оказывается, может показать класс, когда захочет. Или когда его припрет. Куда там моей беспомощной возне с Ионесяном! Шелепину оставались считанные минуты жизни, когда Антонов опомнился и перекинулся мной. Ну, а я успел вытащить Александра Николаевича. Стоп, но он же был «никаким» и для меня, и для Антонова! В чем тут дело?

Это смог понять только спустя минут двадцать, а заодно слегка разобрался с вопросом о кодах доступа.

Итак, каждый из нас, Антонов и Скворцов, может хранить по два кода. Но исчезают они не в момент смерти объекта, а в момент начала деструктивного воздействия. И, значит, если Антонов получил код, а потом начал убивать его носителя, но не успел, ибо в процесс вмешался Скворцов...

То, во-первых, код исчезает, освобождая место для нового, а объект остается в живых.

Во-вторых, после этого Скворцов сможет на него воздействовать независимо от классификации. «Никаким» он до того был или там «девятым», роли больше не играет.

И, наконец, спасенный таким способом отныне становится для Скворцова «десятым». Во всяком случае, Шелепин стал именно им. Интересно, а наоборот это будет работать? Например, в двадцать первом веке Скворцов начнет кого-нибудь мочить, потом клиента откачает Антонов и отныне сможет его лечить, как самого себя?

— Ты сначала научись становиться Скворцовым в будущем, — напомнил мне Антонов, — а потом уж строй наполеоновские планы.

— Обязательно, — кротко согласился я, — а ты сегодня ни в какую «Рыбу» не поедешь. Нервы тебе надо лечить, а не по бабам шляться!

Антонов действительно чувствовал себя виноватым, поэтому «Москвич», нигде, кроме светофоров, не останавливаясь, проехал по Ленинскому проспекту до самой улицы Губкина, где я вернул его

Ефремову, пересел на мопед и поехал домой.

И уже дома обратил внимание вот на что. Я же в качестве объекта для посвящения собирался предложить Воронова! Потому что он не только скоро пострадает от Брежнева, но и нормально относится к Косыгину. А тут вдруг не пойми с чего взял и все переиграл. Причем, похоже, именно в том ключе, как было желательно самому Косыгину. Так, может, это он как-то склонил меня к такой импровизации? Каким-нибудь нейролингвистическим образом. Если так, то старик силен, такому палец в рот не клади. В общем, надо не пожалеть времени и внимательно прослушать все записи наших с ним бесед.

Глава 24

В апреле шестьдесят пятого года моя карьера вдруг сделала стремительный финт с подъемом и поворотом. Во-первых, я совершенно неожиданно для себя получил очередное воинское звание. Впрочем, не такое уж высокое — в истории бывали прецеденты и покруче. Например, Голованов из гражданских пилотов сразу стал полковником, а через несколько лет — маршалом. Нынешний председатель КГБ Семичастный, до того ни дня ни служивший в армии, при занятии своего поста мгновенно обзавелся погонами генерал-лейтенанта, а недавно подрос до генерал-полковника.

На таком фоне я сам себе казался опытным, убеленным сединами ветераном, прошедшим огонь, воду и медные трубы нелегкой воинской службы. Не как некоторые.

Антонов имел в своем активе военную кафедру и двухмесячные сборы, после которых он стал лейтенантом запаса. Ну, а Скворцов вообще оттрубил три года, демобилизовавшись сержантом. Правда, в памяти у него сохранился только последний месяц службы, проведенный в госпитале, но это мелочь, не стоящая отдельного упоминания. Главное, присягу-то он принимал! Об этом даже документ есть. А что воспоминаний нет, так это его личное дело, которое никого не касается.

И, значит, Владимир Ефимович Семичастный лично вручил мне корочки старшего лейтенанта КГБ, уточнив, что это только трамплин для прыжка в капитаны. Причем, что удивительно, паспорт у меня так и остался. Впрочем, я даже не стал выяснять, просто ли его у меня забыли забрать, или в комитете вообще так положено, или исключение было сделано специально для уникального сотрудника товарища Скворцова.

А во-вторых, я прямо из старших инженеров, в которых успел побыть всего ничего, стал заведующим лабораторией. Причем не простой, а отдельной. Теоретически я подчинялся напрямую Президиуму Академии Наук, но именно что теоретически. Я в том Президиуме пока даже не был ни разу. И Келдыша не видел даже краем глаза. А он про меня если и слышал, то только краем уха.

Более или менее сведущие люди считали, что моим начальником является Семичастный. В этом уже было зерно истины, но на самом деле не такое уж крупное.

Реально задачи отдельной лаборатории перспективных технологий АН

СССР ставил Косыгин. И перед ним же я отчитывался.

Пока моя ОЛПТ базировалась в том же подвале, где она и зародилась, только бранные останки почивших приборов и установок оттуда все же убрали. Потому как нас теперь там работало четверо — я, старший инженер и два лаборанта. Бюрократическими структурами лаборатория пока не обросла и паразитировала на фиановских, но это было временное явление.

Неподалеку от поселка Троицкий уже начал строиться научный центр АН СССР «Красная Пахра», и там на базе моей лаборатории должен был образоваться небольшой институт, два его корпуса, соединенные переходом, уже возводились.

Разумеется, становиться директором этой конторы я не собирался. Ну типа делать мне больше нечего, кроме как бегать со всякими бумажками по главкам и министерствам, а потом спать на заседаниях. Косыгин с моими аргументами согласился и сказал, что я, наверное, так и останусь завлабом. Директора он мне подберет сам, трех замов директора найдет Семичастный, а мне останется только плодотворно трудиться на ниве вброса высоких технологий из туманного будущего в светлое настоящее.

Кстати, и мои жилищные условия тоже должны скоро измениться — во всяком случае, строители обещали сдать дом к сентябрю. Поначалу меня пытались склонить к отдельной квартире, но я заявил, что нашей главной задачей является строжайшее самоограничение материальных потребностей, основанное на понимании места человека и человечества во вселенной, как мыслящего вида, абсолютном самоконтроле, и безусловном превосходстве духовных ценностей перед материальными.

Это я процитировал Ефремова, но майор Игнатий Павлович Зонис, курировавший мой быт и охрану по линии комитета, слегка охренел, так что пришлось объяснить попроще:

— Жил в коммуналке и буду жить, причем с теми же соседями. Рылом я еще не вышел для квартиры как у член-корреспондента.

И, значит, в строящейся пятиэтажке улучшенной планировки нам с Астаховыми предназначалась четырехкомнатная квартира на втором этаже. Одна большая проходная комната, из нее в одну сторону две двери в десятиметровые комнаты, в другую — дверь в комнату площадью восемнадцать метров. И восьмиметровая кухня.

В создающемся академическом центре тоже был свой небольшой автокомбинат, так что дяде Мише даже не придется менять место работы, он просто переведется из одного подразделения в другое. Ну, а уж с детскими садами и вовсе просто, тетя Нина без работы не останется.

Естественно, я предложил соседям два варианта. Первый — тот, про который уже рассказал, а второй — я съезжаю, а бывшая моя комната остается им, это я смогу обеспечить. И, что было столь же естественно, они единогласно, включая Джульку, выбрали первый вариант. На днях я уже свозил их на место будущего проживания и показал строящийся дом. Всем понравилось. Мол, и места-то какие красивые, и лес рядом, и река, и до Москвы рукой подать, всего-то двадцать километров, причем автобусы уже ходят.

Особенно радовалась Вера. Дело в том, что Астаховы не имели родственников в деревне. Дядя Миша являлся коренным москвичом, причем он даже сам не знал, в каком именно поколении, а тетя Нина была хоть и из Смоленской области, но сиротой. И выезды Веры на природу ограничивались только пионерлагерем, так что теперь лес, начинающийся чуть ли не прямо под окнами, казался ей чем-то огромным, восхитительным и полным тайн. Она уже взяла с меня обещание обязательно научить ее искать грибы и отличать съедобные от несъедобных. А также ловить рыбу в речке Пахра.

Ну, и теперь все контакты с властями осуществлял я, то есть Скворцов. Антонов, как оказалось, все-таки чувствовал себя чужим в прошлом, постоянно опасался что-то сделать не так и поэтому был на нервах. И Шелепина он воспринимал не столько как почти всесильного секретаря ЦК, а как помершего четверть века назад яркого представителя столь нелюбимой им номенклатуры. И вообще, живу-то здесь я! Значит, именно на мне, а не на каком-то проезжем секс-туристе, ответственность за все, что мы с ним тут сделаем. Поручать все контакты Антонову было нашей с ним общей ошибкой.

Все это пришлось изложить Косыгину, который после того эпизода относился ко мне несколько настороженно, однако услышанное его успокоило. Я пообещал, что Антонова он увидит только тогда, когда сам его пригласит. Ну, а Шелепин так и не узнал, что был на волосок от безвременной гибели. И, хочется надеяться, никогда не узнает. Грубость же Антонова на него не подействовала — они там в ЦК еще и не так друг друга крыли, особенно после стакана-другого. Главное, что я, с его точки зрения, имел право на эмоции. Мой статус путешественника во времени в его глазах хоть и не имел явных здешних аналогов, но все же был достаточно высоким.

С Семичастным же мы были уже на «ты». Правда, получилось это в значительно мере случайно. Он почти в самом начале знакомства спросил — «Вить, ничего, что я к тебе обращаюсь на ты?» и получил ответ:

— Конечно. А мне тоже на «ты» можно?

Так как Семичастный старательно изображал из себя такого простого рубаху-парня, то ему ничего не оставалось, кроме как ответить «разумеется». А сейчас мы уже привыкли, он ведь ненамного старше Скворцова, а с точки зрения Антонова вообще пацан.

Надо сказать, что к информации о будущем он отнесся куда спокойней, чем его друг Шелепин. Просто хмыкнул что-то не очень разборчивое, но однозначно нецензурное, на чем вопрос был исчерпан.

Его, ясное дело, сильно интересовала информация о вражеских агентах и предателях. Я, не чинясь, тут же рассказал ему про Полякова.

— Он что, был один такой? — поинтересовался Володя, спрятав листок с закорючками, которые делал во время моего рассказа.

— Разумеется, нет. Но про остальных я расскажу после того, как узнаю, что все, причастные к смерти сына Полякова, как минимум вылетели со службы без погон и с сорокарублевой пенсией. А лучше, чтобы и вовсе сели. И дело тут не в моей мстительности или кровожадности, а в том, что такие люди вредят Советскому Союзу больше, чем десяток Поляковых.

— Однако они не из моего ведомства.

— С каких это пор трудности начали пугать настоящего коммуниста? Тем более, что есть еще и Шелепин. Например, пусть он осторожно покатит бочку на ГРУ. Леня, конечно, встанет на защиту военной разведки — просто в пику Александру Николаевичу. Вот тут и будет самое время предъявить материалы на Полякова. Или можно еще что-нибудь придумать, я на своем варианте не настаиваю.

— Ладно, пока и этого хватит, — согласился Семичастный. — Кстати, а эта твоя ЭВМ шифры взламывать не умеет?

— Точно не знаю, но скорее всего такие возможности у нее есть. Однако для такой работы мне, во-первых, придется самому научиться прикладной криптографии, и быстро это вряд ли получится, а во-вторых, после этого я все равно по этой тематике в полную силу работать не смогу, мне и на задания Алексея Николаевича времени не всегда хватает. Поэтому давай я лучше тебе вычислительный центр организую? Пришли подходящих сотрудников, их у меня в подвале обучат работать на ЭВМ чуть попроще.

И, значит, теперь мои подчиненные в поте лица готовили ящики из-под «Вег» под установку туда плат от программируемых калькуляторов. На мою долю оставался финал — то есть вставить иновременные внутренности и распаять уже подготовленные по месту провода. Комитет

госбезопасности заказал мне восемь секретных вычислительных машин «Вега-КПВ», то есть «Вега с Касио Программируемым Внутри». Впрочем, афоризм «внутри у ей неонка» был еще неизвестен даже его будущим авторам. С которыми, между прочим, Ефремов обещал меня скоро познакомить.

За тем, чтобы в комитетском ВЦ их никто не пробовал вскрывать, Семичастный проследит сам. Хотя просто так там все равно ничего не увидишь, начинку калькуляторов я после монтажа и проверки работоспособности заливал непрозрачной эпоксидкой. Что под ней, даже мои подчиненные не знали, но подозревали, что там разработанные где-то в недрах КГБ позитронные мозги первого поколения.

Ну, а еще в мой актив можно записать то, что реформы Косыгина в ближайшее время не предвидится. Во всяком случае, в известном нам с Антоновым варианте Косыгина-Либермана. Прочитав все предоставленные ему материалы на эту тему, предсовмина вздохнул:

— Эх, а ведь как красиво на бумаге выглядело... но правильно я говорил Евсею Григорьевичу, что даже минимальные уступки капитализму подобны дырке в плотине. Рано или поздно, но вода ее размочит. И будет вместо хозрасчета — рынок, вместо собственности трудового коллектива — частная, а там и до юридически оформленной реставрации капитализма недалеко.

— Ну вот, — поморщился я, — и вы туда же. Далась вам эта частная собственность! Социализм — это строй, смыслом существования которого является социальная справедливость. И определять его по отсутствию частной собственности некорректно. Впрочем, некорректны любые определения по принципу отсутствия у объекта чего-то. Например, у кошки нет ни рогов, ни крыльев, ни жабр, и что, будем ее так определять? Опарыш под отсутствие таких признаков тоже подходит.

— Но ведь именно частная собственность является основой эксплуатации человека человеком!

— Не основой, а одним из инструментов. В СССР, например, ее нет, а эксплуатация есть.

— Где вы ее увидели?

— Мест полно. Например, Институт марксизма-ленинизма. Пользы стране от его сотрудников даже не ноль — отрицательная величина, зато жрут гады в три горла и вообще живут так, как простому трудяге и не снилось. То есть имеет место принудительное изъятие прибавочной стоимости труда рабочих в их пользу. Это что, не эксплуатация?

Да, при помощи частной собственности эксплуатировать трудящихся

можно, это доказал Маркс. А при помощи кухонных ножей и вилок человека можно не то что эксплуатировать, а и вообще убить, это прекрасно доказывают сводки МУРа.

Так как беседа проходила за завтраком, то Косыгин с преувеличенным опасением скосил глаза на мою вилку. Но на меня такие тонкие намеки не действуют, и я вдохновенно продолжаю:

— Газеты тоже могут нанести немалый вред, так давайте их запретим и будем ходить с грязной ж... й! А жрать руками.

Самая что ни на есть типичная чиновничья реакция — если в чем-то обнаруживается негативная сторона, то это что-то надо немедленно запретить. Но ведь негативные стороны есть во всем. Что, вот так возьмем и все запретим? Как частную собственность, у которой есть и отрицательные, и положительные стороны.

— Хорошо, но вот как тогда лично вы определите социализм? Что это, по-вашему, такое?

— Это общественный строй, при котором на близком к максимально возможному на данном этапе развития уровне реализуется принцип «от каждого по способности, каждому по результатам его труда». И пока в том же институте марксизма и множестве ему подобных мест жируют вредители и бездельники, говорить о социализме в СССР преждевременно. Вот когда перед ними встанет выбор — сдохнуть от голода или отправиться таскать шпалы на стройке Байкало-Амурской магистрали, я первый в голос заору «да здравствует социализм» и «слава товарищу Косыгину». Ну или еще кому кто сможет это обеспечить.

И давайте вернемся к ножам. С их помощью можно как резать хлеб, так и убивать. Их правильное применение обеспечивает уголовный кодекс и органы правопорядка.

Ну, а теперь перейдем к частной собственности. Она может обеспечить как ускоренное экономическое развитие, так и зверскую эксплуатацию трудящихся. Но это значит всего лишь, что необходим какой-то экономический кодекс наподобие уголовного. И силовые структуры, обеспечивающие его выполнение. Дэн Сяопин — вы ведь уже прочли, кто это такой? — вообще считал: все, что приводит к росту благосостояния трудящихся, это очередной шаг к социализму. Вот так, шаг за шагом, и можно будет подойти к настоящему социализму поколения за два. Или за три, а иначе никак. И как вы считаете, частные шашлычные и пельменные улучшат это благосостояние или нет? На черноморском побережье, например, где человеку, если он не постоялец ведомственного пансионата, толком и поесть негде. Очереди офигенные, хотя отдыхающих на самом

деле не так уж много.

Потом я рассказал про дедка на мотоцикле, развозившего диким туристам вино и воду. И риторически спросил:

— Или вы считаете, что этим тоже должно заниматься государство? Создать специальное министерство, в нем два главка, отдельно водовозный и отдельно виновозный, посадить туда чиновников, наплотить кучу ведомственных инструкций... сколько тогда та вода будет стоить, я уж про вино не говорю? Особенно если прибыль считать по Либерману, умножая себестоимость на спущенный сверху коэффициент. Да те же туристы скорее научатся сами морскую воду опреснять и гнать самогон из водорослей, чем будут ждать милостей от государства за бешеную цену и без гарантии, что они вообще состоятся.

— На вас, Виктор, не угодишь, — скривился Косыгин. — То вам реформа вредная, она положила начало негативным явлениям, в конце концов приведшим к реставрации капитализма и развалу страны, то, как сейчас, давайте прямо с завтрашнего дня начнем, да порезвее, порезвее! И ведь все это говорит один и тот же человек. Антонов тут не появлялся, я вас уже более или менее различаю.

— Так я про что говорю? Про то, что реформа, проведенная в прошлом Антонова, принесла все-таки больше вреда, чем пользы. И, с моей точки зрения, потому, что начата была не с того конца. Не сверху надо было начинать, а снизу!

— Например, как ваш Горбачев.

— Простите, но он скорее ваш, чем мой. Я его наверх не тащил. И его, так сказать, «заслуга» в том, что он одним простым штрихом ухитрился скомпрометировать и индивидуальную трудовую деятельность, и кооперативное движение. Просто открыв задвижку между наличными и безналичными деньгами. Ясное дело, обналичкой и распродажей государственных ресурсов заниматься куда выгоднее, чем жарить шашлыки или шить купальные костюмы. Вот все туда и кинулись.

— Вы считаете, что частники и кооператоры смогут обойтись без бзнала?

— Ну вот Антонов, например, неплохо обходился. И я обхожусь.

— Ага, получая детали для штучного изготовления магнитофонов из будущего.

— У Антонова такой халявы не было, поэтому его прибыль на каждом заказе составляла примерно сто процентов от вложений. А у меня — чуть больше трехсот, разница только в этом.

— Однако сейчас вы, насколько я в курсе, новых заказов не берете.

— Правильно. Потому что я, во-первых, патриот своей страны и хочу ей помочь, раз уж представилась такая возможность. А во-вторых, изготовление калькуляторов государство мне оплачивает более щедро, чем граждане — магнитофонов и усилителей. То есть мы видим блестящую иллюстрацию эффективности государственного регулирования даже в области индивидуальной трудовой деятельности.

Глава 25

Поначалу я летом шестьдесят пятого года вообще отдыхать не собирался — было просто некогда. Только успел собрать восемь «Вег» для Семичастного, как меня запрягли делать видеосистему для автоматической межпланетной станции «Луна». Насколько я понял, это была «Луна-9» — та, что первой в истории (но, кажется, с восьмой попытки) смогла (то есть еще только сможет) совершить мягкую посадку на спутник Земли. От меня хотели аппаратуру, обеспечивающую более высокое качество передаваемых изображений — и, естественно, в цвете. Но это были еще цветочки. Сейчас где-то наверху утрясали техническое задание на луноход, и, когда оно появится, про отдых, наверное, придется вовсе забыть до лучших времен. Типа вот когда коммунизм настанет, тогда и отдохну от души.

Однако мой отказ от отпуска привел к тому, что и соседи решили обойтись без него. У дяди Миши была возможность получить вместо отпуска денежную компенсацию, и он собирался ей воспользоваться. Тетю Нину отправляли отдыхать принудительно, детский сад все равно закрывался на июль, но она планировала остаться в Москве и заняться шитьем, стиркой и уборкой. Ну, а Вера хотела все три месяца проработать в Ботаническом саду, там же, где и в прошлое лето.

В общем, мне стало несколько неудобно, и, так как шасси для лунохода все равно собирались делать в Ленинграде, я попросил куратора по быту и охране Зониса организовать мне семейную путевку на четверых куда-нибудь в пансионат или санаторий неподалеку от города на Неве. Не задавая лишних вопросов, товарищ майор сделал пометку в своей потрепанной записной книжке, а через пару недель вручил мне путевку в ведомственный санаторий в Петергофе, который сейчас назывался Петродворец. Нет, ну кто же догадался сменить историческое название на это корявое слово?

Поначалу я собирался ехать туда на мотоцикле, отправив Астаховых на поезде, однако Косыгин уперся.

— Еще разобьетесь, — уточнил он свою позицию. — Езжайте на машине.

— Полвека ездил и не разбивался, причем иногда в условиях куда более интенсивного движения, чем сейчас. Кроме того, Ефремовым «Москвич» самым нужен. А мне в Ленинграде понадобится транспорт, на автобусах и электричках передвигаться получится только неторопливо.

— Да кто про этот «Москвич» говорит? На время командировки выделим вам «Волгу» с водителем.

— Без. Потому как ехать в одной машине впятером да еще с не такой уж маленькой собакой — удовольствие ниже среднего, даже если это «Волга». Кроме того, у нас на четверых два водителя. Один с двадцатилетним стажем, а другой и вовсе с пятидесятилетним. Короче, машину возьму, водителя — нет.

«Волга» оказалось почти новой, с пробегом всего в три пятьсот, и ухоженной. Правда, она была не черная, а бежевая, но на ее ходовых качествах это никак не сказалось. Мы выехали из Москвы в пять утра, по дороге меня пару раз сменял за рулем дядя Миша, и уже к восьми вечера поездка завершилась.

Наш номер был трехкомнатным — гостиная и две спальни. Ту, что побольше, заняли соседи с Джулькой, которого вообще-то сначала хотели поселить в гостиной, но он наотрез отказался, а в комнате поменьше поселился я. Вот уж не знаю, тут просто сейчас были такие порядки или администрацию санатория предупредил комитет, но про Джульку нам никто не задал ни одного вопроса, не говоря уж о проявлении недовольства. Интересно, а если бы мы приехали с медведем?

Вечер ушел на обустройство, а с утра начались мои рабочие будни.

ВНИИ-100, которому было поручено разработать шасси для лунохода, располагалось на западной окраине Ленинграда, рядом с каким-то кладбищем. От санатория я на «Волге» доехал туда минут за пятнадцать — ранним утором движение вообще практически отсутствовало. Меня уже ждали. И сотрудники, и стальной ящик, опечатанный комитетскими печатями, вскрывать который имел право один я. В ящике лежали шесть бесколлекторных электродвигателей, шесть контроллеров к ним и три десятка литиевых аккумуляторов размера 26650. Так как этот луноход задумывался существенно меньшим, чем тот, что уже ползал по Луне в прошлом Антонова, то у него пока предполагалось только четыре колеса. Ну, а два комплекта предстояло подвергнуть испытаниям. Если их сожгут в процессе, Антонову придется снова поработать.

Да уж, это оказалась не такая простая задача — убрать с авиамodelьных электродвигателей все надписи, нанесенные лазерной гравировкой, и чтобы результат смотрелся не слишком вызывающе. Однако у Антонова, хоть и с помощью какой-то матери, это получилось. Если эти движки люди ухитрятся спалить, то и еще раз получится.

Почему мы с ним выбрали именно авиамodelьные движки? Ну, во-первых, потому, что Антонов с ними уже знаком. Во-вторых, у них

наилучшее отношение мощности к весу. Ресурс, правда, небольшой, но это только на максимальной мощности. Если же их нагружать не более чем наполовину, то они проработают долго. Тем более что луноходу не придется наматывать десятки тысяч километров. Хорошо, если десять кэмэ пробежит, а двадцать — это будет вовсе идеально. Запас же мощности ему пригодится, если придется выбираться из какой-нибудь лунной колдобины.

Тот эскизный проект лунохода, который я предложил, был существенно меньше своего прототипа. Его медийные возможности я сильно увеличил, а научные вообще ампутировал. Просто потому, что хотел отделить мух от котлет. В конце концов, если луноходик будет весить вчетверо меньше того, который бродил по Луне в мире Антонова, то той же ракетой их можно будет запустить четыре штуки. Два медийных, то есть говорящих, поющих, умеющих оставлять следы огромного исторического значения, снимать кино и втыкать флаги, и два научных, но до них пока очередь еще не дошла. Все равно платформа у них будет одна, и ее разработают и сделают здесь, во ВНИИ-100. Скорее всего, она будет четырехколесной. Хотя тут еще надо смотреть, что получится проще — делать передние колеса поворотными или ставить их шесть и поворачивать на манер танка.

— Вот, значит, моторы, — я, подняв за провода, продемонстрировал движок. — Бесколлекторные. Вес — около двухсот граммов, мощность — постоянная киловатт, кратковременная до двадцати секунд — кило четырехста.

— Как вам это удалось? — удивился самый молодой из разработчиков.

— Мощные магниты и высокие обороты. Полторы тысячи оборотов на вольт. Максимально допустимое напряжение питания двадцать пять вольт, максимальное постоянно действующее пятнадцать, номинальное одиннадцать. По схеме это обычный шестиполюсный трехфазный синхронный мотор, вот его контроллер питания.

Если к мотору люди отнеслись хоть и с удивлением, но все же более или менее спокойно, то контроллер поверг их в шок своими размерами и весом. Он был раз в сто меньше и легче, чем ожидали увидеть инженеры. Причем вместе с заливкой черным компаундом, платы двадцать первого века я никому показывать не собирался.

— Он точно работает? — раздался неуверенный вопрос.

— Сами убедитесь, вам же проводить испытания. У нас их проверяли только в нормальных условиях, а вам предстоит выяснить границы работоспособности по вибрациям, температуре и давлению. И, кстати, на воздействие радиации тоже проверить не помешает. Естественно, не

исключен выход изделий из строя. Так вот, еще раз предупреждаю, хоть про это и написано в сопроводилровке — никаких попыток разобрать изделия, отколупнуть кусочек или посмотреть, что там внутри. Подписку давали все, и что бывает за разглашение, тоже все знают. В случае выхода образца из строя его надо положить в сейф вместе с отчетом, при каких условиях это произошло, и поставить в известность меня. При невозможности — подать рапорт на имя Владимира Ефимовича Семичастного. В ближайшие две недели я живу в санатории, вот здесь название, адрес и телефон администратора. К вам буду приезжать каждый день в восемь утра и сидеть здесь столько, сколько понадобится.

— А это что?

Ну то есть люди отошли от шока, вызванного контроллерами, и обратили внимание на аккумуляторы. Естественно, термоусадку с надписями я с них срезал, и сейчас они выглядели цилиндриками из фольги, обмотанными полупрозрачной желтой пленкой.

— Аккумуляторы для питания двигателей и аппаратуры. Рабочее напряжение каждого — три и семь вольт, максимально допустимое — четыре и два, минимальное, ниже которого наступает деградация — два и восемь. Емкость пять ампер-часов. Максимальный разрядный ток двадцать ампер, зарядный — два с половиной. Контролеры заряда и элементы солнечных батарей будут чуть позже. Ну, а теперь жду вопросов. На самый первый могу ответить сразу, не дожидаясь его озвучивания — все это разработано и изготовлено в НИИ «Мечта», совместный проект Совета министров и Комитета госбезопасности.

Ну да, мое будущее место работы уже обзавелось названием. Правда, весь штат пока состоял из девяти человек, причем четверо были директором и тремя его заместителями. По хозяйственной части, по производству и по режиму. Когда институт получит здание и начнет хоть как-то работать, четвертым замом — по науке — все-таки придется стать мне. Как можно совместить такую должность с отсутствием не только ученой степени, но даже высшего образования, мне пока не сообщили. Впрочем, Семичастному наверняка будет нетрудно нарисовать мне диплом, а Косыгину или Шелепину — обеспечить защиту диссертации или вовсе присвоение степени без защиты.

Неожиданно мне пришлось начать с ответа на вопрос, посвященный не луноходу, а Луне. Оказалось, что многие подозревают — Луна покрыта слоем пыли. Откуда они это взяли? В Москве роман Кларка «Лунная пыль» появился в продаже перед самым моим отъездом. Здесь что, раньше? Или они его в оригинале прочитали? Но как бы то ни было, для езды по пыли

требуются совсем другие колеса, чем для передвижения по твердому грунту. А универсальные, то есть пригодные и для того, и для другого, ставили под сомнение заданные габариты и вес всей конструкции.

Разобравшись, в чем тут дело, я попросил лист бумаги и написал на нем:

«Ответственно заявляю, что Луна твердая. В. В. Скворцов», после чего поставил дату и расписался.

— Откуда вы это можете знать?!

— Не имею права разглашать, так что примите на веру.

— Но если там все же окажется пыль?

— Тогда виноват буду я, а не вы, для того документ и написан.

Самые разнообразные вопросы иссякли только к обеду, который был не только вкусным, но и бесплатным. Причем для всех, не только для меня, это у них тут во ВНИИ такие порядки. А после обеда я поехал к своим, в Петродворец. На сегодня работа была закончена, до следующего утра предстояло только отдыхать.

В номере я обнаружил ожидающих меня Веру с Джулькой. Старшие Астаховы ушли гулять, а эти почему-то сидели в четырех стенах.

— Ну и как тут море? — поинтересовался я.

— Не знаю, мы же там еще не были! Тебя ждали.

— Я же сказал, что приеду никак не раньше часа.

— А вдруг ошибся бы? И приехал бы сюда, а тут пусто.

— Ага, и расстроился бы, и сел бы в уголке плакать в одиночестве.

— Ну, может, и не сел бы, только зачем такое? Ты никогда на Балтийском море не был, я тоже, Джулька вообще никакого не видел. Вот сейчас все вместе и пойдем.

— Ты хоть обедала?

— Да, а ты?

— Тоже. Тогда, действительно, пошли. Фотоаппарат возьми.

— Ой, как же это я, спасибо, чуть не забыла!

Вера, кстати, была права — Балтийского моря я не видел ни разу. Ни в ипостаси Антонова, ни в здешней, Скворцова. Правда, Антонов однажды отдыхал в Юрмале еще в советское время, но это было зимой. В Ленинграде, а потом и в Санкт-Петербурге он, разумеется, бывал, но только в командировках. А там не то что на море — на Медного всадника-то посмотреть еле нашлось время!

Море было как море, только по сравнению с Черным мутноватое и холодноватое, однако нам с Верой такие мелочи радоваться жизни не мешали. А вот Джулька растерялся. Столько воды разу он не видел ни разу

в жизни, а тут еще хозяева в эту воду вошли и с каждым шагом удалялись от берега, оставив его в одиночестве. Поначалу он метался у воды, растерянно повизгивая, но потом решился, плюхнулся в море и поплыл к нам. Получилось у него неплохо, хотя до этого купался он только в ванне.

Поздним вечером, когда соседи уже спали в своей комнате, я прилег, вздремнул пару минут и проснулся уже с четырьмя маленькими, семь на семь сантиметров, солнечными элементами и контроллером заряда для литиевых аккумуляторов. У Антонова прошло два дня, контролер он паял сам, так как он был нужен перестраиваемый на разное число включенных последовательно элементов, и его было проще сделать самому, чем разыскивать по магазинам. Там, в восемнадцатом году, наконец-то наступила зима, ударили морозы и выпал снег, причем сразу много. Коммунальные службы, как всегда, очень удивились такому странному природному явлению, как снег зимой, но все же, кажется, собирались приступить к его уборке.

По моим прикидкам, солнечные элементы из двадцать первого века были в полтора раза эффективнее здешних и имели вдвое большую отдаваемую мощность на единицу веса. Антонов прислал два монокристаллических и два поликристаллических, пусть во ВНИИ-100 их испытают и решат, какие им больше подходят.

Но все это было, так сказать, прелюдией перед главной задачей — оснащением платформы манипуляторами. И, естественно, бортовым процессором, без него не обойдешься. Зачем луноходу руки? Ну вы даете. А флаг в Луну чем он втыкать будет? Жесты патриотичные делать на камеру — ну типа вон она, Земля, наша родина и колыбель человечества, но мы, отважные советские роботы, трудностей не боимся, нас воспитала самая передовая в мире коммунистическая партия. Ох, блин, ведь ближе к делу мне же всю эту хрень писать придется! Ну да ничего, справлюсь. Точнее, Антонов справится, ему доводилось сочинять и не такую муйню.

Глава 26

Как уже упоминалось, если я, скажем, засыпал Скворцовым и просыпался Антоновым в двадцать первом веке, то он был полностью выпавшимся, даже если задремал на пару минут. В обратную сторону это правило работало точно так же, поэтому во время совмещенного с работой отдыха в Петродворце, когда мне часто требовались детали из будущего, примерно половину ночей я бодрствовал. Спать не было никаких сил. Ну я и начал потихоньку тренироваться для получения возможности быть Скворцовым в двадцать первом веке. Первым этапом стало то, что, просочившись в будущее и став там Антоновым, я наконец получил возможность беседовать с ним от имени Скворцова — то есть как он в шестидесятых.

Поначалу тема была совершенно несерьезной.

— Вот сейчас немного освоюсь и пойду к твоей Свете. — заявил я. — А то меня там, в шестидесятых, уже несколько напрягает монашеский образ жизни.

— И даже совесть не будет мучить? — ненатурально удивился Антонов. — Неужели ты вот просто так сможешь взять и изменить своей ненаглядной Верочке? Как это низко... и с кем — с любимой женщиной своего, можно сказать, духовного брата-близнеца! А, впрочем, ладно, бери черную икру, только потом не забудь компенсировать убыль, и иди. Мне даже интересно, заметит она подмену или нет. Заодно потренируешься ставить блокировку на мою память, чтоб я, значит, сразу забыл твой разврат. Подозреваю, что это будут не те воспоминания, которые следует трепетно хранить в глубинах памяти.

Ну, а после такой разминки мы перешли уже к обсуждению более интересного вопроса. Я поинтересовался:

— Тебе не кажется странным поведение Шелепина в отношении Королева? Шурик вплотную занялся космосом, получил все сведения о болезнях Королева, но до сих пор в этом направлении не делает ничего. И Косыгин не предлагает мне встретиться с Сергеем Павловичем на предмет посмотреть, нельзя ли его подлечить.

— Да чему ж тут казаться? Все предельно ясно. Оба прекрасно понимают, что с прекращением работ по Н-1 Королев не согласится никогда, и с отказом от попыток высадиться на Луне первыми тоже. А так как такое решение еще не принято, и его принятие пока под вопросом, то

Королев, возмущившись, сможет ему помешать, ведь его поддерживает Устинов. Вот, значит. Алексей с Александром и решили — пусть лучше события идут естественным путем. Причем в конце года Косыгин, скорее всего, демонстративно попробует что-нибудь предпринять, но только тогда, когда пить боржоми будет уже поздно. Он осторожный человек и наверняка захочет иметь какие-то оправдания перед тобой. Хрен же тебя знает — ты хоть и не Антонов, но вдруг тоже озвереешь, узнав о смерти Королева? А Шелепина под рукой как назло не окажется, вот ты и сорвешь зло на Алексея. Кстати, если соберешься, лучше позови меня. Я до сих пор храню его код доступа, да и сам процесс у меня проходит техничней. Гораздо быстрее, клиент почти не мучается.

— Это ладно, но делать-то ты предлагаешь что?

— Ничего. В смысле, ничего не предлагаю. Это твое время и твоя страна, моей она была давно. Тебе и решать, что скажешь, то и буду делать. Хватит, мне до сих пор стыдно вспоминать, как я там сорвался на Шелепина.

— Да ты особо не расстраивайся, положительные стороны в этом тоже были.

Тем временем во ВНИИ-100 сделали эскизный проект лунохода. В отличие от коллеги из антоновского прошлого, этот был четырехколесным и имел форму не ночного горшка, а прямоугольного ящика. Солнечные батареи раскладывались сверху на все четыре стороны. Места крепления манипуляторов находились посередине, так что эти руки могли разворачиваться как вперед, так и назад. Правда, мое предложение сделать их на электрических сервоприводах понимания среди инженеров не встретило. Мне сказали, что тут лучше подойдет гидравлика, в проектировании которой у них уже есть немалый опыт. А в качестве мотора для гидронасоса можно использовать такой же движок, как и для колес. Кроме всего прочего, такая конструкция позволит сделать манипуляторы настолько мощными, что при их помощи луноход сможет выбираться из ям, как вездеход «Мальчик» из повести Стругацких «Страна багровых туч». Против такого аргумента я, естественно, возражать не стал, хотя в гидравлическом варианте манипуляторы получались на полкило тяжелее каждый. Более того, пообещал поддержать в верхах предложение коллектива ВНИИ назвать луноход именно «Мальчиком».

Но вот колеса мне решительно не понравились. Одно уже сделали в натуральную величину, и я, повертев его перед глазами, спросил:

— Вроде в цеху есть большой ящик с песком? Давайте сходим туда.

Придя в цех, я вручную, сильно нажимая, прокатил колесо туда и

обратно, сунул его сопровождающему меня разработчику и спросил:

— Догадались?

— Простите, что именно вы имеете в виду?

— Неужели непонятно? Товарищи, поймите — этот луноход будет первым! След, оставленный им на лунной поверхности, войдет в историю. Его фотографии сразу окажутся во всех газетах, а потом их будут десятилетиями, а то и веками печатать в учебниках. И вот попробуйте с этой точки зрения посмотреть на то, что ваше колесо оставляет на песке. Это же след какой-то сколопендры, а не аппарата, воплотившего в себе гений великого советского народа! Где внушительность и брутальность? Даже запоминаемости — и той нет. Как можно, глядя на эти хаотические полосы, рассуждать о всемирно-историческом значении свершившегося события?

Самое интересное, что мою речь люди восприняли вполне серьезно и пообещали в кратчайшие сроки обдумать и произвести необходимые изменения. Ну, а мне было пора грузить соседей в «Волгу» и возвращаться в Москву.

Косыгин наконец-то обратился ко мне заказом на подбор материалов о динамике цен на золото и котировок акций компаний, перечень которых он мне вручил. И спросил, нет ли в будущем каких-либо изобретений или технологий, на которых можно быстро и без особых затрат подзаработать валюты.

— Она нам очень нужна. — сообщил он. Как будто я сомневался.

— Мне вообще-то тоже не помешает.

— Время от времени обещаю вам премии чеками сети магазинов «Березка». Платить проценты не могу.

— Да я не про это, для луноходов все из будущего не притащишь, кое-что придется закупать здесь. Изобретения, говорите, технологии... боюсь, не получится. Просто потому, что на патентах вы много не заработаете. Есть, например, такая игрушка, кубик Рубика называется. Ну сделаете вы его, запатентуете, но и идею, и конструкцию быстро слижут пиратским образом, как вы сами много чего слизываете. А развернуть производство, да так, чтобы вышло быстрее, лучше и дешевле, чем на западе, вы не сможете. Так что не стоит овчинка выделки, хотя лично вам я могу один кубик принести. И есть еще одна причина, по которой я не хочу заниматься подобными вещами.

— Какая же?

— Воровать нехорошо. Ладно там у финансистов и биржевых спекулянтов, у них сам бог велел, но изобретатели в подавляющем

большинстве приличные люди. А мы их обворуем, как какие-нибудь бессовестные гады.

— Э... вы серьезно?

— Да, конечно. А вы не знали? Действительно ведь нехорошо получится, особенно учитывая столь незначительную прибыль. Но есть путь, на котором можно действительно неплохо подзаработать, причем не вступая в сделки с совестью. Я вообще-то не против, но не за такие же мизерные деньги! В общем, вы что-нибудь знаете о рок-музыке? Обороты там скоро начнут исчисляться сотнями миллионов долларов.

Я постарался сделать значительное лицо.

Косыгин удивится.

— Какая такая музыка? Эти, по которым моя дочь с ума сходит... как их. «Жуки»? Я их даже слышал. Бренчат что-то невразумительное, стучат по барабанам, как зайцы, вот и все.

— Но их музыку пока еще идеологически вредной вроде не объявили? Вот и хорошо, сдавать назад не придется. Потому что в том прошлом это было одним из эпичнейших провалов советской пропаганды. Молодежь слушала битлов и восхищалась ими, а со страниц газет и с экранов телевизоров ей косноязычно бубнили о кризисе культуры гнивающего капитализма. По-моему, именно с антибитловской компании и пошла присказка «да, гниют, но до чего же красиво!». Причем идеологией-то там на самом деле и не пахло. Как по-вашему, кто в Советском Союзе самые богатые люди? Композиторы-песенники! Теоретически им капает с каждого исполнения их песен. Даже в ресторанах. Вот они и поняли, что, если допустить свободное знакомство советских людей с творчеством «Битлз» и «Роллинг стоунз», то исполняемость их «шедевров» упадет в разы. И, значит, сумели как-то отстоять свою точку зрения перед руководством партии.

— Так они что, на самом деле хорошо играют и поют?

— С моей точки зрения не очень, но это неважно. Важно то, что они открыли новый путь в музыке. И никто пока не знает, как он будет развиваться дальше, зато я знаю. Сейчас в рок-музыке правят бал любители, пусть и талантливые. Но ни играть, ни петь на профессиональном уровне они не умеют. Качественный скачок произойдет тогда, когда на арену выйдет группа «Дип пепл», примерно в шестьдесят девятом году. Так в СССР что, молодых и талантливых, но профессиональных певцов, композиторов, музыкантов и поэтов мало? Не верю. Вот и надо отобрать из них способных воспринять новые веяния и показать отобранным, в каком направлении следует двигаться. Это я,

пожалуй, смогу.

— Будете воровать песни? И чем это лучше воровства изобретений?

— Тем, что, во-первых, тут будут фигурировать совсем другие деньги. А во-вторых, наши что, сами сочинить ничего не смогут? Разумеется, если им объяснить, что надо сочинять, как и под какое звучание инструментов. Так что максимум — я им сам сыграю несколько тем, а дальше уж пусть подключают свой творческий потенциал.

— Вы что, еще и играть умеете?

— Немного. И петь тоже. И то, и другое получается так себе, но для озвученной задачи хватит.

— Простите, но это, наверное, все-таки умеет Антонов, а не вы?

— Вот как раз я. Он давно не брал в руки гитару, да и голоса у него совсем нет, а у меня все-таки немного есть. И тут есть еще один довольно интересный момент — сами инструменты и их эффекты. Я смогу как-то продвинуть и это направление, в середине семидесятых Антонов неплохо подрабатывал на аппаратуре для рок-групп. Так вот, синтезаторы, блоки эффектов, электрогитары — все это как будто создано для советской промышленности! Сейчас еще можно захватить немалый кусок рынка, а с производством продукции высочайшего качества, но в малых количествах, мы справимся. Это с большими сериями у советской промышленности проблемы, а штучные изделия почти всегда шли на ура. Тут же они будут не только штучными, но и продаваемые за очень приличные деньги. Как по-вашему, если лучшие рок-группы мира станут пользоваться исключительно аппаратурой фирмы... ну, скажем, «Красный Сквирец», то какую будут стараться покупать их конкуренты, не обращая внимания на цены?

— Интересно, а как вы этих лучших заставите пользоваться именно вашими поделками?

— А у них что, будет большой выбор? Ну, а звенигородская гитарная фабрика и ей подобные мне не конкуренты. Наши это будут группы, наши! И тут, если не хлопать ушами, можно поймать положительную обратную связь. Группа играет все лучше за счет новейшей аппаратуры, а сама аппаратура быстро прогрессирует под влиянием творческих находок группы. В общем, я за это могу взяться на паузах.

— Ладно, — хмыкнул Косыгин. — вы тогда приезжайте в следующий раз с гитарой. Пусть Люда послушает, я ее мнению в этом вопросе доверяю.

— Лучше я с магнитофоном приеду.

— Хорошо, вам виднее.

Заниматься музыкой, предназначенной для демонстрации косыгинской дочери, предстояло Антонову. Нет, я конечно, могу сыграть и спеть. Но, скорее всего, эффект от моего выступления будет, мягко говоря, не очень близок к ожидаемому. Скорее слегка наоборот, поэтому пусть уж лучше этим занимаются профессионалы, хоть и далеко не самые знаменитые.

У Антонова есть один знакомый мотоциклист, которому он в свое время помог восстановить подвижность руки после серьезной аварии — парень оказался «десятым». А сейчас через него сбывалась часть черной икры, ибо он был гитаристом и играл в ресторане. Ну и в Гугле его группа какие-то деньги зарабатывала на клипах, ей же и сочиненных, так что какой-то опыт творчества у ребят имелся. От меня требовалось только обеспечить финансирование заказа, так что в будущее была перекинута небольшая партия янтаря.

Я решил, что для демонстрации новых веяний в музыке хватит трех песен. Первой будет «Блайнд» Дип Пепл. Причем, разумеется, не с родными словами, мне не нужно обвинение в низкопоклонстве перед западом. Но в ее размер хорошо ложится «Баллада о прокуренном вагоне», надо только ее совсем немного доработать — через три строчки на четвертую добавить один безударный слог. Думаю, их поэт с этим справится.

Второй будет «Даркнесс, даркнесс» Лед Зеппелин. Вот тут русский текст ребятам придется писать самим, пусть сочиняют какую-нибудь «Осень, осень». Ну или «Лето, лето», им виднее.

И, наконец, в третьей песне придется поправить только стиль, а и слова, и музыка сойдут исходные. Причем я только ее разрешу к широкому исполнению, а первые две — мол, я, как автор, категорически возражаю против любого их исполнения кем-либо еще. А сам, естественно, никогда на хоть сколько-нибудь широкую аудиторию исполнять не буду.

Да, но вернемся к третьей песне. Ей станет «И вновь продолжается бой», но в другом исполнении. Я, разумеется, слышал ее рок-варианты, но они мне не очень нравились. Пусть ребята попробуют адаптировать песню под стиль «Урия Хип».

Это, конечно, будет воровство в чистом виде. Но у кого? У Пахмутовой! Небось не обеднеет эта злобная карлица. И муж ейный тоже не обеднеет.

Наверное, ребятам, учитывая знакомство Антонова с их лидером, ста пятидесяти тысяч в качестве гонорара хватит. Хотя ладно, не будем сквалыжничать! Не пожалеем на развитие самой идейно выдержанной в мире советской музыки двухсот тысяч российских рублей.

Ребята взялись за предложенное им задание и выполнили его в течение недели. Каждая песня была представлена в двух вариантах — с голосом и в виде минусовки. А то мало ли, вдруг я что-нибудь сам соберусь спеть!

С пахмутовским творением у них получилось просто замечательно. Мало того, что стиль был выдержан почти идеально, так они еще ухитрились вставить в песню знаменитый проигрыш из «Симпати». Причем так, как будто он всегда там был.

Уже в шкуре Скворцова я выбрал время, когда, как мне казалось, в квартире никого не было, и попытался спеть под музыку из будущего. Однако сразу выяснилось, что до Яна Гиллана мне далеко. Или «Блайнд» пел Эванс? Ну так и до него ничуть не ближе. В общем, первая песня пойдет целиком в исполнении ресторанной рок-группы.

Зато со второй — «осень, осень» — у меня неожиданно стало неплохо получаться. Более того, я смог ее не только спеть, но и вести партию акустической гитары. Интересно, это у меня талант или просто песня такая, что ее может спеть и сыграть даже такой, мягко говоря, не совсем виртуоз в музыке, как я? Увы, скорее второе.

И, наконец, третья песня тоже пусть идет в исполнении из будущего. Не то чтобы я такое совсем уж не мог изобразить, но ребята пели серьезно, а у меня серьезное отношение к данному тексту ну никак не получалось. Так и хотелось где-нибудь схохмить.

Глава 27

Летом шестьдесят пятого года в расстановке фигур на вершине власти уже были заметны расхождения с прошлым Антонова.

Устинов почему-то не стал членом Президиума и секретарем ЦК, оставаясь заместителем Косыгина. Зато в Президиум пролез Егорычев. Ему вроде по должности положено, он же первый секретарь Московского горкома, но в другом прошлом как-то не получилось, а здесь вышло. Совсем недавно Шелеста и Подгорного проводили на пенсию. Ясно, что это было как-то связано с полученной от меня информацией, но свои дела со мной ни Шелепин, ни Косыгин не обсуждали. Мне, как и всем советским людям, оставалось получать информацию из газет, пытаясь читать там между строк, и слушать вражьи голоса, у которых и правда, и не очень корректные предположения, и откровенное вранье присутствовали примерно в равных дозах.

Впрочем, понять логику событий было нетрудно. Брежнев, он был ведь силен не сам по себе, а благодаря команде друзей и подхалимов, протасканных им наверх. Ну, а тут Алексей с Александром пытались этого не допустить, совместно продвигая своих. Чтоб, значит, в ближайшем будущем образовалось не брежневское «малое политбюро», а шелепинско-косыгинское. Если это получится, то Леню будет необязательно даже убирать с поста первого секретаря, сделать он все равно ничего не сможет. Хотя я бы все равно убрал, вряд ли Леонид Ильич согласится с прозябанием на вторых ролях. Небось начнет потихоньку интриговать. С другой стороны, когда начнет, тогда можно будет и убрать, а то сейчас сакральный смысл такого действия будет понятен далеко не всем, и может возникнуть недовольство пополам с опасениями. Мол, сегодня Леню ни за что, а завтра кого? Так и до повторения сталинских времен недалеко.

В общем, в Президиуме пока сохранялся так называемый «ленинский коллегиальный стиль руководства», и не сказать, что в самом плохом варианте. То есть власть, отобранную у Хрущева, соратники по партии толком поделить еще не успели.

Мое будущее место работы, НИИ «Мечта», строился ударными темпами, малый корпус был уже готов, в нем началась отделка, да и большой от него не сильно отставал.

Это было типовое здание школы, подобных с середины шестидесятых много настроили по Москве, а потом и всему СССР — трехэтажное здание

спереди, застекленный переход и двухэтажное сзади. В нем три сравнительно больших помещения — актовый зал, столовая и спортзал. И несколько классов поменьше — мастерские и какие-нибудь кабинеты. Не исключено, что актовый зал будет использоваться по прямому назначению — для испытаний электромузыкальной аппаратуры. Вот со спортзалом так не получится, там в скором времени образуется производственный участок. И под ним тоже, с более тяжелым оборудованием.

А вот с жилым домом все получалось не столь радужно. Пока его довели только до третьего этажа. Если такие темпы строительства сохранятся, то новоселье получится разве что где-то в районе ноябрьских праздников. Впрочем, это не страшно, туда и на мопеде ехать от силы полчаса, а на мотоцикле почти вдвое быстрее. Тем более что мне могут и опять временно выдать «Волгу».

Ну, а пока я повез магнитофон, колонки и гитару на косыгинскую дачу все на том же «Москвиче» Ефремовых. Когда я туда явился, дочь Косыгина еще не приехала, и ему был вручен маленький кубик Рубика три на три, купленный Антоновым в киоске.

— Вы что, считаете, советской промышленности такое не под силу? — удивился Алексей Николаевич. — Кстати, весьма занятная игрушка. Затягивает.

— Это смотря сколько делать. Если десяток, то он получится даже лучше этого образца. Намного лучше. С тысячей или двумя мы тоже не пролетим. А вот делать миллионы, да чтобы кубики не заедали и не разваливались в руках, чтобы об дефекты литья пальцы не ранились, цветные наклейки с граней не отваливались и вообще чтоб смотреть было не противно, вряд ли получится. Особенно быстро, а времени на долгую раскачку нам никто не даст.

Потом мы с Алексеем Николаевичем немного поговорили про радиоэлектронику.

— По изучению ваших материалов у меня сложилось мнение, что микропроцессорная техника — это ключевая технология конца двадцатого и начала двадцать первого веков, — заявил советский премьер. — И ее развитие во многом определяет место страны в мире. Так, может, следует начать уже сейчас? Пока не поздно. Кажется, отставание Советского Союза от стран Запада пока еще не слишком велико.

— Увы, — вздохнул я, — это только так кажется, но на самом деле оно неважно. Развивать, конечно, можно, и я готов в этом участвовать, тем более что это моя специальность, но прошу учесть, что не только сейчас, но и в начале восьмидесятых годов в Китае вообще никакой электроники не

было. Ни развитой, ни отсталой. По сравнению даже с не таким уж передовым в этом смысле Союзом — ноль. Пустыня. А в восемнадцатом году складывается впечатление, что вся электроника мира делается в Китае! Ну и совсем немного в Японии. И ни фиги китайцам поздний старт не помешал. То есть не в производительных силах тут дело, а в производственных отношениях. Хорошо, помогу я вам эти самые производительные силы подтянуть, а дальше что? Несоответствие от этого только увеличится. Как со временем скажет один ваш коллега, тоже премьер — хотели как лучше, а получилось как всегда. Рыба ведь гниет с головы, а вы ее хотите чистить с хвоста.

— Какой именно коллега?

— Виктор Степанович Черномырдин. Кстати, в сети можно найти сборник его афоризмов, если хотите, могу предоставить.

— Да, будьте добры. Даже по одному высказыванию чувствуется, что человек это неглупый и неординарный.

Но тут нам сообщили, что приехала Людмила Алексеевна, и мы прошли в большую комнату, где уже стоял мой магнитофон и лежала гитара.

Дочери Косыгина было не восемнадцать лет и даже не двадцать пять, как можно было предположить, исходя из ее музыкальных предпочтений, а тридцать семь. Правда, выглядела она немного моложе — ясное дело, при таких родителях у женщины есть время и возможности следить за собой. Я произнес краткий спич о том, что музыка Битлз — это прекрасно, но советские комсомольцы, вооруженные самым передовым в мире учением, под руководством КПСС способны на гораздо большее. Им по силам не просто развить тему, а подняться к ее сияющим вершинам и там утвердиться. Я чуть не добавил «всем седалищем», но смог вовремя удержаться.

При первых моих словах Людмила скривилась, но быстро поняла, что это голимый стеб, заулыбалась, а в конце даже похлопала.

Косыгин сидел со скучающим видом. Он от меня подобное уже слышал, причем не раз. Наверное, после концерта он мне скажет, что мои успехи в освоении советской официальной фразеологии все еще оставляют желать лучшего, хотя, конечно, по сравнению с первыми попытками прогресс налицо.

Ну, а Клавдии Андреевне, похоже, вообще было все равно, что я там несу. Сразу по приезду на косыгинскую дачу я убрал ей боли в позвоночнике, беспокоящие ее уже больше суток, и теперь она тихо блаженствовала.

Мой мини-концерт произвел впечатление на всех, но самое сильное — на Людмилу.

— Это ваши стихи? — пораженно спросила она, имея в виду первую песню.

— Ну что вы, их автор Александр Кочетков, незаслуженно забытый поэт, умерший двенадцать лет назад.

— Обязательно почитаю, но музыка тоже сильная. Кто это играет и на чем?

— Играют мои друзья на инструментах моего изготовления. Пока еще опытных.

Клавдии Андреевне понравилась «Осень», в девичестве «Даркнесс, даркнесс». Но, кажется, не мелодия и не слова, а мое исполнение.

— Не думала, что вы, Виктор, умеете так душевно петь. — вздохнула она. — И играете очень неплохо. Что же вы раньше про это ничего не говорили?

Ну, а сам Косыгин одобрительно отнесся к песне про Ленина и юный октябрь. Он сказал:

— Против такого, наверное, даже Михаил возражать не будет, особенно перед пленумом и если будет отзыв от союза композиторов. И Леониду, пожалуй, тоже не помешает послушать, оставьте мне пленку. Может, Ильич и оценит, он сам, говорят, в молодости писал стихи. Я, правда, их не читал.

Тоже мне, редкость великая, подумал я. Антонов, уж на что не юноша бледный со взором горящим, и то их писал. Когда он в семьдесят втором делал синтезатор для одной рок-группы, то, пораженный поэтической беспомощностью их текстов, в перерывах работы написал им несколько своих. Одна песня на его слова даже имела определенный успех. Может, кто слышал? Называется «Дави клопа». И вообще, Михаил — это, наверное, Суслов. Да уж, весьма сомнительный комплимент — одобрение песни самим Сусловым. Хотя для произведений Пахмутовой сойдет, не Франку же Фариану их одобрять. И при чем тут, интересно, пленум?

— Пленку берите, не вопрос, — подтвердил я Косыгину, — только учтите, что запись четырехдорожечная стерео. Из отечественных магнитофонов ее сможет воспроизвести только «Яуза-10».

Дома меня ждало сразу два хоть и небольших, но сюрприза.

Первый Вера озвучила сразу, как только я зашел.

— Витя, ты ездил с магнитофоном и гитарой, потому что кому-то давал послушать музыку? Я позавчера слышала, у тебя в комнате так красиво играло, хотела зайти, но постеснялась. Особенно вот эта.

И Вера без малейших ошибок напела мотив «Даркнесс, даркнесс».

— И ты так здорово пел! А давай с тобой попробуем на два голоса? У меня по пению всегда пятерки были, мне Дарья Степановна даже предлагала дальше учиться!

Второй сюрприз заключался в том, что с Вериним вторым голосом песня неожиданно заиграла по-новому, гораздо лучше. Пожалуй, такое даже оригинальному исполнению не повредило бы.

И, наконец, с задержкой дней в десять случилась еще одна неожиданность. Как в свое время написал Чуковский, «у меня зазвонил телефон». Но необычным был не сам звонок, а то, откуда он исходил и что мне сообщили.

— Виктор Васильевич Скворцов?

— Да.

— Илья Ионович Горцев, управление делами ЦК КПСС. Ваши песни понравились товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Он приглашает вас в гости, с аппаратурой и инструментами. Вы можете освободиться в пятницу, к семнадцати ноль-ноль?

— Да, конечно.

— Тогда ждите, за вами заедет машина.

— Тут есть один нюанс.

— Слушаю вас.

— Если мне придется петь и музицировать, то со мной должна быть одна девушка. Вместе у нас получается лучше.

— Фамилия, имя, отчество?

— Астахова Вера Михайловна.

— Хорошо.

Блин, подумал я, Косыгин мне что, заранее сообщить не мог? Решил, небось, устроить сюрприз. Надо будет и ему тоже при удобном случае организовать что-нибудь подобное.

— Вить, мы с тобой куда-то поедem петь и играть? — заинтересовалась Вера.

— Да, нас приглашает один мой знакомый.

Вере такой информации хватало, а вот Нина Александровна не очень уверенно спросила:

— Витя, а как зовут этого знакомого, если не секрет?

— Ну что вы, какие тут могут быть секреты. Его зовут Леонид Ильич Брежнев.

Я был готов к дальнейшему развитию событий и успел поддержать тетю Нину, а иначе она точно села бы мимо стула.

Глава 28

— Мне, честно говоря, даже удивительно, как это ваш феномен до сих пор не начали изучать, — как-то раз заметил мне Ефремов, когда мы с ним прогуливались по Нескучному саду. — Я бы, например, с удовольствием заснял на сверхскоростную кинокамеру процесс появления здесь предметов из будущего, да и вообще попросил бы вас обвешаться возможно большим количеством разнообразных датчиков, авось хоть какой-нибудь что-нибудь и зафиксирует. У меня нет такой возможности, однако у Косыгина с Шелепиным она есть. Неужели они настолько нелюбопытны?

— Иван Антонович, еще Экклезиаст, почесав в затылке, однажды изрек: «во многом знании многие печали». Сами они ничего из перечисленного вами сделать не смогут, а привлекать посторонних экспертов недопустимо. Ведь раскрытие моей тайны неопределенному кругу лиц — это для них не какая-то там печаль, которая лечится стаканом-другим хорошей водки, а самая настоящая катастрофа. Если товарищи по партии догадаются, что Косыгин с Шелепиным знают будущее, но с ними не делятся, их мгновенно сожрут всей кодлой. Кстати, процесс перемещения материальных тел между мирами Антонов уже заснял, ему тоже было интересно. Знаете, ничего особенного. На предыдущем кадре предмет, подлежащий отправке туда, а на следующем уже другой, полученный оттуда. Сам процесс сопровождается электромагнитным всплеском мощностью около джоуля в очень широком диапазоне — от коротких волн до фиолетового края видимого света. И, между прочим, спешу вас обрадовать — писать воспоминания Брежнева о целине вам не придется, я с ним вчера сам познакомился.

— Да? Как это вам удалось?

— На почве взаимного интереса к поэзии и музыке.

— Надо же... про поэзию я слышал, а к какой музыке? Уж не той ли, что была записана на вашем ридере? Тася, послушав, потом целый день произвольно одну мелодию напевала, больно уж оказалась привязчивой. Эта, как ее — «Ого-го, ого-го, ай-яй-яй». Удивительно бессодержательные там песни, одна почти полностью состоит из пропеваемого по буквам названия.

Тут я понял, о чем идет речь. О «Супермаксе».

— Нет, для Леонида Ильича я подготовил куда более осмысленные вещи.

— И как он вам?

— Ничего, довольно приятный в общении человек. Моей невесте он очень понравился. Да и сам я ожидал худшего. Пока ни малейших признаков грядущего маразма не наблюдается. Типичный номенклатурный барин, но не отталкивающий.

— А как вы его классифицируете по восприимчивости к вашим воздействиям?

— Сложный случай, сам пока до конца не разобрался.

На самом деле ничего сложного там не было — Брежнев оказался «никаким» и для Скворцова, и для Антонова. Но это вовсе не значило, что мы с ним никак не сможем повлиять на здоровье нашего дорогого Леонида Ильича. Свести его в могилу сможет каждый из нас, Антонов быстро, я помедленнее, вот и вся разница. Но и обратное воздействие тоже возможно! По методике, опробованной на Шелепине. То есть Антонов начнет его гробить, а потом вмешаюсь я и верну пациента к жизни. Да, но такая методика опасна. Шелепин был абсолютно здоров, да вообще он почти на двадцать лет младше. Случится, например, с Ильичом какой-нибудь разрыв сердца или обширный инфаркт — и все, я его просто не успею вытащить. Да и вообще не смогу, наверное.

И еще я подумал, что, кажется, начинаю понимать, зачем Косыгин сделал из знакомства с Брежневым сюрприз. Вот, значит, когда мы с ним завтра увидимся, он, возможно, внесет ясность в этот вопрос.

Однако вот прямо так сразу брать и вносить ясность Алексей Николаевич не пожелал. И вообще вел себя так, будто ничего не знал о нашем с Верой позавчерашнем визите к Брежневу и уж тем более не сам его организовал. Похоже, он решил проверить, на сколько меня хватит, ну, а я в ответ начал проверять, на сколько хватит его. В конце концов, не ради же развлечения он все устроил! Зачем-то ему — ну, или им с Шелепиным — это было нужно.

Поэтому, когда он задал дежурный вопрос о состоянии работ по луноходам, ожидая ответа одной или максимум несколькими фразами, я начал с энтузиазмом посвящать его в возникшие по ходу разработки проблемы. Одной из главных мне казалась температура.

Дело в том, что ночью на Луне холодно, температура может опуститься ниже минус ста градусов. А сама ночь длинная, две недели, то есть никакая теплоизоляция кардинально не поможет. Электроника в принципе еще может перенести такую заморозку, да и то это еще надо проверять, а вот батареи точно не смогут. Сдохнут. И, значит, темной и холодной лунной ночью аппаратуру луноходов придется как-то подогревать

изнутри. Причем классический способ — водкой — тут не поможет. Они, как и их духовный отец, то есть я, не пьют.

Инженеры ВНИИ-100 предложили радиоизотопный источник тепла, но мне такое решение не очень понравилось. Поэтому я заранее записал и сейчас продемонстрировал Косыгину ролик, на котором робот-пылесос, урча, ездил по квартире Антонова, заглядывая во все углы, а потом возвращался к базе и утыкался в нее для подзарядки.

— Вот и нам надо так сделать, базу вместо четвертого лунохода. Правда, научный в таком случае останется всего один, так ведь и задачи этой программы в основном лежат в области пропаганды. К тому же медийные ему смогут помочь собирать камни, руки-то у них уже, можно сказать, есть, а сейчас разработчики рассматривают возможность установки чего-то наподобие хвоста, лимит веса еще не исчерпан. А сама база будет просто сундуком с аккумуляторами, солнечными батареями и простенькой электроникой для их контроля и обеспечения стыковки с луноходами. Я уже прикинул, емкости батарей должно хватить для двухнедельного подогрева как самой базы, так и трех луноходов.

Поначалу Косыгин еще делал вид, что рассчитывал именно на такое протекание беседы, и даже задал вопрос о подвижности базы.

— Ее, наверное, лучше не бросать в первом же попавшемся месте, а найти наиболее удобное для выполнения функций, — предположил он. — А это уже подразумевает возможность самостоятельного передвижения.

— Совершенно не обязательно. Она ведь для луноходов, можно сказать, любимая мать и кормилица, они ее на руках будут носить.

Наконец Косыгин, поняв, что подобными методами меня не проймешь, сдался и спросил:

— Виктор, вы еще долго можете продолжать в таком духе?

— Пока не охрипну, поэтому позвольте для начала остановиться на проблемах, которые могут возникнуть при телеуправлении луноходами с Земли. От нее до Луны примерно одна световая секунда, и, значит, минимальная задержка...

— Хватит, сдаюсь, — рассмеялся Косыгин. — Вас, конечно, интересует смысл позавчерашнего концерта.

— Разумеется.

— Ну, во-первых, Леонид действительно заинтересовался вашим, так сказать, творчеством.

— Алексей Николаевич, — кротко сказал я, — мы ведь еще не рассмотрели возможные форматы передачи с Луны телевизионных сигналов.

— А во-вторых, — продолжил собеседник, прекрасно понявший мой намек, — Брежнев обратил внимание, что я последнее время стал выглядеть лучше. И получил объяснение, что мне удалось найти уникал-самородка, умеющего раскрывать скрытые возможности человеческого организма по методам, описанным в романе Ефремова «Лезвие бритвы». Ну, а то, что этот самородок любит музыку и на досуге сам не против сыграть и спеть, пошло уже как дополнение.

— И теперь, значит, мне следует ожидать, что Брежнев скоро в приказном порядке переведет меня на обслуживание себя и тех лиц, улучшение здоровья которых ему может понадобиться, — предположил я. — Мое мнение, оно что, в расчет вообще приниматься не будет?

— Нет, не так. Вы, Виктор, неправильно понимаете суть нынешних отношений в Президиуме. Леонид держится наверху только в силу того, что устраивает почти всех. А грубо отняв вас у меня, он потеряет какое-то количество сторонников, что крайне негативно скажется на его дальнейшей карьере. Поэтому самый для него сейчас оптимальный образ действий — это склонить вас к сугубо добровольному расширению практики и как-то компенсировать мне то, что я не буду этому препятствовать.

— А у него что, уже есть проблемы со здоровьем?

— Это вы меня спрашиваете — кто из нас доктор?

— Да, пожалуй, об этом лучше спросить Семичастного.

— И опять вы ошибаетесь. Органам госбезопасности строжайше запрещено проводить любые разработки высшей партийно-государственной номенклатуры. Если Владимир Ефимович позволит себе такое, то он продержится на своем посту лишь до момента, когда об этом донесут. А кому донести, в комитете всегда найдется. Кстати, к какой категории пациентов по вашей классификации относится Брежнев?

— К «никакой», — ответил я, а сам подумал — и стоило составлять глубоко продуманные планы по удержанию своих способностей в тайне, чтобы уже сейчас от них ничего не осталось!

— Жалко, — вздохнул Косыгин. — Я надеялся на большее.

— Ну так не теряйте надежду, еще рано. У меня в принципе есть возможность сделать «десятым» каждого, но она... хм... несколько своеобразная.

После чего я кратко пояснил, в чем именно эта возможность заключается.

Недостатком сообразительности Косыгин не страдал совершенно, поэтому он, естественно, сразу вспомнил инцидент с Шелепиным.

— Да, — подтвердил я, — так оно все и было. Правда, воздействие

Антонова получилось непроизвольным, на волне эмоционального всплеска, и он тогда совершенно не контролировал его силу. А если все будет происходить по заранее обдуманному плану, то, скорее всего, сможет как-то контролировать.

— Кажется, понимаю, — вздохнул Косыгин. — Вы не уверены, что у него все же получится дозировать усилия. Проверить это можно?

— Я к тому и веду речь.

— Значит, вам нужен безнадежный больной, который понимает свое положение и согласится на лечение с тремя примерно равновероятными исходами. Быстрая смерть, полное или почти полное отсутствие результата, выздоровление. Так?

— Почти. Этот человек должен быть сравнительно здоровым.

— То есть как — безнадежно больным, но при этом здоровым? Боюсь, что поиск может сильно затянуться.

— Я имею в виду, что у него еще должны оставаться какие-то силы. Чтобы он не стоял уже полутора ногами в могиле, куда его легко сможет отправить любое внешнее воздействие, не только мое.

— Та-а-к... а давайте попробуем.

Косыгин снял трубку одного из телефонов и коротко бросил:

— Евгений? Зайдите ко мне в кабинет.

Главный косыгинский охранник появился примерно через минуту.

— Как дела у отца вашего подчиненного, Валерия? — спросил его Алексей Николаевич.

Карасев косо посмотрел на меня.

— Молодой человек присутствует при разговоре именно потому, что, возможно, сумеет как-то помочь.

— Злокачественная опухоль головного мозга, — хмуро сказал Карасев. — Неоперабельная. Он сам военный врач, поэтому от операции, шансы на успех которой практически отсутствуют, отказался. От госпитализации тоже. Сейчас он дома, приводит в порядок дела. Врачи дают ему от двух до трех месяцев.

Ох, блин, подумал я. Рак мозга — самая мерзкая болезнь, которую мне доводилось лечить. Это настолько тяжело, что тут как бы самому не сдохнуть. И, главное, случаев успешного лечения ни у меня, ни у Антонова еще не было. Его пациент прожил лишний месяц, а наш с Ефремовым — примерно полгода. И все. Тут всегда требовалось несколько сеансов, причем быстро следующих один за другим, но как раз это не получалось из-за исчезновения паранормальных способностей после каждого. Хотя сейчас я, то есть Скворцов, восстанавливаюсь уже довольно быстро... в

общем, надо попробовать.

— У меня один вопрос. Что будет со мной, если пациент в результате попытки лечения все-таки скончается? Сразу или почти сразу.

— Если больной согласится, то ничего.

Косыгин пристально посмотрел на охранника.

— Евгений, так?

— Это должен подтвердить и Валерий, но, наверное, именно так.

— Он сейчас здесь? Позовите его.

Отец Валерия, Марк Анатольевич Моршанцев согласился на мой вариант лечения сразу, не раздумывая. Только уточнил:

— Значит, то, о чем писал Ефремов, не чистая фантазия? В принципе возможно, вполне возможно, я сам слышал о подобных случаях. Хотя и не очень верил. А вы его ученик?

— Скорее коллега. Сейчас мы оба учимся друг у друга.

— Надо же. И, вы уж простите мое профессиональное любопытство, но можно еще один вопрос?

— Задавайте.

— С чем связана опасность применения вашего метода?

То, что меня об этом спросят я предвидел заранее, тут не надо быть Нострадамусом. И заготовил практически правдивый, но все же не совсем истинный ответ.

— С тем, что у человеческого организма есть какая-то внутренняя блокировка, препятствующая применению подобных методов. Какая именно и каково ее исходное эволюционное предназначение, сейчас пытается разобраться Ефремов. Ну, а я, не вдаваясь в теории, научился ее сильно ослаблять. Однако организм на это реагирует несколько болезненно.

Кстати, вот это была не только чистая правда, но и бесспорная истина. Попробуйте-ка отреагировать не болезненно, когда вас начнут убивать!

Ну, а в общем дела обстояли так. Моршанцев был «никаким» для меня и «девятым» для Антонова. То есть шансы вылечить его без применения особых методов полностью отсутствовали. Для того, чтобы они появились хоть в самом урезанном виде, пациент обязательно должен быть «десятым».

— От меня что-нибудь требуется? — спросил Моршанцев.

— Прилягте на кушетку и положите руки вдоль тела.

Я пододвинул стул, сел на него, прикрыл глаза и быстро передал Антонову бразды правления.

Мой, как он сам себя назвал, духовный брат-близнец начал свое воздействие не сразу. Сразу он просто не смог. Оказалось, что для запуска

деструкции нужно отрицательное отношение к объекту, и чем оно сильнее, тем будет лучше. А Моршанцев Антонову нравился — сильный мужик, не жалуется, не ноет, не смотрит в глаза с какой-то собачьей надеждой, так что ему пришлось сначала прибегнуть к самовнушению, благо им мы оба владеем примерно в равной мере. И только минуты через три он начал воздействие, результатом которого должен был стать полный паралич скелетных мышц.

Поначалу не происходило ничего, но вскоре стало заметно, что пациенту тяжело дышать.

— Все, — сообщил мне Антонов, — процесс вышел на самоподхват, код доступа ушел, теперь твоя очередь. Работай.

Ликвидировать последствия антоновского воздействия оказалось не просто, а очень просто. Даже учитывая, что Моршанцев теперь был для меня полноценным «десятым», все прошло чуть ли не мгновенно, не потребовав и двадцати секунд.

А дальше начался кошмар. Для меня, а не для пациента. Мне несколько раз хотелось все бросить и с криком «ну не могу я больше, понимаете, не могу!» сбежать отсюда как можно дальше, пока еще есть силы. Я, кажется, уже упоминал, что для успешного лечения нужно воспринимать болезнь пациента как свою. Так вот, ничего омерзительней, чем ощущение разрастающегося в мозгу агрессивного чужеродного образования, мне в обоих ипостасях испытать не доводилось.

Окружающее застилала какая-то мутная пелена, и сквозь нее я с трудом слышал «Витя, держись, совсем немного осталось!». Кажется, это был Антонов, но точно я не уверен.

Но кто бы это ни был, он оказался прав. Я почти одновременно почувствовал сразу две вещи. Первая — сил больше нет совсем, ну ни капельки. И вторая — первый этап прошел, организм пациента сам начал борьбу с опухолью. После чего я с облегчением отрубился.

Пришел в себя я от резкого запаха нашатыря. Оказалось, что мне даже удалось не свалиться со стула. Ну или Валерию удалось меня удержать — не знаю. Хорошо хоть он уже убрал из-под моего носа ватку.

Карасев стоял рядом.

— Вы говорили, что плохо может стать пациенту, — с еле заметной усмешкой сказал он, — а вместо этого чуть не померли сами. Мы уж хотели вызывать скорую.

— А с Марком что?

— С ним-то как раз неплохо.

— Спит, — подтвердил Валерий. — Последние две недели почти

совсем не мог, а сейчас заснул. Неужели помогло?

— Не знаю, — с трудом просипел я. — Сладкое давайте, пока не сдох тут прямо у вас.

— Может, вам удобнее пересестись в кресло? Мы поможем.

Меня как мешок перетащили в кресло и сунули под нос кружку с горячим и очень сладким чаем. То, что он понадобится, причем в больших количествах, я предупредил заранее.

— Но все же, как вы оцениваете результат лечения? — спросил меня Валерий спустя минут пятнадцать, когда я, прикончив вторую кружку, немного оклемался.

— Не знаю, — честно ответил я. — Это будет ясно дня через три.

Да, если через три дня мне удастся полностью восстановить способности, то возможен какой-то прогресс. А если нет, то болезнь успеет взять свое, и сеанс в лучшем случае даст только временное облегчение, и не более.

И тут вмешался Антонов.

— Слушай, — сказал он, — а ведь мы с тобой дураки.

— Тоже мне нашел новость, ты лучше конкретику давай.

— Он же для меня «девятый»! Вылечить я его не смогу, можно и не пытаться, но притормозить рост опухоли у меня получится. А ты тем временем успеешь восстановиться. Так что договаривайся на следующий сеанс послезавтра, если к тому времени не придешь в себя, я подменю.

— А что, может и получится, — мысленно кивнул я.

Обратно на дачу к Косыгину меня привезли уже ближе к вечеру.

— Да, нелегко вам пришлось, — сказал он, присмотревшись к моему бледному виду. — Как же вы домой-то поедете?

— Как всегда, только потихоньку и очень осторожно.

— Лучше пусть вас отвезут домой мои люди, а «Москвич» отгонят к Ефремовым.

— Нет, и его тоже ко мне, на улицу Крупской. Если к Ивану Антоновичу пригонят машину без меня, он хрен знает что подумает, еще помчится ко мне на ночь глядя.

А зачем ему зря волноваться? Позвоню и скажу, что машина мне будет нужна еще и завтра с утра, вот и все.

Глава 29

— Да, Виктор, ты поступаешь так, как и подобает советскому комсомольцу, — подтвердил мне Леонид Ильич. — Полковник медицинской службы Марк Анатольевич Моршанский — отличный врач и настоящий коммунист, и ты совершенно прав, что не жалеешь сил на восстановление его здоровья. Я, знаешь, даже горд, что у нас растет такая молодежь. А то вон некоторые, страдающие политической близорукостью, иногда заявляют, что она, мол, ни к чему не способна. Глядя на тебя, прекрасно видно их глубокую неправоту. В общем, продолжай и не оглядывайся на меня, я подожду. Кстати, а почему ты до сих пор не в партии?

— Лимит в ФИАНе довольно ограниченный, — объяснил я, — а меня недавно перевели с рабочей должности на научную.

Ну да, в партию сейчас абы кого не брали. Инженеру, а уж тем более ученому попасть туда было непросто. Вот рабочему — совсем другое дело, достаточно было трезвым прийти на собрание первичной парторганизации, где будут обсуждать его кандидатуру. Правда, такой подвиг был доступен не всем, так и в партию брали только самых достойных.

— Это не страшно, — благодушно заметил Брежнев. — Я дам тебе рекомендацию, и, думаю, Алексей тоже не откажется.

— Леонид Ильич, а может, не надо? Увидев такое в документах, все же начнут подозревать, что я ваш побочный сын. Или Алексея Николаевича. Или еще что-нибудь подобное.

Брежнев захохотал, а потом согласился:

— Да, могут. Все-таки сильны еще у многих пережитки капитализма в сознании, даже некоторые коммунисты этим грешат. Но, думаю, если я просто позвоню в партком твоего института, вопрос решится быстро.

— Согласен, так будет лучше. Одну рекомендацию мне даст завлаб, и, наверное, со второй тоже трудностей не возникнет, особенно после вашего звонка. Благодарю за доверие, Леонид Ильич.

В связи с попытками — и уже было ясно видно, что удачными — вылечить отца одного из косыгинских охранников, никем другим я пока заниматься не мог. Про это я на второй же встрече рассказал Брежневу, который явно был в курсе. Наверняка как минимум из двух источников — от Косыгина и по каким-то своим каналам.

И про то, насколько тяжело мне дается лечение, Лене тоже сообщили.

Ему, кажется, даже слегка преувеличили. Похоже, он считал, что каждый такой сеанс сопряжен для меня с риском для жизни.

Категорически отрицать я не стал, но все же уточнил:

— Это только если приходится лечить такую гадость, как рак мозга. Если, скажем, надо нормализовать пациенту давление, то это проходит вообще без каких-либо отрицательных последствий для меня. И тут есть одна тонкость.

Я рассказал придуманную ранее байку про внутреннюю блокировку организма и уточнил:

— Теоретически тут есть и опасность для пациента. Пока он еще сравнительно здоров и имеет запас жизненных сил, она минимальна, выражается сотыми или даже тысячными долями процента, но по мере ослабления организма больного опасность возрастает. Это при любом методе так, не только при моем. Чем раньше начнешь, тем быстрее, безболезненнее и безопаснее будет процесс лечения. В общем, если вы захотите прибегнуть к моей помощи, то лучше решиться побыстрее, не тянуть.

— Алексей, выходит, уже решился?

Я издал неопределенное хмыканье, которое при желании можно было расценить как утвердительное.

— Ну, значит, тогда и мне можно. Как закончишь с товарищем полковником, сразу поставь в известность меня.

Брежнев быстро написал на бумажке телефонный номер и протянул мне. Я бережно спрятал листок в нагрудный карман, хотя не сомневался, что и без моего звонка Лене доложат вовремя.

Наверное, метод кнута и пряника родился еще в раннем палеолите, но и в настоящее время актуальности нисколько не потерял, уж Косыгин-то с Шелепиным это прекрасно понимали. Но до определенного момента их взаимоотношения с Брежневым подразумевали только кнут, то есть недопущение прихлебателей Лени на вершины власти. Но кнут без пряника, как и любая половинчатая методика, все же не очень эффективен. Вот, значит, роль пряника и предложили сыграть мне. Я согласился, Брежнев тоже, и вскоре нам с Антоновым предстояло сделать его «десятым», ну а потом мне — неустанно следить за здоровьем нашего дорогого Леонида Ильича. Причем мне, разумеется, даже не намекали, что, если дорогой Ильич вдруг начнет становиться не нашим, то подобное обязательно отразится на его самочувствии, но это был тот случай, когда все ясно и без намеков. Наверняка и Лене тоже, не дурак же он. Во всяком случае, пока еще не дурак.

Неожиданно оказалось, что Брежнев действительно интересуется поэзией. Во всяком случае, он знал, кто такой Александр Кочетков, и даже заметил, что в моем исполнении текст немного отличается от исходного.

— Мне его пришлось восстанавливать по памяти, — объяснил я, — в библиотеке не нашлось.

— Ничего, у тебя тоже неплохо получилось, — успокоил меня Брежнев. — А почему ты не хочешь выступить по радио?

— Да потому, что каждый должен заниматься своим делом. Я — разрабатывать электронные схемы и лечить людей, вы — стоять во главе партии, Алексей Николаевич — руководить развитием народного хозяйства, ну и так далее. Пусть поют и играют профессиональные певцы и музыканты, а вот с аппаратурой для выступлений я им смогу помочь.

— Да, Витя, ты прав, скромность — это неотъемлемая черта советского человека. Но, может, ты лично мне еще чего-нибудь споешь?

— Могу, но только учтите, что те песни, которые я уже вам спел, они лучшие. Соизмеримых с ними у меня просто нет.

— Ничего, я слушатель не привередливый. Да и ты, наверное, опять скромничаешь.

В общем, я громко и с большим чувством исполнил ту песню из будущего, каковую имел основания считать как минимум наполовину своей. То есть «Дави клопа».

— Неплохо, — прокомментировал Брежнев, — полностью согласен, мерзкие насекомые. Давненько, правда, не доводилось их видеть, но помнить помню. Однако ты прав, эту песню еще шлифовать и шлифовать. Вот, например, строчка «дави клопа, дави ногой» явно неудачная. Кто же их ногами-то давит? Тапком надо, тапком.

А ведь он прав, подумал я. Как же это Антонов тогда сплеховал? Впрочем, предлагать данную песню для исполнения я никому не собирался. В СССР приличных поэтов хватает, они смогут сочинить и что-нибудь получше.

В результате этих встреч мое мнение о Брежневе начало потихоньку меняться. Прежнее-то базировалось на воспоминаниях Антонова, а он помнил в основном позднего Брежнева, тупо сюсюкающего из телевизора про сиськимасиськи и сосискискраны. А я видел перед собой другого человека. Да, он сибарит и явно работает под девизом «живи сам и не мешай жить другим». Так это же совсем неплохо! Главное, идеологически он не зашорен, это видно. Ну, а его периодические советско-коммунистические вставки в речь — так это просто привычка. Они у него получаются вообще без задействования головного мозга. Примерно как у

дяди Миши, когда рядом нет тети Нины или Веры, неопределенный артикль «мля» сам собой встает через два слова на третье.

И Вере новый глава КПСС понравился.

— Надо же, какой приятный дядечка! — поделилась она со мной сразу после нашего первого концерта. — Ой! Что ты на меня так смотришь?

— Думаю, мне как — уже можно начинать ревновать или лучше пока погодить?

— Вить, ну что ты! — покраснела Вера. — Я ведь совсем не в том смысле!

— Да шучу я, шучу. Но все же, как ты считаешь — он будет лучше Хрущева или хуже?

— Так я с Никитой Сергеевичем не знакома, — резонно ответила Вера, — но Леонид Ильич хороший человек.

В самом конце сентября состоялся очередной пленум ЦК КПСС. Когда я начал читать его материалы, то понял, что история идет уже не совсем так, как раньше. В основном они совпадали с текстом, который мне заранее переправил Антонов, но были и существенные отличия.

Во-первых, Демичев из кандидатов стал действительным членом Президиума. А так как секретарем ЦК он уже был, то теперь именно ему предстояло заниматься вопросами идеологии. Ну, а за Сусловым пока оставался отдел внешних сношений ЦК. Понятно, что это всего лишь первая ступенька вниз, небось его там быстро засношают до пенсии. Ай да Леонид Ильич! Без него у Косыгина с Шелепиным задвинуть Суслова не получилось бы.

Правда, именно Демичев был тем, кто несколько лет назад пытался заставить Ефремова замусорить галактику памятниками Ленину, Марксу с Энгельсом и, кажется, даже Хрущеву. Кстати, а не поручить ли мне луноходикам изваять памятник Никите на ночном светиле? В соответствии с указаниями партии, в которую я вот-вот вступлю. Из подручного материала. Во весь рост, с голым задом, здоровенной кукурузиной в одной руке и ботинком — в другой. А потом, когда спросят, кто же это меня надоумил на такое безобразие, сделать наивные глаза и сослаться на товарища Демичева. Хотя нет, это, пожалуй, еще рановато. Такие маленькие луноходы не справятся.

То есть этот Демичев, надо полагать, классический приспособленец. Ну и что? Зато, надо думать, управляемый, недаром мне Володя Семичастный заказывал мне подробное досье на него. А в комитете небось и свое готово, не хуже моего, собранное еще до упомянутого Косыгиным запрета. Так что есть надежда — возможно, с идеологией все будет немного

получше, чем в прошлом Антонова. Не одни провалы непрерывной чередой, а вперемешку. Успех — провал, успех — провал, и за какой-нибудь очередной Демичева снимут. А на его место посадят того, кто успеет хоть чему-то научиться на его ошибках.

Однако это было еще не все. Относительно промышленности в новых материалах пленума говорилось почти слово в слово то же, что и в старых, но имелось и довольно существенное дополнение. Оно состояло в утверждении, что индивидуально-семейная трудовая деятельность социалистическому способу производства нисколько не противоречит. В силу чего совету министров предписывалось разработать нормативные акты, обеспечивающие ее всемерное развитие на благо советского народа.

И тут оказалось, что материалами пленума интересуюсь не один я. Дядя Миша зашел ко мне с газетой и спросил:

— Вить, вот ты все знаешь. Может, объяснишь, что это за... ин... мля, индивидуальная деятельность такая? Опять сажать будут или просто раскулачивать?

— Да нет, имеется в виду немного другое. Вот как выйдут регламентирующие документы, ты сможешь, получив патент, купить машину, нарисовать на ней шашечки и в свободное время подрабатывать извозом.

— Так это и на рабочей машине неплохо получается, — не понял всей глубины новаций сосед. — И никакого патента не надо. Хотя, с другой стороны, и бригадиру отстегивать не придется... опять же можно не беспокоиться, не из ментовки ли пассажир... в общем, надо подумать.

М-да, прикинул я, надо же, живу-то здесь уже скоро как три года, а только сейчас понял, на какие шиши дядя Миша ухитряется не так уж редко закладывать за воротник. Получку-то он всю до копейки сразу отдает тете Нине.

Наибольшую же прозорливость проявила Вера. Она зашла ко мне после дяди Миши, пристроилась рядом и молча смотрела, как я внимательно читаю и делаю выписки. А потом сказала:

— Знаешь, Вить, ты только не смейся, но у меня такое впечатление, что ты все это придумал сам, а сейчас смотришь, правильно ли придуманное тобой воплощают в жизнь Брежнев с Косыгиным. Выписываешь ошибки, чтобы потом их в них ткнуть носами. Жалко, что меня не позовешь, а то интересно было бы посмотреть.

Глава 30

Наверное, у многих людей в подсознании дремлют темные силы, и некоторые предметы способны их активировать. Например, если человек в глубине души Раскольников, то при виде хорошего топора он может задуматься о том, что одна старушка, конечно, это всего-навсего двадцать копеек, но зато пять старушек — уже рубль.

Если это правда, то я в душе закоренелый бюрократ. При первом же взгляде на свой кабинет мне захотелось сначала постелить в приемной красную ковровую дорожку, а потом учинить какое-нибудь выдающееся головотяпство. Впрочем, это атавистическое желание продержалось всего несколько секунд — ровно до того момента, когда я обратил внимание на свою секретаршу. А после того, как она закурила, да еще не какую-нибудь благородную «Герцоговину Флор» и даже не «Беломор», а «Север», появилось другое — сбежать отсюда и больше в свой кабинет без противогаза не заходить.

Когда кадровый вопрос еще обсуждался, замдиректора по режиму Лев Васильевич Птицын спросил:

- По поводу секретарши какие-нибудь пожелания будут?
- Ну, во-первых, чтобы она разбиралась в своем деле. Я в нем не разбираюсь и учиться тоже не буду.
- Это само собой.
- Ну и чтобы она была старой мымрой.
- Уточните, пожалуйста.
- Моя невеста при виде нее не должна переживать за мой моральный облик.
- Понятно. Это условие как раз выполнить нетрудно, в отличие от обратного.
- Неужели в Москве мало симпатичных девушек?
- В Москве, может, и много. А в органах, да еще с соответствующим допуском, уже не очень.

В общем, мое пожелание было не только выполнено, но и перевыполнено. Октябрина Григорьевна Ванина оказалась сушеной каргой в возрасте где-то от сорока пяти до восьмидесяти, в ее личное дело я не заглядывал. И дымила, как паровоз, причем не какая-нибудь маневровая «Овечка», а как полноценный «ФД», то есть «Феликс Дзержинский». Правда, печатала она со скоростью хорошего пулемета и без ошибок.

Впрочем, там, где я буду проводить большую часть своего рабочего времени, никаких секретарш не предвиделось.

Институт состоял из двух корпусов — трехэтажного «А» и двухэтажного «Б», соединенных застекленным переходом. Вся администрация размещалась в пока еще на две трети пустом корпусе «А», а для прохода в «Б» требовался особый пропуск, который будут иметь далеко не все сотрудники.

Там и было мое основное рабочее место, состоящее из двух комнат со стальными дверями и мощными решетками на окнах с матовыми стеклами, причем армированными стальной проволокой. Меня уверяли, что ни увидеть, ни услышать что-либо сквозь них даже теоретически невозможно. Именно здесь мне предстояло имплантировать элементы из будущего в изделия настоящего. Поначалу в одиночестве, но моего будущего напарника уже всюду проверял КГБ, и Семичастный сказал, что парень вроде подходит.

С одной стороны, для заместителя директора как-то не совсем комильфо работать руками, но я ведь на эту должность и не рвался. Меня на нее засунул Косыгин, сказав, что так будет лучше. А Семичастный две недели назад вообще вручил мне диплом МФТИ — правда, заочного отделения. Я с некоторым удивлением узнал, что, оказывается, после армии уже успел получить высшее образование, сдавая экзамены экстерном. Правда, оценки мне нарисовали так себе, там даже тройки попадались, но это возмутило только Антонова, а Скворцов считал, что дареному коню в зубы не смотрят.

Моего будущего помощника звали Александром, он работал со мной уже полгода и как электронщик меня вполне устраивал, а как человек — не только меня, но и Семичастного. Не исключено, что он будет на меня постукивать, но это, кстати, не факт. И совершенно неинтересно.

Уже через день мне позвонили из комитета и сообщили, что проверка благополучно завершена, возражений против представленной мной кандидатуры нет. А это означало, что на само деле нет возражений против открытия Саше моей тайны. Частично, естественно, в варианте «я из параллельного мира». Сразу после этого я позвонил в свой бывший подвал, где Саша готовил оборудование к переезду, и сказал, чтобы он вместе с очередной партией ехал в Троицкое.

Как только он тут появился, я подсунул ему бумагу о допуске к сведениям под грифом «Совершенно секретно».

— Если подпишешь, пути назад уже не будет, — предупредил я его. — Но и скучно тоже не будет, это я гарантирую.

Полюбовавшись на аккуратную подпись, я убрал бумагу в сейф и сообщил:

— Ну, главная часть секрета состоит в том, что я не из этого мира.

— В общем-то я так и думал, — кивнул Александр. — Не очень-то ты похож на простого советского парня только что после армии. Даже если на самом деле служил в комитетских войсках, все равно. Ты из космоса или из параллельного мира?

— Второе.

— Да, вряд ли в иных галактиках разумные существа были бы стопроцентными людьми. Хотя в принципе ты вполне можешь быть и неотличимым от человека роботом, как у Азимова. Ну так рассказывай, мне же интересно, в конце-то концов!

Кстати, по нему этого было совершенно не видно. Мне он и нравился тем, что был очень спокойным человеком.

— В общем, у нас почти такой же мир, как ваш, только заметно опережает его в техническом развитии. И у нас никакого СССР нет, есть Российская федерация. Насколько я понял, отличия появились где-то в начале девятнадцатого века и с тех пор потихоньку нарастали...

В общем, я примерно за полчаса вывесил ему на уши всю лапшу, что мы с Антоновым сочинили как раз для таких случаев. Закончил я предложением:

— Хочешь, в порядке доказательства того, что я не робот, дам кому-нибудь в морду? Робот ведь не может причинить вреда человеку.

— Нет, спасибо, это он только у Азимова не может. Но, по-моему, этот вопрос не только недоказуемый, но и совершенно неважный. Кстати, одно, хоть и не совсем исчерпывающее, доказательство все же есть. Ты не пьешь.

— А роботы — они что, по-твоему, все квасят по-черному?

— Нет, но если они человекообразные, то и вести себя должны как люди.

— Ага, а не как рептилоиды вроде меня. Ладно, против переезда сюда ты ничего не имеешь? Из твоей Балашихи ездить будет далековато. Пока могу предложить только место в общежитии, в первом корпусе все квартиры уже поделены, а второй сдадут только в будущем году.

Кстати, этот первый корпус, в котором должны были поселиться мы с Астаховыми, строился ни шатко ни валко. К ноябрю его точно не сдадут, хорошо бы хоть к новогодним праздникам успели.

Александра же Фроловского я решил посвятить в тайну потому, что иначе с луноходной программой мне было не справиться. Во всяком случае, имелся риск ее завалить.

Ведь сделать тележку с моторами, солнечными батареями, заряжающими аккумуляторы, с руками-манипуляторами и хвостом-антенной, это даже не полдела, а от силы четверть. Ей еще надо управлять. И дело даже не столько в задержке сигнала на две с небольшим секунды, за которые радиоволны проделают путь от Земли до Луны и обратно, хоть это и не подарок, а в малой пропускной способности этого канала и приличного уровня помех в нем. И, значит, помимо мер по повышению помехозащищенности, требовалось еще и оснастить луноходики собственными мозгами. В каких-то заранее предвиденных ситуациях они сами должны знать, что делать. Поэтому Саше пора было начинать осваивать электронику образца двадцать первого века. Нынешнюю, шестьдесят пятого года, он знал едва ли не лучше меня.

И, значит, Антонов в два приема переправил мне еще один планшет — первый до сих пор оставался у Косыгина. А также компактную клавиатуру к нему, программатор и мышь, тыкать пальцами в экран не всегда удобно. У меня даже возникла была мысль приспособить перед планшетом большую лупу, чтобы он хотя бы казался крупнее. Для Саши, я-то уже привык, смартфон еще меньше. Но оказалось, что это не нужно. У Фроловского была близорукость, минус три, и он, просто снимая очки, получал примерно такой же эффект.

Итак, в одной из комнат за бронированными дверями была наша с ним лаборатория. А вторая использовалась практически впустую. Там стоял набор реостатов киловатт на пятнадцать, мощный вентилятор и воздухопровод для выдувания горячего воздуха наружу. По легенде, именно там базировалась установка межмировой связи. И, значит, теперь я для получения тех посылок из будущего, которые должен увидеть Саша, заходил в эту комнату, запирали за собой дверь, включал нагреватели и вентиляцию, после чего отправлялся сознанием в двадцать первый век. А потом выключал все это безобразие и нес Саше горсть деталей.

Зато теперь, даже заведись в моем институте шпион (а Семичастный утверждал, что это вполне вероятно, хоть его люди и бдят), он сможет узнать, что там действительно располагается какая-то установка, потребляющая пятнадцать киловатт.

А еще у меня появился служебный транспорт — «Волга». Правда, не черная, а светло-синяя, но зато без водителя. Мне вообще-то хотели всучить и его, но я категорически отказался.

Зато у директора «Волга» была черная, а водитель — из комитета. На оставшихся трех замов имелась всего одна машина. Но незачем им ездить одновременно и в разные стороны, жить они будут в том же доме, что и я, а

он стоит в трехстах метрах от окружающего институт бетонного забора. Мне же довольно часто придется посещать не только Москву, но и Загорск, где для моих луноходов уже начали делать оптику и кое-какую точную механику. А летом и в Ленинград лучше ехать на машине, чем лететь на самолете.

Вообще-то для меня приближался первый экзамен, причем настоящий, не чета тем, которые я сдавал на права и уж тем более якобы сдавал в МФТИ. Я сдал аппаратуру, которая будет осуществлять передачу изображений со станции «Луна-9». В той истории она долетела, мягко села и даже передала какую-то информацию. То есть долетит она скорее всего и сейчас, но вот что передаст — это еще большой вопрос. По идее старт должен состояться тридцать первого января, а до этого мне остается только волноваться. Впрочем, не очень сильно. На сильное волнение не оставалось времени, луноходы сжирали его целиком.

В середине октября в институт привезли первую тележку, и теперь она бодро раскатывала по актовому залу, куда для имитации лунной поверхности навалили бордюрных блоков и битых кирпичей. Эта фиговина чем-то напоминала небольшую собаку с прямоугольным туловищем и крыльями, в качестве которых фигурировали раскладывающиеся солнечные батареи. Спереди на телескопической штанге выдвигалась «голова» с тремя камерами — одной большой для передачи качественных фото, то есть это был вроде как нос. А по бокам не то широко расставленными глазами, не то сдвинутыми на лоб ушами торчали две камеры поменьше для управляющего аппаратом оператора, они обеспечивали передачу стереоизображения с частотой один кадр в две секунды. Сзади бодро торчала вверх антенна-хвост. При езде по пересеченной местности она забавно виляла.

Управление осуществлялось так. Оператор присматривался к картинке, которая благодаря двум камерам и специальным очкам была для него объемной. Приняв решение, он быстро набирал программу очередного рывка. Ну типа «Вперед на половинной мощности ноль тридцать пять секунд, поворот на двенадцать с половиной градусов влево, мощность убавить до четверти — еще ноль тридцать пять, потом колеса прямо и полный ход полсекунды, моторы стоп, стояночный тормоз включить». После чего оператор начинал прикидывать, куда направить машину следующим рывком. Максимальная длина каждого набора составляла сто двадцать восемь команд. Пока набор выполнялся, оператор в управление вмешиваться не мог, а вот собственный ходовой контроллер лунохода мог, если расценивал ситуацию как критическую с точки зрения устойчивости.

Вот тут, как я и ожидал, возникли трудности. Луноход либо слишком осторожничал, останавливаясь там, где в этом не было никакой нужды, либо отважно пер напролом и в конце концов переворачивался.

Кстати, в институте уже вполне официально работала Вера — стажером, по воскресеньям. У нее на удивление неплохо получалось управлять луноходом — хоть и немного похуже, чем у меня, но заметно лучше, чем у двоих других стажеров, прикомандированных к нам от КБ Лавочкина. Так что Шелепин, ознакомившись с результатами, почесал в затылке и признал, что был не прав, поначалу выступая против ее участия в программе.

— Не знал, что у твоей девушки такие способности, — развел руками он. — Надеюсь, у нее хватит ума не болтать.

— Во-первых, безусловно хватит, — заявил я. — А во-вторых, что она может разболтать — что в НИИ «Мечта» делают луноходы? Так об этом уже знают в Ленинграде, Загорске и Химках, а также не меньше четверти населения академгородка. Да и вообще — чего тут секретить? Советский народ должен быть в курсе своих великих достижений.

Надо сказать, что способности у Веры, конечно, были, но сказывалась еще и упорная тренировка. Я соорудил для нее маленькую радиоуправляемую машинку, по управлению максимально приближенную к луноходу, и она каждый день до позднего вечера гоняла ее по квартире. Джулька был в восторге.

И, наконец, Вера тоже узнала часть моей тайны — правда, ничего не подписывая. Я сообщил ей, что после взрыва на учениях был на грани гибели, но меня спас могучий экстрасенс из другого мира. И он меня не бросил по выздоровлению, а продолжает помогать, в том числе и материально.

— Помнишь, ты испугалась, когда я тренировался на время становиться драконом? Так вот, дракон — это был он.

— Так он что, может в любой момент занять твое место? — испугалась Вера.

— Нет, не в любой, а только когда я его позову. Да и то даже при моем согласии это не так просто.

— Ой, Вить... а ты не можешь его все-таки позвать? Нет, если очень трудно, то не надо, но я хотела бы с ним поговорить.

Антонов — вот ей-богу, назвал бы его гадом, не будь он в сущности почти тем же самым мной — ухитрился сделать так, что я забыл его беседу с Верой гораздо радикальнее, чем его же кувыркания с рыбной товароведихой. Он мне только сказал:

— Знаешь, а я тебе даже завидую.

А Вера меня вообще удивила, заявив:

— Тот дракон — он вообще-то хороший, но очень одинокий. Ты с ним как-нибудь помягче, ладно?

— Вот именно! — поспешил воспользоваться ситуацией Антонов. — Что-то мне, бедному одинокому дракону, опять консервированного лосося захотелось. И тамошнюю принцессу на десерт.

— Сгинь, развратник, — посоветовал я своему духовному брату.

Глава 31

В конце октября шестьдесят пятого года в моей жизни произошло знаменательное событие, от какового свершения я по идее должен был впасть в неумеренный энтузиазм и даже, возможно, бежать срочно строить коммунизм. Но мне не хотелось. Ни срочно, ни вообще никак. Тут хоть чуть-чуть бы к построению социализма приблизиться! Настоящего, а не брежневского развитого. А перед этим хотя бы приблизительно понять, как туда идти, а главное — что это такое и как оно может выглядеть. Если кто не понял, уточняю — меня приняли кандидатом в члены КПСС. Вообще-то кандидатский стаж должен был продолжаться два года, но Брежнев пообещал мне, что уже через год я буду полноценным членом партии. А может, и раньше.

— Тут, Витя, все зависит от тебя, от твоих трудовых успехов. Не подведи партию с лунной станцией, и она в долгу не останется.

Леня, ясное дело, с первой встречи знал, что я не только целитель и музыкант, но и плодовитый изобретатель. И про мой институт он мало того что был в курсе, так еще и сосватал туда освобожденного парторга. Это на шестерых с половиной членов партии! За половинку я считал себя. Впрочем, чего ж тут удивляться — все начальство в институте было креатурой Шелепина и Косыгина, вот он и решил разбавить его своим человеком.

К несомненным достоинствам парторга Пал Палыча Шерстобитова я относил то, что он был дубом во всем, кроме самой передовой в мире марксистко-ленинской идеологии. Цитат он, по-моему, знал больше, чем все остальные сотрудники, вместе взятые, но кроме них не знал вообще ничего. Я поначалу даже не верил, что такое бывает, но потом понял, что просто недооценивал возможности человеческого разума. Он, блин, небось еще и не на такое способен.

Так вот, этот представитель партии, только получив допуск в корпус «Б», на следующий же день заявился туда, невзирая на то, что вообще-то на календаре было воскресенье. А нам недавно доставили второе шасси, и мы с Верой пытались прикинуть алгоритмы их взаимной помощи друг другу в сложных условиях. Однако пришлось покинуть операторскую (маленькую комнатку рядом с актовым залом) и идти беседовать с гостем. Впрочем, дверь я до конца не закрыл, чтобы Вера при желании могла услышать наши речи, особенно если они будут идти на повышенных тонах. Я ей в двух

словах шепнул, что задумал.

И вот, значит, луноходики уныло копошились около кучи в центре зала — Вера теперь управляла обоими — а мы с парторгом беседовали на возвышенные темы.

— Виктор Васильевич, — вещал мне этот хмырь, — вы жертвуете для работы своим воскресным отдыхом, и это замечательно. Но вы пока один! А остальные сотрудники еще не прониклись, и вообще, как вы смотрите на такое партийное поручение — вести агитацию среди научно-технического персонала, пока еще поголовно беспартийного?

Вообще-то это было не такое уж плохое поручение — разумеется, если бы я вообще собирался исполнять хоть какое-то. Просто потому, что пока из двухсот единиц штатного расписания были заполнены двадцать шесть, и только шесть, считая меня, были научными сотрудниками и техниками, а остальные двадцать относились к дирекции, канцелярии и отделу кадров.

— Смотрю с энтузиазмом! — подтвердил я. — Сам об этом думал. Мы же занимаемся в числе прочего и разработкой искусственного интеллекта, вы наверняка об этом знаете.

Ну да, под таким наименованием шла разработка речевых функций медийных луноходов. Какой же это интеллект, если он даже болтать не умеет!

— Вот они, наши технические помощники человека, которым предстоит заменить его там, где условия не позволят ему плодотворно трудиться!

Я это сказал чуть громче, чем мы беседовали до того. Вера услышала, и оба лунохода, замерев, повернули морды в нашу сторону.

— А какой же может быть интеллект без правильного, то есть марксистско-ленинского мировоззрения? — риторически спросил я. «Мальчик-два», ко мне!

Луноход с двойкой на передней грани подкатился к нам, сложил манипуляторы на груди и завилял хвостом.

Кстати, такую функцию ему обеспечила Вера, чем вполне обоснованно гордилась. Ведь антенна-хвост изначально могла только выдвигаться из транспортного положения в рабочее и складываться обратно, но зато была гибкой. А каждое из колес имело свой мотор, и Вера, подобрав режим, когда они короткими рывками враздрай дергались туда-сюда, смогла добиться того, что корпус начинал мелко трястись, а хвост — вилять. Получалось у лунохода почти как у Джульки, который явно и был образцом для подражания.

— Видите? Он еще маленький, глупый, мозгов совсем чуть-чуть,

памяти вообще всего шестьдесят четыре мегабайта, но он прогрессирует! И в том, чтобы этот прогресс проходил в правильном направлении, я и вижу свой партийный долг.

— И не стыдно тебе издеваться над человеком? — встрял Антонов. — Он же хочет как лучше!

— И я тоже хочу. Ты, например, можешь сказать, сколько цитат из классиков марксизма влезет хотя бы в один паршивый мегабайт? И я не могу, но подозреваю, что очень много. Вот пусть он мне их и подбирает. Или ты это хочешь взять на себя?

— Упаси господь, — буркнул Антонов и отключился.

В общем, парторг проникся. Записал-то он все правильными словами, но их смысл состоял в том, что моим партийным поручением отныне становилось ведение пропаганды и агитации среди луноходов.

Перед самыми ноябрьскими праздниками в институт привезли шасси научного лунохода. Он был на восемнадцать сантиметров длиннее своих медийных собратьев и не имел рук, зато имел... э-э-э... как бы поприличней сказать... в общем, анус. То есть люк для приема образцов на исследование у него располагался сзади, под хвостом. А куда его еще было девать? Спереди все занято, по бокам при загрузке можно повредить солнечные батареи, да и колеса мешают. В общем, для лунохода «Доцент» выражение «засунь это себе в...» имело не фигуральное, а самое что ни на есть прикладное значение. Понятно, что вместо исследовательской аппаратуры «Доцент» пока был набит ее массогабаритными макетами. В общем, изготовители луноходов проявили себя молодцами и работали с опережением графика.

Зато дом, который собирались сдать сначала к сентябрю, а потом к годовщине Великой Октябрьской революции, теперь обещали закончить к новому году. По опыту предыдущих обещаний я сделал вывод, что новогодние праздники мы проведем еще на улице Крупской. Строители объясняли задержки тем, что здание строилось по индивидуальному проекту — это была кирпичная пятиэтажка с трехметровыми потолками и лифтом, но, к счастью, без мусоропровода. А то ведь иначе мне наверняка пришлось бы вспоминать антоновские навыки по изгнанию тараканов.

Ну, а сразу после сорок восьмой годовщины великого октября к нам явился аж сам куратор советского космоса товарищ Шелепин. Меня об этом предупредил Карасев, то есть на самом деле Косыгин через него. Кто предупредил директора, я не знаю, но он попытался устроить какую-то показуху к приезду высокого гостя. Ну типа чтобы сотрудники в этот день пришли прилично одетыми, во время рабочего дня не шатались по

коридорам и уж тем более по территории, и вообще вели себя как полагается образцово-показательным советским ученым. Этот тип ухитрился даже наехать на мою секретаршу, чтобы она, значит, поменьше курила на рабочем месте. Куда именно она его послала, я точно не знал. Но скорее всего без затей, по стандартному адресу.

Нечто подобное Антонов видел года за три до нашей с ним совместной эпопеи, еще работая в своем НИИ. Тогда туда приезжал Rogozin, и шороху перед приездом было даже больше. Это ладно, вот только пользы от того визита не было вообще никакой. Посмотрим, как будет сейчас.

В общем, я решил по мере сил поучаствовать в подготовке к высокому визиту и, сходя в свой кабинет, озадачил секретаршу. Уже следующим утром письмо со всеми требуемыми подписями и печатями было готово. Оно адресовалось директору школы, где училась Вера, и в нем сообщалось, что товарищ Астахова Вера Михайловна является ценным специалистом, и иногда ее присутствие на работе бывает совершенно необходимым. Чтоб, значит, ее отпускали с уроков, когда надо.

— Меня бы и так отпустили, — пожала плечами Вера, принимая от меня бумагу.

— Может, отпустили бы, а может, и нет. А к нам приезжает сам Шелепин, и кто ему будет демонстрировать все возможности луноходов — Вася с Гариком?

Имелись в виду стажеры из КБ Лавочкина.

— Понятно, — кивнула Вера. — Хорошо, мы с тобой ему все покажем. А я заодно еще и Александром Николаевичем познакомлюсь, а то ведь даже не видела его ни разу.

Шоу луноходов прошло на ура. Я управлял первым «Мальчиком», Вера — вторым, который ей нравился больше. Она утверждала, что он умнее и послушнее. Стажеры гоняли по актовому залу «Доцента». Шелепин сначала просто смотрел, а потом попросил дать ему порулить. Я объяснил, как набирать и вводить пакеты команд, вручил очки и уступил операторское место.

Сразу выяснилось, что управлять «Мальчиком» — это не плести интриги в ЦК. Сделав несколько неуверенных па, луноход подъехал к краю кирпичной кучи, накренился и встал. А из динамика перед оператором донеслось «дальнейшее выполнение программы опасно, требуется подтверждение».

Я показал, куда для этого надо ткнуть. Шелепин ткнул, луноход дернулся вперед и опрокинулся.

— И что теперь? — поинтересовался Александр Николаевич.

— Вы его положили очень удачно — в том смысле, что самому ему теперь на колеса не встать, солнечные батареи мешают. Но такая ситуация возможна и на Луне, и мы ее отрабатывали. Дайте-ка я сяду. Вер, готова?

— Всегда готова! — бодро ответила напарница, хотя уже больше года была не пионеркой, а комсомолкой.

Вскоре при посильной помощи второго «Мальчика» первый был перевернут и поставлен на колеса. После чего они хором отрапортовали:

— Готовы к выполнению дальнейших заданий!

— С ними что, еще и разговаривать можно? — удивился Шелепин.

— А вы попробуйте.

— Хм... а как к ним обращаться?

— «Мальчик-один», «Мальчик-два». Если к обоим сразу, то «Мальчики».

Нет, программы ведения хоть сколько-нибудь осмысленной беседы я в них еще не прошивал, хотя такие планы были. Но пока каждый луноход мог выдавать любую из заранее записанных девяносто девяти фраз на выбор оператора.

— «Мальчики», как вы относитесь к перспективам освоения Луны? — громко спросил Шелепин.

Так, начал соображать я, какая фраза лучше всего подойдет в качестве ответа? Кажется, тридцать первая, но точно не помню. Да и хрен с ним — подумаешь, ошибусь, решил я и быстро ткнул в тройку и единицу. И все-таки слегка ошибся, потому что мой луноход восторженно заорал:

— Слава КПСС!!!

Хотя, кажется, Шелепину его ответ пришелся по душе.

А Вера не спешила, и у нее получилось лучше. Когда стих ор первого лунохода, второй изрек:

— Нас сделали и воспитали так, что мы не боимся трудностей.

В общем, цирк Шелепину понравился, и под конец он спросил, нет ли у нас каких-либо пожеланий и личных просьб.

— Есть! — отважно пискнула Вера и на всякий случай спряталась за меня. Мы с ней предполагали, что такой вопрос обязательно будет, и решили, что озвучивать просьбу уместней именно ей.

— Можно, я выйду замуж? За Витю. Мне уже почти семнадцать лет!

Директор института беззвучно открыл рот, побледнел и вообще, кажется, был близок к обмороку. Похоже, Верина просьба нарушила какие-то правила внутриноменклатурного этикета, причем капитально. Но Шелепин явно был готов к чему-то этакому.

— Можно, — усмехнулся он. — Но не прямо сейчас. Ты же вроде

учишься в десятом классе?

— Да...

— Вот как закончишь школу без троек, так хоть в тот же день можешь выходить, разрешение будет. Но за каждую тройку в аттестате — двухнедельная задержка. Согласна?

На всякий случай я шепнул:

— Вер, ты только не верещи «ура» на весь институт. Ты же взрослая, солидная и почти замужняя женщина.

— И не собиралась! — шепотом возмутилась невеста. — Сам ты солидный! Хорошо, не буду.

И степенно обратилась к Шелепину:

— Да, конечно. Спасибо. Приходите к нам на свадьбу!

А вот это уже была импровизация, мы с ней такое не обсуждали.

— Благодарю за приглашение, приду, если будет время. Сейчас, к сожалению, ничего обещать не могу.

На прощание я передал Шелепину флешку для Косыгина, на которой была заказанная им подборка по наиболее известным кооперативам конца восьмидесятых годов. Кажется, Алексей Николаевич одобряет методы Дэн Сяопина и собирается начать проведение реформы снизу. Сначала индивидуалы, потом кооперативы, а там, глядишь, дело и до средних предприятий дойдет. Крупные же пока лучше не трогать, ну разве что если совсем чуть-чуть.

Сразу после отъезда высокого начальства я с облегчением занялся использованием служебного положения в личных целях. А то даже как-то неудобно — сижу в замах директора, причем не каких-нибудь, а по науке, уже скоро три месяца, а до сих пор так и не сподобился. Коммунист я в конце концов или кто? Ну ладно, пусть пока кандидат, но ведь и злоупотребление у меня будет так себе, на серьезное никак не тянет. В общем, я загнал свою служебную «Волгу» в институтский гараж и приступил к ее несогласованному с начальством апгрейду.

Ведь того и гляди начнется зима! А машина у меня на улице Крупской стоит без гаража, во дворе, и при наступлении холодов по утрам возможны трудности с запуском двигателя. Это лечится установкой транзисторной системы зажигания, которую я давно спаял, а сейчас настало время поставить.

Кроме того, ездить самому и, главное, возить Веру без ремней безопасности — это моветон, я считаю. Поэтому детали для упомянутых ремней были заказаны вместе с оборудованием для операторских мест, и сейчас им пора было занимать свое место в «Волге».

Наконец, отсутствие подголовников тоже не украшает детище советского автопрома. А если в нас кто-нибудь влетит сзади? В общем, с ними тоже предстояло повозиться. Ну и под занавес заменить колеса на те, где уже стояли шины с местными шипами. Кстати, они неплохо держались, из москвичевских за прошлую зиму выпало всего штук десять, не больше.

Ну, а в начале декабря Ефремов сообщил, что скоро к нему в гости приезжают братья Стругацкие, которые с интересом относятся к перспективе знакомства с одним из творцов советской космической техники.

— Под этим творцом, естественно, подразумеваетесь вы, — уточнил Иван Антонович.

— Вера тоже творец.

— Неужели? Не знал.

— Да, видели бы вы, что под ее управлением вытворяет луноход! Недавно он вообще твист танцевал.

— Хорошо, приезжайте с Верой.

Когда я сообщил невесте, что на днях повезу ее знакомиться с авторами «Страны багровых туч» и «Понедельник начинается в субботу», она открыла было рот, но потом на всякий случай уточнила:

— Сейчас-то можно потихоньку завопить «ура»? Джулька не против, а больше никого в квартире нет.

— Да верещи сколько хочешь, мне это совершенно не мешает. Можешь даже запрыгать от радости, это у тебя хорошо получается. Даже лучше, чем в детстве.

Ну да, в детстве были просто прыжки, и все, а теперь уже есть чему приятно для глаз колыхаться в такт тем самым прыжкам, мысленно закончил я.

Глава 32

— Вить, как же ты по такому гололеду поедешь, люди даже пешком падают, — бормотала Вера, залезая в «Волгу». — Если бы не шкурка на ботинках, что ты мне наклеил, и я бы упала.

— Да я по нему сегодня уже километров пятьдесят намотал, и ничего. С шипами можно. Давай, пристегивайся, и поехали.

Мы направлялись к Ефремовым, где сегодня должны были быть еще и Стругацкие. А я перед визитом съездил в институт, там у меня были дела. Вера подсела ко мне на обратном пути рядом с магазином «Лейпциг».

Впереди был длинный и сравнительно крутой спуск до самой улицы Строителей, и у меня даже мелькнула мысль проделать этот отрезок пути по дорожке-дублеру, где не было вообще никакого движения, а по Ленинскому все-таки потихоньку и понемногу ездили. Однако для заезда на дублер надо было сдавать назад, да и вообще — машин там нет, но пешеходы могут кинуться прямо под колеса, а по такому гололеду я могу не успеть затормозить, несмотря на шипованные шины. В общем, я поехал прямо, внимательно смотря не только вперед, но и назад. Ведь если какой-нибудь торопыга не притормозит перед этим спуском, то на нем он уже не сможет сделать ничего, особенно на летней резине без шипов, а другой сейчас почти ни у кого нет.

Ну так и есть, накаркал, подумал я, подъезжая к перекрестку. Нас быстро догоняла черная «Волга», мотаясь из стороны в сторону в тщетных попытках хоть немного притормозить. Я прикинул траекторию ее дальнейшего движения, до предела сместился вправо и остановился — на светофоре горел красный. Рядом стоял четырехсотый «Москвич», и неуправляемая «Волга» должна была въехать прямо ему в зад. Правда, скорость она уже сбросила, но все-таки не до конца.

Бумс!

Получивший пинок «Москвич» выкатился метров на пять вперед, а «Волга» заняла его место. Я вышел, Вера тоже.

Из черной «Волги» выскочил мужик в дорогом пальто (я уже научился в них разбираться), но без шапки, и заорал на растерянного водителя «Москвича»:

— Ты чего тут встал посреди дороги — не видел, кто едет? Документы давай!

— Сначала ваши, — вступил я в беседу.

— А ты тут кто такой?

Вместо ответа я раскрыл перед ним свое комитетское удостоверение — вот оно и пригодилось.

Мужик из «Волги» прямо на глазах сдулся. Ясное дело, он не дотягивал до того номенклатурного уровня, при котором КГБ ему уже не страшен. Такие люди ездят не на «Волгах», а как минимум на «Чайках». По крайней мере, в Москве.

— Товарищ капитан, — заблеял он, — признаю, погорячился, но и вы поймите — меня же чуть не убили!

Да, Семичастный слов на ветер не бросал, и я был уже капитаном. А насчет того, что стоящего передо мной типа тут убивали, это явное преувеличение. Подумаешь, капает кровь из носа. Кстати, интересно, что он забодал — приборную панель или ветровое стекло? И не добавить ли ему в хрюкальник, чтобы жалобы на здоровье стали более обоснованными? Нет, я же почти коммунист, а, значит, стучать должен не по мордам, а в вышестоящие инстанции. Да и вообще есть дело поважнее.

Я подошел к «Москвичу» и спросил у водилы:

— С вами все в порядке? Шея не болит? Голову поверните — не больно? Ну, выходит, вам повезло, могло быть хуже. Значит, сейчас этот товарищ придет в себя и начнет предлагать вам деньги. Не отказывайтесь, он ведь станет это делать от чистого сердца.

После чего, на глаз оценив повреждения «Москвича» как незначительные, я вернулся к номенклатурному типу и заявил:

— Если вы надеетесь, что ваше хамское поведение, позорящее в глазах трудового народа высокое звание коммуниста, сойдет вам с рук, то это зря. Последствия обязательно будут, но они могут быть разными. Если вы немедленно не компенсируете человеку ущерб тремястами рублями и не извинитесь перед ним, то я приложу все силы, чтобы мало вам не показалось.

— Какой еще ущерб? И у меня нет с собой таких денег!

— Ваши проблемы. В общем, в семь вечера я проверю. Не успеете — пеняйте на себя. А теперь идите извиняться, я тут с вами долго загорать не собираюсь. Не задерживайте занятых людей.

— А я думала, ты его побьешь, — разочарованно сказала Вера, когда мы продолжили движение.

— Вер, ну ты что — по такой мерзкой роже, да голыми руками? Перчатки-то в машине остались. А потом, рук не помыв, идти к Ефремовым? Да ну его в задницу вместе с его черной «Волгой».

Когда мы приехали на улицу Губкина, Стругацких там еще не было, и

я, воспользовавшись телефоном, быстро, качественно и с чувством настучал Семичастному про номенклатурного хама. Ефремов поначалу слушал неодобрительно, но потом, вникнув в детали, согласился:

— Да, пожалуй, вы правы. Перевоспитывать таких уже поздно, но теперь пусть хоть опасается строить из себя барина, дабы вновь невзначай не нарваться на сотрудника конторы. А набить такому морду, так потом вони не оберешься.

Стругацкие пришли примерно через полчаса после нас, как раз к тому моменту, когда стол был накрыт. По нынешним временам он буквально ломился от деликатесов.

На самом видно месте стояла бутылка коньяка «Аист». Скворцов по вполне понятным причинам сказать по этому поводу не мог ничего, зато Антонов, порывшись в давешних воспоминаниях, еще до перестройки и обретения паранормальных способностей, вспомнил, как он с него блевал. Мол, пойло еще то, хуже него был только «Солнцедар» и какая-то египетская мерзость, название которой он уже забыл. Впрочем, Иван Антонович утверждал, что это очень приличный коньяк, достать который не так уж просто.

Надо сказать, что отношение к Ефремову властей, в том числе и местных, а также писательских, в последнее время заметно изменилось. Не очень понятно, почему люди решили, что он стал вхож на самые верхи, с Косыгиным они встречались всего раза три-четыре, но факт был налицо.

Чиновники, особенно мелкие, старались угодить Ивану Антоновичу, а ведь именно от мелких может зависеть довольно много. В общем, продуктовые заказы Ефремовы теперь получали регулярно. А я еще привез черной икры, Антонов потом сам купит в «Рыбе» сколько ему надо.

Ефремов представил нас друг другу. Братья с интересом разглядывали меня — похоже, их смущал мой возраст. Мол, нам обещали одного из ведущих разработчиков, а это что за юноша? И уж тем более что за девчонка рядом.

Такая реакция была вполне ожидаемой, поэтому я дополнил Ивана Антоновича:

— Вера — ведущий пилот группы управления роботами. Именно им предстоит осваивать дальний космос, человеку туда пока еще рановато. А я — заместитель директора научно-исследовательского института «Мечта» по науке.

Похоже, Косыгин был прав, настояв на том, чтобы я стал замом директора, а не завлабом, прикинул я, пронаблюдав за реакцией братьев. Потому что завлаб — он немалая шишка только в академических

институтах, а в отраслевых это что-то среднее между начальником цеха на производстве и заведующим вольером в зоопарке. Зато зам — он и в Африке зам.

Кстати, Борис Стругацкий выглядел ничуть не старше меня. Зато Аркадий смотрелся даже несколько старше своих сорока лет. Так вот, Борис, с немалым удивлением выслушав мое представление, обратился к Вере:

— А вы нам не расскажете, как пилотируются роботы — или это секрет?

— Конечно, секрет, — солидно кивнула Вера, — поэтому я вам рассказывать почти ничего не буду. Зато могу показать. Вот, смотрите.

Вера выложила на стол пачку цветных фото, на которых были изображены луноходы, катающиеся по кучам кирпичей, вытягивающие друг друга из ям-ловушек, а потом гуськом покидающие испытательный полигон в актовом зале.

— У нас даже кино есть! — похвасталась Вера после того, как фотографии были рассмотрены и возвращены ей. — Цветное, но, к сожалению, немое.

— А чего там слушать, — не понял Аркадий. — Они что, могут общаться голосом?

— Конечно. Сейчас у них звуковая аппаратура с динамиками, а перед полетом она будет заменена на радиостанции таких же габаритов и веса. Наши луноходы умные, особенно двойка, и говорят... э-э-э... Вить, я опять забыла, как.

— Идеологически выдержанно, — подсказал я. — Иван Антонович, у вас все готово? Тогда тушите свет, и начинаем смотреть кино.

Фильм произвел более сильное впечатление, чем фото. Все-таки подвижную технику надо рассматривать именно в движении, статичные снимки такого впечатления не производят. Теперь оба брата смотрели на Веру с искренним уважением и называли Верой Михайловной, отчего она даже немного стеснялась.

— Наверное, названия ваших роботов секретны, — предположил Борис.

— Технические, что записаны в документации — конечно. Но неофициальные — нет. Роботы-рабочие называются «Мальчик-1» и «Мальчик-2», самоходная лаборатория — «Доцент».

— Пойдите, «Мальчик» — это... — наконец начало доходить до Аркадия.

— Ну да, в честь вашего вездехода из «Страны багровых туч». Правда,

похожи? Кроме разве что размеров и формы, она у наших «Мальчиков» не обтекаемая, потому что это им не нужно.

— Так вы читали «Страну»? А что-нибудь еще?

— Все ваши произведения, — заверил я.

— Товарищи, утка стынет, буженина заветривается, — забеспокоилась Таисия, — может, продолжим беседу за столом? Раз уж кино кончилось.

— Точно, и коньяк выдыхается, — потер руки Ефремов. — Прошу к столу.

Поначалу все отдали должное закускам и напиткам, но ближе к десерту беседа продолжилась, сместившись в область литературы.

— Интересно, — заметил я, — за одним столом собрались все писатели СССР, сумевшие хоть сколько-нибудь убедительно изобразить коммунизм. Остальные или не пытались, или пытались, но у них ничего не вышло.

— А у нас, значит, вышло? — вроде как не поверил Аркадий.

— Да, во многом из-за нестандартного подхода. Коммунизм вообще-то подразумевает, что люди стали иными, по-другому он не получится. Ну, а у вас они те же самые, что сейчас, только совсем немного лучше.

— И что?

— Все бы хорошо, но ваш коммунизм — это общество дилетантов. Все что-то с энтузиазмом делают, но никто в делаемом не разбирается и разбираться не хочет. Ладно, что в новелле из «Полдня» инженер и двое ученых не смогли отличить кухонный комбайн от стиральной машины и даже не подозревали, что перед включением незнакомого прибора вообще-то не помешает почитать инструкцию. Это юмористический рассказ, все в пределах жанра.

— Вить, — вмешалась Вера, — расскажи про «Радугу». У тебя хорошо получается, я так не смогу.

— Попробую, — кивнул я, — вот только мой рассказ может не совсем понравиться авторам.

— Ничего, умные критические отзывы даже интереснее хвалебных, а говорить глупости вы явно не будете, так что будьте добры.

— Хорошо. Итак, Вера недавно прочитала «Далекую Радугу». Не спорю, вещь у вас получилась сильная. Дочитав до конца, моя невеста заплакала, а потом сквозь слезы спросила — почему так получилось? И я ответил то, что думаю — исключительно по авторскому произволу. По уму все было бы совсем не так.

Не могло быть ни одного ребенка и даже взрослого туриста на планете-полигоне, где проводятся опасные эксперименты! А что их

опасность всем известна, из текста видно совершенно ясно. Это ведь была не первая и даже не десятая Волна. Ну да, предыдущие были слабее. Но что, ни у одного идиота не хватило мозгов задать вопрос — а что будет, если очередная вдруг окажется сильнее предыдущих? Так почти не бывает даже при нашем далеко не идеальном социализме, и уж тем более не должно быть на более высокой стадии развития.

Итак, с детьми мы закончили. Идем дальше. Для защиты от Волны используются машины — «Харибды». И все. Ни резерва, ни более мощных защитных средств нет, хотя прямо-таки напрашиваются более емкие стационарные поглотители на последней линии обороны. А у вас — если передвижные не справляются, остается только заворачиваться в простыню и ползти на кладбище. Что вам и удалось блестяще изобразить.

Хорошо, «Харибды» погорели, ничего другого нет, две Волны бодро прут с полюсов к экватору. Самое время начинать эвакуацию. И что? На планете всего один корабль, способный от нее оторваться! К тому же для эвакуации совершенно не приспособленный. Где орбитальные станции с вместимостью на все население планеты плюс запас? Где челноки ближнего радиуса для быстрой доставки людей на эти станции? Ничего нет, не было и не будет. Почему не будет? Да потому, что на протяжении всей повести ни один персонаж не задал самый логичный вопрос — а кто за это все ответит? Кого будут судить и впаяют максимальные сроки за развернувшуюся трагедию? А раз таких вопросов не было, как и виновных, то, значит, подобные вещи станут повторяться с пугающей регулярностью.

Кстати, все здесь присутствующие относятся к нашим нынешним властям с изрядной долей скепсиса. И что было бы, руководили исследованиями на Радуге тот же Шелепин? Да хоть Брежнев. Так вот, ваши ученые непрерывно жаловались бы, что начальство их задолбало регулярными придирами, запретами того, этого и еще вон того под предлогом нарушения техники безопасности. Но зато, как только мощная Волна сожгла бы первые «Харибды», в дело сразу включились бы машины из резерва первой очереди, а второй, третьей и стационарным установкам была бы объявлена нулевая готовность. И челноки уже прогревали бы стартовые двигатели — правда, не все. Вдруг выяснилось бы, что некоторые не заводятся, хотя по документам они проходили проверки каждый месяц, а с каких-то неустановленных личности сперли и загнали налево навигационное оборудование, так что лететь-то они вроде могут, но вот куда — это уже вопрос. Но ничего, у нас народ неприхотливый, набились бы, как сельди в бочки, и все улетели бы. А отдельные герои на неисправных челноках и с такой-то матерью даже ухитрились бы вывезти

особо ценное оборудование. Ну, а потом, естественно, было бы наказание невиновных и награждение непричастных. И мне почему-то такая картина при всех ее недостатках импонирует больше, чем описанная вами.

— Да уж, — вздохнул Аркадий, — не оставили вы от нашей вещи камня на камне. Вот теперь я верю, что вы действительно не только успешный изобретатель, но и руководите коллективом. Чувствуется определенный стиль.

Если это комплимент, то довольно сомнительный, подумал я. Антонов же при этих словах обидно заржал — ага, огромным коллективом из целых пяти человек! Хотя нет, шести, секретаршу забыл.

— Еще двух стажеров и Веру, — напомнил я. — И вообще, что бы ты понимал в литературе! Небось там у себя даже книги про попаданцев считаешь художественными произведениями, так что здесь тебе не там, я с твоим мнением не согласен.

Борис же решил уточнить:

— Скажите, а почему вы называете малые космические корабли челноками?

— Да потому, что их задачей будет только доставка людей и грузов с орбиты и на орбиту. Туда-сюда, туда-сюда, как челнок.

— Вы мне, конечно, не ответите, — это уже Аркадий. — Но по вашим словам можно догадаться, что такие устройства уже разрабатываются.

— Туда-сюда ерзает не только челнок, — снова влез Антонов, но я его сомнительную подсказку проигнорировал, ответив старшему брату:

— Догадывайтесь на здоровье, только, пожалуйста, во всеуслышание о своих догадках не объявляйте. Впрочем, если хотите поближе познакомиться с одним интересным и обаятельным человеком, его зовут Владимир Ефимович Семичастный, можете объявить.

— Хорошо, «Далекая Радуга» вам не нравится. А есть то, что у вас отторжения не вызывает?

— Вы не совсем правы, она мне нравится. Несмотря на странные исходные посылки, вам удалось написать ее так, что, читая первый раз, я вообще не мог оторваться. Вот где-то прочтения с третьего-четвертого уже начали оформляться вопросы. Но, конечно, самое сильное из написанного вами на сегодняшний день — это «Хищные вещи века». Произведение буквально провидческое. Именно такое будущее, как мне кажется, с вероятностью более девяноста процентов и может ждать человечество. Причем в нем есть немало весьма привлекательных черт! Ведь человек там свободен. Хочешь — жри, хочешь — пей, хочешь — балуйся наркотиками. Но, с другой стороны, никто не мешает учиться, творить, бороться за

счастье человечества. Вот только появление людей, желающих всего этого, в таком обществе возможно в основном со стороны. То, что они вырастут там, маловероятно. Вам удалось подметить и описать одну из главных засад на пути к социальному прогрессу. С одной стороны, для него необходимо изобилие материальных благ. А с другой — это изобилие с большей вероятностью приведет к деградации членов упомянутого общества, чем к их духовному прогрессу. И как это противоречие разрешить, никто, по моему, пока не знает.

— Вить, — снова вмешался Антонов, — когда спустишься с сияющих высот, обрати внимание, как на тебя смотрит Вера. И как Аркадий, на Бориса можешь не смотреть. Тебе это ничего не напоминает?

А ведь он прав, подумал я, когда старший брат перед уходом, оглянувшись и убедившись, что нас вроде никто не слышит, поинтересовался:

— Виктор, а вам не страшно за вашу... Киру?

— Можно, я ему отвечу? — хмыкнул Антонов.

— Давай.

Несколько секунд на смену личины, и вот он уже объясняет Аркадию:

— Опасения, конечно, есть. Но у меня все же и воспитание не такое, как у вашего героя, и понятия о жизненных ценностях несколько иные, да и возраст тоже не такой уж юный, было время избавиться от избыточного гуманизма. В общем, я им не Румата, в случае чего буду работать на опережение. И, главное, они это прекрасно понимают.

Глава 33

В понедельник шестого декабря я только начал переодеваться, приехав в институт, как меня позвали к телефону.

— Скворцов на проводе, — сообщил я.

— Здесь Косыгин. Виктор, вы не могли бы приехать ко мне на дачу прямо сейчас?

— Если совсем срочно, то могу быть минут через сорок. Если ехать без фанатизма, то через час.

— Жду вас через час.

М-да, думал я, выруливая с территории на улочку, которая вела к Калужскому шоссе. Что там у них стряслось? По линии луноходов все вроде в порядке, может, Косыгину опять калькуляторы понадобились? Ну да, причем настолько срочно, что прямо надо все бросить и мчаться к нему. Ладно, скоро узнаю, решил я и поймал себя на том, что непроизвольно прибавляю газ. Нет уж, обещал ехать без фанатизма, значит, так и надо.

Стрелка спидометра вернулась на отметку «восемьдесят». Все-таки сейчас зима, и на летних шинах, пусть и с шипами, быстрее лучше не разгоняться.

На даче меня ждал не только Косыгин, но еще и Шелепин с Семичастным. То есть вся троица посвященных была в сборе.

— Виктор, — начал Шелепин, — мы тебя позвали для того, чтобы сообщить — три с половиной часа назад автоматическая межпланетная станция «Луна-8» совершила успешную посадку на поверхность Луны и уже начала передавать информацию.

Я даже не сразу врубился, ведь моей аппаратуры на станции не было, она вся устанавливалась на «девятку». Но потом сообразил — «восьмерка» должна была разбиться! А тут, выходит, все-таки не разбилась, села? И, похоже, с какой-то моей помощью. Ну да, я же передал Шелепину все материалы, которые нашел в сети о советских неудачных запусках, авариях и катастрофах в космосе. И, значит, ими смогли воспользоваться. Интересно, как — Семичастный пришел к Королеву и заявил — «Сергей Павлович, наши доблестные разведчики добыли сведения, что при очередном запуске у вас не сработает система включения такого-то топливного насоса»?

— Согласно твоим документам, — продолжал Шелепин, — нештатное прилунение станции произошло из-за производственного дефекта

резинового амортизатора. Я инициировал внеплановую проверку, и его удалось выявить. Результат, так сказать, налицо, причем благодаря своевременному предупреждению. Поэтому партия и правительство приняли решение о премировании. Бери, заслужил.

Он протянул мне не такой уж маленький и довольно пухлый голубоватый конверт.

Я машинально взял. Ну и ни хрена ж себе! Ладно, это не первое изменение истории, которое мне удалось инициировать. Но про того же Суслова я регулярно капал на мозги всей троице, пока его наконец не задвинули. Зато тут мало того что ничего не делал, так и вообще был совершенно не в курсе! Ведь запрашиваемые материалы я не читал, а только просматривал по диагонали. А «восьмерка» раз — и удачно села, да мне еще за это премию дали. Лепота.

— Кроме того, — продолжил уже Косыгин, — ваша информация сильно помогла небезызвестному вам Юрию Карнауху в его деятельности на благо СССР, поэтому в конверте еще и чеки, как было обещано.

— Жалко, что ты не пьешь, а то бы сейчас отметили, — заявил Семичастный. — И, кстати, можешь не волноваться — твой дорожный хам из Бауманского райкома оплатил повреждения «Москвича» и даже успел получить свой выговор — правда, без занесения. Думаешь, мало?

— Да хрен с ним, может, в следующий раз подумает, прежде чем на людей наезжать.

— Что за история? — поинтересовался Косыгин.

— Витя, как настоящий коммунист, не смог пройти мимо творящейся на его глазах несправедливости. Ну, а я сейчас проинформировал о результатах.

— Да, чуть не забыл, — спохватился я. — Володь, можно к тебе обратиться с личной просьбой? Раз уж я так незаметно для себя вдруг отличился.

— Валяй, — кивнул Семичастный.

— Как вы, наверное, все уже знаете, у меня есть невеста, — начал я.

— Да уж, — усмехнулся Косыгин, — не заметить этого было бы трудно. А не услышать — и вовсе невозможно.

— Так вот, она умеет управлять не только луноходом. Мотоциклом тоже, причем не хуже, я ее учил сам и как положено. Правила тоже знает на пять баллов. Нельзя ли ей организовать права? Ну нет у нас времени на беготню по всяким автоинспекциям.

— Сделаем, не вопрос. Через неделю права будут. Тем более что вам не к спеху, сейчас зима.

— А я ей собираюсь купить такой мотоцикл, но котором можно ездить и зимой.

— Тогда скажу, чтобы не тянули. Ее фотографии на документ у тебя с собой? Давай сюда.

— Теперь остается, чтобы не подвела аппаратура «Луны-9», — подытожил Шелепин.

У меня было желание вскрыть конверт сразу после выезда с косыгинской дачи, но я сдержался. Пусть сюрприз будет не только мне, но и Вере. Поэтому пускай пока конверт полежит, я его даже на работе не трону. А вот вечером, когда вернусь домой, тогда и посмотрим.

— Ой, Вить, что это? — сразу заинтересовалась Вера, зайдя ко мне и увидев лежащий на пустом столе конверт.

— А ты включи телевизор и посиди около него. Там скоро скажут, что наша межпланетная станция успешно села на Луну и вышла на связь с Землей. А это премия.

— Мапочки! Так ты, кроме луноходов, еще и станцию сделал?

— Не то чтобы сделал, но принимал некоторое участие.

— Небось без тебя бы у них все бы давно взорвалось и никуда не полетело бы. Давай открывай, пока я тут не померла от любопытства.

— Ох ты... — потрясенно прошептала Вера, глядя на рассыпавшиеся по столу сторублевые купюры. — Сколько же тут?

— Пять тысяч, — сказал я, закончив подсчет.

— Это же «Волгу» можно купить!

— Нет, шестисот рублей не хватает. И, главное, зачем — тебе что, нашей служебной мало?

— Не обязательно нам, можно папе, он эти недостающие шесть сотен займет у кого-нибудь. Ой, дура я, дура! Тебе же небось самому что-то надо?

— Надо, но оно недорогое. Зато дяде Мише «Волга» не нужна. Его рабочую «Победу» списывают, и он ее собирается выкупить, я уже намекнул кому надо, чтобы не возражали. С деньгами на выкуп и приведение машины в идеал мы ему, конечно, поможем.

— А это что?

— Это чеки для «Березки». Там на них можно купить импортные товары, правда, раза в два дороже, чем они стоят на западе. И наши из тех, что не найдешь в продаже, причем они, наоборот, обойдутся заметно дешевле. Один такой магазин есть неподалеку, у метро Академическая.

— Поехали туда прямо сейчас!

— Вер, а подумать? Вот придет тетя Нина, мы ее предупредим, чтобы завтра освободилась с работы пораньше, и все туда поедет. Хотя твой отец,

наверное, откажется.

Ну да, ко всяким излишествам дядя Миша относился неодобрительно. Вряд ли его заинтересуют «Наполеон», «Курвуазье» или итальянский вермут. Будучи человеком простым и неприхотливым, он при наличии выбора предпочитал портвейн «Три семерки».

В «Березке» мы, естественно, первым делом отправились в отдел шмоток. Сначала была отоварена тетя Нина, и, несмотря на ее неуверенные возражения, она скоро стала обладательницей югославского вечернего платья, флакона французских духов, индийского джинсового костюма, итальянских туфель и какой-то сумочки неизвестной национальности.

Потом настала моя очередь. Мне было куплено два костюма, один на свадьбу, другой на всякий случай, плюс к ним немецкие штиблеты, три рубашки и два галстука. Сам я купил спортивные туфли, по фасону напоминающие кроссовки.

— Вер, — предложил я, — давай сначала купим стиральную машину, а ты пойдешь отовариваться после. Мало ли, вдруг на нее потом не хватит.

Невеста согласилась и потерпела до покупки машины, но зато потом развернулась на все деньги. Я грустно посмотрел на довольно приличный «Акай» — чеков осталось разве что на катушку пленки к нему, не больше. Ничего не поделаешь — как неоднократно говорил Ефремов, мы должны в первую очередь развивать в себе потребности высшего порядка. А прочие, в том числе и в антикварных буржуйских магнитофонах, пусть пока обождут. Ничего, мне и моей бывшей «Кометы» хватит.

В среду я перед работой заехал в спортивный магазин, где приобрел мотоцикл М-104. Из-за небольшого веса на нем можно будет ездить и зимой, а что максимальная скорость невелика, семьдесят пять по паспорту, так это не страшно. Пусть Вера сначала год отъездит без аварий, а там посмотрим — то ли форсировать ей эту «Макаку», то ли купить «Яву».

Однако в исходном виде я это чудо вручать невесте не собирался, поэтому «Макака» при помощи грузчиков из магазина была запихнута в багажник «Волги». Естественно, целиком она внутрь не влезла, переднее колесо, руль и бензобак торчали наружу. Я потихоньку, чтобы не потерять по дороге покупку, поехал в институт, а грузчики удалились с честно заработанной бутылкой водки.

Семичастный сдержал обещание, и в субботу курьер привез на улицу Крупской права для Веры. Причем не только на мотоциклы, но и на легковые автомобили, и даже на грузовые. Сейчас это были не категории в едином документе, а три отдельные книжечки.

— Значит, тебе надо быстро научить меня водить еще и автомобиль, а

то получается как-то неприлично, — заявила Вера, закончив разглядывать свои новые документы.

— На «Волге» — без проблем, но где я тебе грузовик возьму? Его даже в институте нет. И соответствующих прав у меня, кстати, тоже.

— Ну так скажи Семичастному, — пожала плечами Вера. — Хотя в Троицком тебя и без них никто останавливать не станет. И почему в институте нет грузовика — на чем мы будем возить настоящего «Мальчика», большого, для Венеры? Не век же нам на Луне копошиться.

Да уж, вопроса, умею ли я водить грузовик, у Веры даже не возникло. Хорошо, что Антонов в свое время научился, и неплохо. И, значит, она уже на Венеру собралась? Неплохо для ученицы десятого класса.

А Вера все не умолкала.

— Наверное, раз мне привезли права, мы скоро пойдем покупать мотоцикл?

— Уже купили, и я его доработал. Вот завтра мы в институт поедem на машине, а оттуда ты погонишь свой мотоцикл сюда. Не забудь захватить теплую одежду. Или оставим его пока там?

— Ну вот еще, он мне здесь пригодится. Неужели у меня теперь есть свой мотоцикл? «Эм — сто четыре», как мы договаривались? Вить, милый, дай я тебя поцелую! А какого он цвета?

— Твоего любимого, бирюзового.

— Не может быть! На заводе их красят только в серый, грязно-синий и зеленый.

— Думаешь, его было трудно перекрасить?

— Это все для меня?

— А для кого же еще, спрашивается? Джульке все равно. Кстати, корзинка для него тоже готова, только она крепится не перед рулем, как было на мопеде, а на месте пассажира.

В середине декабря мне сообщили, что тестирование моей аппаратуры в составе станции «Луна-9» закончено, сама станция отправляется для монтажа на спускаемый аппарат в «п/я такой-то». Скорее всего, на Байконур, подумал я. Теперь только бы не сломали и нормально доставили на Луну, но это уже зависит не от меня.

А перед новым годом в институт привезли еще три тележки под луноходы. Второй комплект, запасной. Вдруг с полетом первого что-то пойдет не так? В ином прошлом, вон, при попытке запуска первого лунохода отвалился обтекатель лунного модуля. Ну, сейчас-то он не отвалится, Шелепин проследит, но ведь это не единственная деталь, способная отвалиться, когда не надо. А если приплюсовать туда еще и те,

что могут, наоборот, не отвалиться, когда надо, то становится ясно, что без запасного комплекта не обойтись никак.

И, наконец, двадцать девятого декабря, с почти месячным опережением того, что было в антоновском прошлом, в космос отправились собаки Ветерок и Уголек. Хотя я и предоставил материалы о том, как на них сказался полет, и что-то даже обещали исправить, но все равно даром им почти месячный полет не пройдет. Но лучше все-таки им, чем потом нашим космонавтам на «Союзах». А собак никто не бросит. Если все пойдет как там, то они доживут в сытости и довольстве до глубокой — по их собачьим меркам — старости.

Глава 34

Наступление нового, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года и семнадцатилетие Веры мы отпраздновали на улице Крупской — наверное, все-таки в последний раз. Вряд ли строители будут волынить еще год, особенно после хорошего втыка от Шелепина, который он им устроил во время недавнего визита.

Вера надела платье из «Березки» и настояла, чтобы я вырядился в свадебный костюм.

— Сам же говорил, — объяснила она, — что во всем нужны тренировки. А ты его одевал только на примерке! Вдруг с непривычки на свадьбе в самый ответственный момент в рукавах или штанинах запутаешься?

Тут Вера слегка смутилась. Наверное, сообразила, что самый ответственный момент наступит не на свадьбе, а немного погодя, и тогда на мне не будет не только костюма, но и всего остального тоже. Разве что кроме часов.

Антонов не удержался, заявив мне:

— Вообще-то костюм не очень мешает. Помнишь, в восемьдесят втором, в застрявшем лифте? Эх, какие времена были...

— Ностальгируй молча, — посоветовал я. Да, у моего духовного брата были причины и для легкой хандры, и даже для возвышенной грусти. Дело в том, что его недавно бросила рыбная принцесса. Ну то есть как бросила — были, конечно, и слезы, и клятвы типа «мальчик мой единственный, я тебя никогда не забуду», однако сути они не меняли — принцесса уезжала в Минск, где собиралась выйти замуж за торгового деятеля республиканского масштаба. А ее «единственный мальчик» — ну надо же было догадаться так обозвать Антонова — естественно, оставался в Москве. И время от времени принимался страдать.

В отличие от нас с Верой, и тетя Нина, и дядя Миша встречали двойной праздник в домашнем, а Джулька вообще в чем мать родила, даже без ошейника. Как сказал какой-то поэт, почти Пушкин — «легко живется им, собакам».

— Так когда там обещают дом-то сдать? — вздохнула тетя Нина.

— К майским праздникам. Теперь уже скорее всего наверняка, потому как дело на контроле у самого Шелепина, а он шутить не любит. Да вы не волнуйтесь! Найдется кому Веру в школу возить.

Ну да, теперь Нина Александровна, пожалуй, скорее предпочла бы, чтобы сдача дома задержалась где-нибудь до середины лета. Потому что за месяц до окончания десятого класса переводиться в другую школу Вера не хотела, и правильно. Вот мать и беспокоилась, что дочь будет ездить на занятия и экзамены на мотоцикле. Впрочем, зря, Вера отлично понимала, что ездить в школу даже на таком мотоцикле, как «Макака», не самая лучшая идея. Ну это примерно как если бы в двадцать первом веке ученица сельской школы стала приезжать туда на «Бентли».

— Мать, да ты не беспокойся зря, — вступил в беседу дядя Миша, — я ее всегда смогу и отвезти, и привезти. Мне уже новую машину выделили, сейчас старую сдаю.

Так как сдавал он ее по сути самому себе, то процесс происходил неторопливо и вдумчиво. А новая мало того что была не двадцать первой, а двадцать второй «Волгой», то есть универсалом, так и предназначалась она нашему институту. Персональные машины в нем были у директора и у меня, еще одна являлась общей для оставшихся трех замов, а эта «Волга» должна была стать разгонной.

— И даже если дом будет сдан, как обещали, то не думаю, что нас отсюда выгонят на следующий же день, — добавил я. — Мы можем переезжать не торопясь, как раз за месяц и обернемся. Нам ведь вроде не горит.

— Правильно, — обрадовалась Вера. — Потихоньку вывезем отсюда всю мебель, кроме столов, стульев и магнитофона, чтобы стало побольше места, и отпразднуем тут свадьбу. А окончательно переселимся сразу после нее.

Я вообще-то собирался устроить торжества в бывшем ресторане «Кристалл», который недавно к визиту кубинского лидера переименовали в «Гавану» — деньги на это были. Но тут подумал, что Вера, пожалуй, права. Мы же не какие-нибудь буржуи! А почти простые советские трудящиеся, так что не будем смущать гостей непривычной им обстановкой и отпразднуем в квартире, вроде планируется пригласить не очень много народу. Как-нибудь поместятся, а закусь можно будет и заказать в том же ресторане.

— Но ты давай не ленись, занимайся, — напомнила тетя Нина, — а то нахватаешь троек, и свадьба будет хорошо если в сентябре.

— Вот именно, — подтвердил я, хотя на самом деле по этому поводу не особо волновался, потому что лично натаскивал невесту по математике, химии и физике, а скоро к процессу обещали подключиться Ефремовы с литературой, историей, биологией и географией.

Тут по телевизору начался бой курантов. После него сыграет гимн Советского Союза, потом диктор поздравит всех с новым годом, а сразу за поздравлением начнется «Голубой огонек». Первые лица страны народ еще не поздравляли, эта традиция появится позже. Хотя, возможно, и не сильно позже, потому что я уже рассказал о ней Косыгину.

Ну, а Вере начали дарить подарки, ведь ей исполнилось семнадцать лет. Родители — сшитую ими самими по моим эскизам мотоциклетную экипировку с защитными вставками, а я, подождав, когда стихнет восторженный визг именинницы, дополнил комплект изящными мотоботами. Кстати, вот уж геморрой был! Антонову пришлось заказывать их кусками такого размера, чтобы они пролезли в прошлое, а мне здесь — сшивать и склеивать. Но получилось неплохо. Потом я вручил купленные Антоновым полужеркальные очки, но не за триста рублей, а за четыре тысячи, шепнув «это тебе от дракона».

Под занавес Джулька притащил ей новые домашние тапки, а то старые были уже сильно малы. От полноты чувств Вера даже слегка всплакнула, но быстро вытерла слезы, расцеловала сначала родителей, потом Джульку, а последним, но зато вдохновенно и тщательно — меня.

— А бедного меня почему никто не целует? — снова подал голос Антонов.

— Да успокойся ты, и тебя тоже целовали, ты просто не обратил внимания. Помнишь, в ухо? Этот поцелуй предназначался именно тебе. И вообще вам, сударь, надо копить силы для грядущих свершений, а не заглядываться на чужих невест.

Какие именно свершения я имел в виду — об этом чуть позже.

Ну, а пока мы продолжали праздновать.

В новом, тысяча девятьсот шестьдесят шестом году круг задач, стоящих перед моим институтом, должен был несколько расшириться. Ведь того, что луноходы устроят на Луне шоу, для решения поставленной задачи будет мало. Что с него толку, если люди ничего не увидят? Или увидят, но немного, не все желающие и в отвратительном качестве. Поэтому кроме лаборатории систем управления, которая занималась самими луноходами, в штате НИИ появилась и лаборатория прикладной электроники, под каковым псевдонимом в ближайшее время будет выступать видеотехника.

Разумеется, запихнуть видеокамеру в корпус здешнего видеомэгнитофона (а это сундук размером с небольшой письменный стол) я смог бы сам, без всякой дополнительной лаборатории, и приделать к ней аналоговый выход задача тоже не особо трудная. Однако требовалось не только это.

Такой «видеомагнитофон» можно было спокойно использовать только в институте. Ну и еще где-то, где обеспечен достаточный режим секретности — например, в Центре управления полетами, однако телестудия на Шаболовке к таким местам категорически не относилась. И, значит, сначала требовалось обеспечить качественную перезапись с моего устройства на здешнее, купленное у буржуев на заработанную Карнаухом валюту, и уже пленку везти на телевидение. Понятное дело, аппаратура «Луны-9» будет передавать снимки лунных пейзажей в цифровом виде, причем с хорошим разрешением, иначе их качество получится как у «Луны-8», то есть почти никаким. И, значит, все это требовало проработки, а времени оставался всего месяц. Причем ладно бы только это! Как это почти всегда бывает, одна проблема тянула за собой другие. Их предстояло обсудить завтра, в воскресенье второго января, на даче у Шелепина. Почему-то и он, и Косыгин встречались со мной только на дачах, а Семичастный для серьезных разговоров вообще звал прогуляться к памятнику героям Плевны. Наверное, люди опасались прослушивания.

По виду Александра Николаевича я бы не сказал, что он вчера хоть сколько-нибудь активно встретил новый год — никаких признаков похмелья мне в глаза не бросилось. Но я все же предложил ему побыстрому пройти экспресс-диагностику, раз уж мы тут встретились без посторонних.

— Вы полностью здоровы, — резюмировал я минуты через три. — Не совсем так, как я, конечно, но для вашего возраста и образа жизни практически идеал. Неужели на новый год совсем ничего не пили?

— С тобой и с космической программой тут выпьешь, как же, — пожал плечами Шелепин, — рассказывай, что ты еще придумал.

Он потянулся было к сигаретам, но спохватился:

— Тьфу, все забываю, что ты у нас образцово-показательный член общества — не пьешь, не куришь и даже невесте не изменяешь.

— Хотите, и вам помогу бросить? Вроде должно получиться.

— Анекдот «а нафига мне такая жизнь» знаешь? Давай лучше про Луну.

— Хорошо. Итак, «восьмерка» благополучно села на Луну, обозначив приоритет, доказала, что Луна твердая, по крайней мере в районе ее посадки, и передала несколько умеренного качества фотографии. Кажется, она еще что-то попытается исследовать, но недолго. На то, чтобы пережить лунную ночь, она не рассчитана.

— Тебе этого мало?

— Да я-то тут при чем? Мне всего хватает. Мало советскому народу.

Ну да, было сообщение ТАСС, в газетах несколько фотографий. Скоро выйдет статья в «Технике-молодежи», и все.

— Что ты предлагаешь?

— Полнее использовать потенциал телевидения — мне вообще непонятно, почему Демичев до сих пор телится. Даже в двадцать первом веке, при наличии интернета, войны холодильника с телевизором уверенно выигрывает телевизор.

— Это какие такие войны?

Я вкратце объяснил и продолжил:

— А сейчас это вообще мощнейшее средство пропаганды, но используется оно крайне неэффективно. Какова, по-вашему, себестоимость батона хлеба?

— Точно не скажу, сельским хозяйством занимается Воронов, но, думаю, копеек двадцать пять. А при чем тут это?

— При том, что в магазинах он продается по тринадцать копеек. Потому как социально значимый товар, дотируемый государством. А телевизор, значит, не социально значимый?

— Предлагаешь и их дотировать?

— Да. За счет чего и насколько, сказать не могу, но начинать прорабатывать этот вопрос нужно уже сейчас, в восьмидесятых будет поздно. Но эта одна сторона проблемы, и есть люди, которые в ней смогут разобраться гораздо лучше меня. Я же хочу ограничиться тем, в чем компетентен без натяжек. Вот, например, была одно время такая передача, «Очевидное — невероятное». Посмотрите, тут десяти минутная нарезка из выпусков разных лет.

Я протянул Шелепину смартфон.

— Интересно, — согласился Александр Николаевич после просмотра. — И первый выпуск был как раз про космос. Пожалуй, это будет неплохая мысль. Капица, наверное, сможет начать вести ее и немного пораньше.

— Наверное, сможет, но у меня есть другая кандидатура.

— Попробую угадать. Сам ты этим заниматься не станешь, но то, как уверенно была предложена замена Капицы, говорит о том, что она тебе хорошо знакома. Ефремов? Веру ты тоже вряд ли будешь предлагать.

— Совершенно верно. Иван Антонович уже достаточно известен своими книгами, и народ, даже ничего не зная про передачу, захочет увидеть его на своем домашнем экране.

— Я в общем не против, а Ефремов?

— Тоже.

— Все бы хорошо, но вот то, что он беспартийный, портит картину.

— Демичев ему уже предлагал.

— Да знаю я, что он ему ответил. «Со времен первой попытки мое социальное происхождение не изменилось». На партию, понимаешь, обиделся.

— И что, не было причин для обиды?

— Может, и были, но когда это случилось?

— А он считает, что с тех пор ничего не изменилось. Никто не признал, что это была ошибка.

— Не слишком ли жирно ему будет — такое признание? Кто он такой, на партию обижаться?

— Наоборот — не жирно и не ему. Партия, уверенная, что она непогрешима и никаких ошибок у нее не может быть по определению, обречена. Если вы так не считаете, то лучше заранее озаботьтесь, где будете жить после развала Союза, если не хотите приживалкой у дочери. Кроме того, советую начать потихоньку прикупать золото, камни и, если мировоззрение позволяет, доллары. Бытовую технику не надо, она быстро обесценится. На вашу пенсию в девяностые и кефир не всегда получится купить.

— Ну ты и наглец, — покачал головой Шелепин.

— Жизнь таким стать заставила. Та самая, которая будет, если вы не захотите перемен. Так как с Ефремовым?

— Вести передачу будет он, Демичева в случае чего придержим. Насчет остального... я подумаю. У тебя все?

— Нет.

— Слушаю.

— Телевизоры пока есть далеко не у всех. И вещание отнюдь не по всей территории Союза, причем быстро ситуацию не выправить. Поэтому я предлагаю заранее подумать о фильмах. Сначала — короткие документальные, потом чуть подлиннее и уже документально-художественные, ну, а со временем дело может дойти и до полноценной высокохудожественной картины.

— С твоими луноходами в главных ролях? Драма там, трагедия, шекспировские страсти?

— А почему нет? Впрочем, тут, главное, чтобы сценаристы были талантливые. И режиссер тоже. Можно, например, поговорить со Стругацкими, но это пока не горит.

— С этим тоже ясно, — Шелепин сделал какие-то пометки во внушительного вида гроссбухе. — Еще что-нибудь есть?

— Да. Что с Королевым?

Шелепин помрачнел. Было видно, что ни малейшего желания разговаривать на эту тему у него нет, однако он все же ответил:

— Операция назначена на четырнадцатое число. Проводить ее будет Петровский, это категорическое пожелание самого Сергея Павловича. Разумеется, ассистенты подобраны более тщательно, чем в твоём прошлом. Семичастный лично предупредил Петровского о возможных трудностях при интубации трахеи, а также о саркоме.

Ну да, подумал я. Академик, конечно, внимательно выслушал и поблагодарил генерала, с председателем КГБ лучше зря не спорить, но наверняка мысленно покрутил пальцем у виска. Мол, с чего бы его потянуло фантазировать на медицинские темы? Ловил бы лучше своих шпионов. А если шпионы не ловятся, то на худой конец диссидентов.

— От твоей помощи Королев отказался, — продолжил Шелепин, — хотя я ему ее предлагал.

И здесь то же самое, мысленно вздохнул я. Похоже, Сергея Павловича уже списали. Предлагать помощь можно по-разному, и, раз Королев отказался, ему наверняка было сказано что-то вроде «вас предлагает вылечить наложением рук один народный целитель». Или даже вовсе какой-нибудь «православный экстрасенс восьмидесятого уровня».

— Эх, зря я тогда не довел деструкцию до конца, — расстроено буркнул Антонов.

— Ну, довел бы, и что? Это же наверняка их общее с Косыгиным решение. Его как, тоже? Так еще неизвестно, что бы на его месте решил Брежнев. В общем, я считаю, что это их дело. Но запись этого разговора, конечно, сохраню. Мало ли, вдруг когда пригодится.

Ну и, наконец, настало время рассказать, что за великие дела ждут Антонова в будущем.

Ведь про фильмы я упоминал не просто так. Однако не факт, что луноходы наснимают достаточно много интересных кадров. И, значит, придется прибегнуть к помощи компьютерной графики. Вот только сам Антонов знал ее на уровне среднего юзера, не выше. Однако он недавно познакомился с довольно молодой, лет тридцати пяти, успешной художницей, работающей в фирме, занимающейся играми. И вот уж ей на основании фото луноходов и лунной поверхности под ними наверняка будет не очень трудно смонтировать несколько роликов об их захватывающих приключениях.

Нет, ей, конечно, за работу заплатят, и немало. Но все же лучше, если она будет трудиться из не только меркантильных соображений. В общем, в

ближайшее время моему духовному брату предстояло мобилизовать всю его природную обаятельность. Ну и все остальное, что может понадобится женщине. Правда, насколько я помнил, особой внешней привлекательностью она не отличалась, но, надеюсь, афоризм про то, что некрасивых женщин не бывает, все знают? Антонову даже водки не понадобится, хватит одной силы воли. Тем более что они со Светой, кажется, уже надоели друг другу. И чем искать замену просто так, лучше это делать по принципу соединения приятного с полезным.

Глава 35

Королев умер не четырнадцатого, а шестнадцатого января. Операцию он пережил, но через два дня после нее все-таки скончался, больно уж она тяжело прошла. Власть, как и в Антоновском прошлом, тут же его рассекретила и принялась лить крокодиловы слезы во всех газетах и по телевизору. Я к этому отнесся спокойно, потому как ничего другого не ожидал. Меня больше беспокоил несколько иной вопрос.

Я же помнил, как это интерпретировал народ. Мол, при Королеве у нас в космосе были одни сплошные победы, а после него что стало? За весь шестьдесят шестой год ни одного пилотируемого запуска, потом гибель Комарова. И постепенная сдача позиций американцам, так что их лунная высадка не запустила процесс разочарования советского народа в космических успехах, а всего лишь поставила в нем жирную точку.

Хотя, наверное, на самом деле тут сказалось не то, что мы потеряли Сергея Павловича, а то, что потенциал рывка начала шестидесятых был полностью исчерпан. И, значит, пора было начинать готовить почву для нового. Как уже однажды показала история, сам по себе он не произойдет.

Тридцать первого января ракета-носитель «Молния» вывела на околоземную орбиту станцию «Луна-9» с посадочным модулем₄ а третьего февраля она успешно прилунилась в Океане Бурь.

Я к тому времени уже третий час подряд скучал в Калининграде. Не в том, который бывший Кенигсберг, а в том, который будущий Королев. Кстати, идею о переименовании города я Шелепину уже подкинул. Ну куда это годится, когда в стране два Калининграда!

Так вот, тут, совсем рядом с Москвой, располагался Центр управления полетами — помимо того, который в Евпатории — и именно здесь должна была произойти финальная дешифровка отправляемых с Луны сигналов.

Наконец, когда я уже притомился ждать просто так и начал было жевать бутерброд из запасов, которыми меня снабдила Вера, по залу разнесся радостный крик:

— Есть связь!

Я глянул на свой якобы «особый пульт связи», то есть здоровую тумбу, к которой были подключены кабели от приемной аппаратуры, а внутри находился маленький одноплатный компьютер «расберри-пай» с обвесом моего изготовления для сопряжения со здешней аппаратурой печати и цветным телевизором «Филипс». Еще там стоял небольшой экранчик,

любоваться на который можно было через окуляры наподобие микроскопных — чтобы кто попало не мог увидеть это чудо техники. На верхней же крышке ящика, рядом с окулярами, располагалась клавиатура местного изготовления, замаскированный под очень большую кнопку тачпад и десяток даже не светодиодов, а лампочек под цветными стеклами. Так вот, загоревшаяся желтая лампочка свидетельствовала о том, что какой-то сигнал действительно идет. Я глянул в окуляры, убедился, что моего вмешательства не требуется, и вновь вгрызся в отложенный было бутерброд.

— Ну что там, что?

— Да пока ничего, минут через пять будет первый снимок, — ответил я, дожидаясь первого бутерброда и решив, что со вторым можно и погодить.

Эта «Луна» для начала должна была быстро передать панораму из семи снимков, каждый разрешением триста двадцать на двести двадцать. Потом оператор выберет, в каком порядке те же картинки отснять и передать уже в формате тысяча двести восемьдесят на восемьсот. Передавать такую картинку долго, поэтому лучше заранее выбрать наиболее выигрышные виды, ибо станция на длительную работу не рассчитана. «Луна-8» проработала всего восемь с половиной часов, а потом издохла.

Вот закончилась передача первого снимка. Я приник к окуляру и несколькими нажатиями на клавиши вывел результат на экран телевизора. Столпившиеся около него и непосредственно не занятые сотрудники издали дружное «ох». Интересно, что они скажут, когда пойдут картинки в максимальном качестве. Только бы аппаратура выдержала, не померла раньше времени.

Уже часов через пять, после начала приема третьего большого снимка стало ясно — что-то идет не так. Аккумуляторы садились куда быстрее, чем предусматривалось изначально, а солнечных батарей «Луна-9» не имела. Я по своему каналу затребовал у «Луны» внеплановую проверку всех устройств, имеющих выход на центральный процессор, хоть это и немного задержало передачу очередного снимка. Однако никакой неисправности система не обнаружила. То есть, скорее всего, начала кончаться сама аккумуляторная батарея, поэтому я с трудом дождался окончания передачи четвертого большого снимка и дал команду на отмену начала передачи пятого.

— Все, товарищи, дальше тянуть нельзя, — сообщил я.

— Эх! — расстроено прокомментировал один из разработчиков

станции, — только-только обрадовались, и на тебе. Хотя, конечно, снимки отличные.

С моей точки зрения, эта «Луна» полностью выполнила поставленные перед ней задачи. Снимки сделала, уровень радиации замерила, а что в программе были еще какие-то пункты, так и хрен с ними.

— Емкость аккумуляторов девятнадцать процентов, — сказал я, надевая шапку. — А пару минут назад была двадцать. При пятнадцати процентах система сработает аппаратно, но, как мне кажется, лучше не тянуть.

Я набрал на клавиатуре три — пять — четыре, это был код самоликвидации. И нажал «ввод».

Трансляции с посадочного модуля не было, она осуществлялась только с самой станции, но большинство присутствующих и так знали, что сейчас происходит на Луне.

Там убиралась внутрь камера и сворачивались лепестки антенны дальней связи, и через минуту после получения команды станция вернулась к тому виду, в котором была доставлена на Луну, то есть вновь стала шаром. А потом внутри этого шара сработал термитный заряд, и вся его начинка превратилась в перегоревший шлак. Мало ли, вдруг американцы, прилетев на Луну, найдут станцию? Ни к чему смущать их микросхемами и камерами из двадцать первого века.

Я встал и снял шапку. Собственно, и надевал-то ее только для того, чтобы было чего снять.

— Товарищи, с прискорбием сообщаю, что автоматическая межпланетная станция «Луна-9» прекратила свое функционирование. Почтим ее память минутой молчания.

Домой я приехал около полуночи, но никто не спал.

— Вить, как? — первой спросила Вера.

— Прекрасно. Вот, смотри.

Я протянул ей четыре цветных фотографии, которые в ЦУПе успели отпечатать на бумаге.

— Ура! — шепотом завопила Вера — все-таки была ночь. — Ты у нас самый-самый-самый! А красота-то какая! Это наша Земля, да?

— Ну да, с Луны никакой другой планеты в таких подробностях не видно.

Тут зазвонил телефон.

— Наверное, Иван Антонович, он уже два раза звонил, волновался за тебя.

— За меня-то чего волноваться? Я никуда не летал, станция все

сделала сама.

— Но могла ведь и не сделать? Могла. Вот он и волновался. Да, Иван Антонович, он только что приехал (это уже в трубку). Да, сейчас. Вить, разговаривай.

— Здравствуйте, Иван Антонович. Да, все прошло более или менее благополучно. Что? Да, конечно. Завтра с утра перед работой заскочу к вам, все расскажу и покажу.

Следующий день тоже выдался суматошный — после работы я поехал не домой, а на дачу к Косыгину. Там, кроме него, был еще и Шелепин. Семичастный на этой встрече отсутствовал.

— Ну, для начала поздравляю от лица партии и правительства, — заявил Александр Николаевич. — И, по традиции, держи.

Он протянул мне конверт — такой же, как за восьмую «Луну», но не столь пухлый.

— А теперь садись, разговор предстоит серьезный. Как ты оцениваешь возможность выполнения лунной программы в твоем варианте к пятидесятилетию революции?

— Вам честно или с соблюдением приличий?

— Еще спрашиваешь?

— Хорошо. Значит, я это оцениваю как авантюру с весьма малыми шансами на успех. Луноходы-то будут, хотя испытания выявили необходимость некоторых серьезных доработок. А все остальное? УР-500 еще толком не летает. Посадочный модуль от «Лун» для этой программы не годится, но другого нет и неизвестно, когда будет. И, главное, лично я на все эти трудности не могу повлиять никак. С моей точки зрения, выполнимый срок — конец шестьдесят восьмого года. Или даже начало шестьдесят девятого.

— Хорошо, что ты реально оцениваешь состояние дел. У нас с Алексеем примерно такое же мнение. Однако есть способ заметно ускорить работы. Догадываешься, какой?

— Разумеется. Кого вы предлагаете?

— Пилюгина, Челомея и Глушко. По урезанному варианту и каждого по отдельности, не ставя в известность о том, кто, кроме него, посвящен в тайну. Заодно и проверим их на болтливость. Как по-твоему, в таком варианте надежда есть?

— Ну что вы опять меня-то спрашиваете? Это вам ваша троица ответит, когда поймет, чем именно я им смогу помочь.

— Так я же не обязательств все сделать в срок от тебя требую, а прошу поделиться мнением. Думать-то что-то по этому поводу должен? Вот и

поделись.

— Хорошо. Мне кажется, что так может и выгореть.

— Нам тоже, но это еще не все. Мы тут подумали и решили, что тебя следует кое во что посвятить. Итак, тут вот какие просматриваются дела. Мы с Алексеем даже при некоторой поддержке Брежнева все равно не можем проводить те изменения, которые уже запланированы. В нынешнем составе Президиума это невозможно. Даже если поддержка Брежнева станет не некоторой, а более или менее серьезной, все равно далеко не факт, что получится. То есть, похоже, список полных посвященных придется расширить еще на одного человека. На Леонида Ильича. И мы считаем, что это лучше сделать именно тебе, без предварительного уведомления от любого из нас. Разве что мы поможем организовать саму встречу, и все.

— Да у меня вообще-то его телефон есть, и разрешение в случае чего звонить тоже.

— Вот и хорошо, звони и договаривайся. И тогда, если еще удастся успеть высадить твою механическую банду на Луну к годовщине, у нашей команды появятся реальные шансы на успех.

В воскресенье шестого февраля состоялся первый выпуск передачи «Мы и Вселенная», названной так с подачи ее ведущего — Ефремова. Он был посвящен очередному крупному достижению советской космонавтики — успешному прилунению АМС «Луна-9». Впрочем, «восьмерку» Иван Антонович тоже вниманием не обошел, как и лунную программу американцев. Надо сказать, что получилось у него здорово. Даже я, прекрасно зная как то, про что он вещал с экрана, так и многое сверх того, все равно смотрел передачу с интересом. А соседи вообще сидели с открытыми ртами. Ладно, с Верой и тетей Ниной все ясно — эти любительницы фантастики остаться равнодушными никак не могли. Но ведь и дядя Миша, которому по идее космос должен был быть до лампочки, тут с недавно выкупленной «Победой» дел по горло, тоже прилип к телевизору. И периодически одобрительно комментировал увиденное — «не, ну надо же, а?», а пару раз даже не удержался от восторженного «во мля!».

Разумеется, за неполных три дня Ефремов подготовиться бы никак не успел, почти все материалы я ему предоставил заранее. А после приезда из Калининграда просто дополнил их четырьмя лунными фотографиями и кое-какими личными впечатлениями.

В среду я позвонил нашему дорогому Леониду Ильичу.

— Здравствуй, Витя, — поприветствовал он меня, — это хорошо, что

ты позвонил, а то я уже сам собирался. Молодец, сдержал свое обещание, ну и я свое помню. На днях, думаю, ты станешь полноценным членом партии, хотя на самом деле, если подойти не формально, уже давно им являешься. Эх, как бы у нас пошли дела, если бы все были такими, как ты!

Я представил себе толпы попаданцев из двадцать первого века, в неудержимом порыве сметающие с прилавков икру, крабов и лосося, и хмыкнул. Правда, мысленно. А вслух сказал:

— Спасибо, Леонид Ильич. Но вообще-то я вам хочу кое-что рассказать, и не по телефону. Что? Завидово? Знаю. Хорошо, в субботу к трем часам дня буду. До свидания, Леонид Ильич.

Глава 36

Если какая-то общая задача состоит из нескольких частных, то я обычно выбираю самую сложную из них. Когда ее удастся решить, то остальные потом пройдут как по маслу. Ну, а если нет, то какой смысл с ними возиться? Полного-то решения все равно не будет.

Правда, с выполнением шелепинско-косыгинского поручения строго придерживаться этого правила не получилось. Из всего списка мне пришлось первым открыться перед Брежневым, что, с моей точки зрения, было проще всего. Почти не требовалось врать. Да и материалом, то есть историей страны и судьбой его близких после смерти Леонида Ильича, я владел хорошо.

— А ведь чувствовал я, Витя, что с тобой все ох как непросто! — подтвердил он, получив доказательства того, что я из будущего. — Значит, говоришь, Галя после моей смерти совсем спилась? Да, она уже сейчас частенько позволяет себе лишнего. А этот... Юрий Чурбанов... вроде вполне приличный молодой человек. Он, значит, положительно на нее повлиял? Спасибо за сведения, надо подумать, как их познакомить пораньше. А это у тебя тут что за папка с надписью «Пь»?

— Сокращение от слов «Поздний Брежнев». Нарезка сюжетов из восемьдесят первого и восемьдесят второго годов. Будете смотреть? Местами это довольно тяжелое зрелище.

— Ничего, нам, коммунистам не привыкать к преодолению трудностей. Показывай.

Я даже не ожидал, что просмотр так поразит Леню. У него, похоже, от потрясения из речевого буффа вылетели все коммунистические словообразования, и он растерянно пробормотал:

— Господи боже мой, и эта жаба — я?! Да кто ж меня так орденами-то с ног до головы обвесил?

— В основном вы сами. Ну и прихлебатели, конечно, тоже постарались.

— И когда это начнется? В смысле, по здоровью?

— В моем прошлом началось в шестьдесят восьмом, во время чехословацкого кризиса. Ну, а к семьдесят седьмому году картина уже мало отличалась от той, что вы видели. Нервничать вам нельзя, Леонид Ильич. Если будете, то даже я смогу только притормозить процесс, но прервать его и обратить вспять — увы. Берегите себя, от вас многое зависит.

— Хм... а что за кризис такой?

— Вот папка с его описанием, читайте.

Брежнев не то чтобы прочитал — папка была довольно объемной — а пролистал ее и сокрушенно покачал головой:

— Эх, Саша, Саша. Другом ведь меня называл! Как же это он так переродился? Ну да ничего, теперь-то у него такой карьеры не будет. Вот только ты скажи, как тут можно не волноваться?

— Леонид Ильич, есть такое понятие, как мантра. Или, если перейти на материалистическую терминологию, то установка. Запомнив несколько штук и научившись ими правильно пользоваться, вы перестанете волноваться с интенсивностью, опасной для здоровья. Итак, мантра первая — «Да и х... с ним!». Запомнили? Ее надо мысленно произносить сразу по получению любой неприятной вести. Действительно ведь помогает, серьезно вам говорю на основании собственного опыта.

— Думаешь, я сам таких мантр не знаю? — захохотал Брежнев.

— Ну, все, наверное, таки не знаете. А известные применяете неправильно, раз волнуетесь. В общем, Леонид Ильич, не беспокойтесь. Я вовсе не хочу, чтобы вы потеряли здоровье на службе партии и народу, и приложу все усилия, дабы этого не допустить. С вашей помощью это у меня наверняка получится.

Следующим в списке на частичное раскрытие моего происхождения и всего с ним связанного был Пилюгин, выдающийся разработчик систем управления космических аппаратов и военных ракет, директор НИИАП-а. Он сам приехал к нам в «Мечту» и явно был удивлен, если не сказать разочарован. Что может видеосистема «Луны», он знал и сам выразил желание познакомиться с ее разработчиками. И теперь начинал подозревать, что его водят за нос. Небольшое здание, причем почти пустое — правда, территория приличная, два гектара. И все было разработано здесь? Поверить в это Николаю Алексеевичу было непросто, и он этого от меня скрывать не стал.

— Ну, элементную базу мы точно не разрабатывали, брали готовую. Где? Это уже другой вопрос. И вообще, давайте начнем сначала. Не буду спорить, характеристики видеоаппаратуры «девятки» намного превосходят все, что до сих пор считалось возможным. Если уточнить «в этом мире», то все встанет на свои места.

— Но не будете же вы утверждать...

— Буду. Причем не только утверждать, но и доказывать — прямо сейчас. Вот, смотрите.

Я показал ему планшет, а потом в течение пятнадцати минут — кратко

его возможности.

— Другие доказательства вам нужны?

— Нет, такие технологии находятся далеко за гранью возможного, уж это я понял сразу. Но, простите, какова цель вашего появления здесь?

— Изучение опыта СССР в построении социализма. И посильная помощь этой стране. В частности, в области освоения космоса.

— То есть вы сможете поставлять такие комплектующие нам?

— В мизерных количествах — уже поставляю. Хотя, конечно, для одного-двух космических кораблей много и не надо. Увеличить объемы поставок не могу, для серийного производства вам придется поработать самим. Образцы для копирования я подобрал — разумеется, самые простые. Те, изготовление которых в принципе возможно для советской промышленности. Микропроцессоры в них пока не входят. Хотя, наверное, четыре тысячи четвертый уже можно попытаться предложить на сдирание, но только где же такой антиквариат взять?

В общем, мы с Пилюгиным быстро нашли общий язык, как разработчик с разработчиком. Он обещал заезжать почаще и пригласил меня посетить его НЙИАП. Я не стал говорить, что бывал там, и не раз, правда позже и в виде Антонова.

Затем, уже в середине апреля, настала очередь Челомея. Этого в моем иномирном происхождении пришлось убеждать дольше, одного показа планшета оказалось мало.

— Не факт, что пришелец — именно вы, несмотря на этот прибор. Вам его, например, могли его вручить в одном ведомстве, которое мы не будем упоминать всуе, — усмехнулся он. — И научить работать с ним, я уже вижу, что это нетрудно. Где они его взяли, я не знаю, но необязательно там, где вы меня уверяете.

— Ага, — согласился я, — и еще вот этому научить.

После чего быстро повторил трюк с его же распечатанными словами.

Это уже убедительней, — кивнул он, — но тогда, если вам не трудно, продемонстрируйте, пожалуйста, что-нибудь по космической тематике. На Марс у вас уже летают?

— Роботы — да. Люди пока только собираются, но без особого энтузиазма. Просто потому, что никто толком не понимает, зачем им это нужно. Хотите увидеть старт марсианской ракеты? Сейчас будет. Вот, смотрите.

Я запустил ему сорокапятиминутный ролик про «Фалькон Хеви», Антонов недавно записал трансляцию запуска «Теслы» в космос в реальном времени. Вот тут Челомея проняло всерьез, особенно когда он

увидел синхронную посадку боковых ускорителей первой ступени.

— Это же три практически одинаковые ракеты? — спросил он. — Две по бокам — первая ступень, центральная — вторая, но начинающая работать сразу, а на нее насажена третья? Какие там двигатели?

— На всех ступенях — кислородно-керосиновые.

— А на высококипящих компонентах у вас что, их не делают?

— Делают, но довольно редко. В новых разработках такое топливо, насколько мне известно, вообще не используется.

— Сколько двигателей на каждой ракете? И вторая ступень, она тоже многоразовая?

— Двигателей по девять. Да, и вторая тоже, но конкретно в этом запуске вернуть ее не удалось. Упала в море. Можно сказать, неудача.

— Нам бы такие неудачи, — завистливо вздохнул Челомей. — И кадры, что я видел, это была прямая трансляция?

— Да, в режиме реального времени.

— Почему вы не снабдили «Луну» такой аппаратурой?

— Во-первых, для сохранения тайны. Вы же не поверили бы, скажи вам кто-то, что все это сделано на здешней элементной базе? И никто, хоть немного разбирающийся в вопросе, тоже не поверил бы. Вот я поставил технику попроще, в принципе возможную и у вас. Правда, весила бы она порядка на два больше, но это уже другой вопрос. И вторая причина — я не Маск. Он может оперировать сотнями миллионов долларов, а я — только десятками тысяч рублей. Изредка сотнями. Там, разумеется, у себя, а не здесь.

— Кто такой Маск?

— Запуск, который вы видели, осуществила американская частная компания «Спейс Икс», и Маск — ее президент.

— Так вот почему там вместо массогабаритного макета автомобиль — ему, наверное, заплатили за рекламу.

— Нет, у него есть своя фирма, делающая электромобили, и это ее продукция.

— Мда... голова кругом. Скажите, а нельзя мне к вам попасть на время? Очень хочется на все это взглянуть хоть одним глазом.

— Увы, ваше личное перемещение туда невозможно. А насчет посмотреть — пожалуйста. Скажите мне, что вы хотите увидеть, я все сниму, и смотрите здесь на здоровье. Этот планшет предназначен вам. Насколько я в курсе, о мерах по сохранению строжайшей секретности вас уже предупредили.

А вот беседа с Глушко не получилась. Не в том смысле, что она

прошла как-то не так — нет, она просто не состоялась, хотя на календаре был уже май месяц. Валентин Петрович проигнорировал намеки о том, что ему очень не помешало бы посетить некий НИИ «Мечта», а Шелепин, хоть и был куратором советского космоса, приказать ему не мог. Косыгин тоже. Мог только Устинов, но он в число посвященных не входил.

В общем, здешний я, то есть Виктор Скворцов, к двадцати пяти годам добился немалых успехов. Материальных тоже, но это не столь важно. А вот что Ефремов уже почти совсем здоров и всю пишет «Чашу отравы», успевая при этом вести передачу «Мы и Вселенная» — это совсем другое. И Леня Брежнев не только не собирается впадать в маразм, но и отлично понимает, кто именно может помочь ему избежать подобной незавидной участи. В общем, можно сказать, что первая часть моих планов, которые я начал составлять в начале шестьдесят четвертого года, более или менее успешно выполнена. Пора приступать ко второй. В чем она будет заключаться? Об этом потом, сейчас я занят. У меня, между прочим, завтра свадьба.

Эпилог

Я сижу на подоконнике в бывшей своей комнате бывшей нашей квартиры на улице Крупской. Окно открыто, за ним зеленая стена кустов, двора вовсе не видно. Под окном зацементированная в землю перевернутая буква «U» из толстой арматуры, но ни одного мотоцикла рядом с ней нет, они оба уже в Троицком.

Вчера здесь гуляла наша с Верой свадьба, а сегодня квартира уже абсолютно пуста и до блеска вымыта. Столы и стулья увезли рано утром, а потом тетя Нина с двумя подругами начисто все вымыли. Вера тоже рвалась помогать, но ее не пустили.

Молодая жена сидит у меня на коленях и время от времени целует в щеку и в ухо. Мы с ней ждем какую-то комиссию из ЖЭКа, которой надо будет сдать квартиру и ключи.

В общем, первый этап моей жизни в качестве Виктора Скворцова сейчас закончится, уже звонят в дверь. Интересно, каков будет второй?